

ВЯЧЕСЛАВ БЕЛОУСОВ

Волжский роман

Плаха да колокола

Волжский роман

Вячеслав Белоусов

Плаха да колокола

«ВЕЧЕ»

2021

Белоусов В. П.

Плаха да колокола / В. П. Белоусов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8618-0

Это роман о преступниках и сыщиках, чекистах, прокурорах и судьях, о вершителях судеб в 20-х годах минувшего века, о напугавшей всю страну «Астраханщине», о кровавых бандах «Речные пираты» и «Чёрная пятёрка», о сложной юности нового государства, рождённого революцией.

ISBN 978-5-4484-8618-0

© Белоусов В. П., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	26
Часть третья	78
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Вячеслав Белоусов

Плаха да колокола

*Посвящается маме Татьяне Андреевне и отцу Павлу
Илларионовичу, молодость которых выпала на это страшное и
удивительное время*

Знак информационной продукции 12+

Волжский роман

© Белоусов В.П., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

«Историческая наука – это вечный, никогда не прекращающийся спор», так как предмет её – безбрежный океан жизни, тайны сотен миллионов людских душ. Кто из историков возьмёт на себя право сказать: «Я понял их» и загасить свечу на пути к ускользающей истине? Как писал французский писатель Андре Жид: «Доверяйте тому, кто ищет истину, а не тому, кто её уже нашёл».

Иногда мне кажется даже, что историческая наука и не в состоянии понять прошлое, «объяснить» революцию, что без великого нашего литературного наследия сделать это ей просто не под силу. Со школьных лет мы знали: «революции – локомотивы истории», «революция 1905 года – генеральная репетиция Великого Октября», «Февральская революция – пролог Октября», а затем – «триумфальное шествие Советской власти». Потом наши познания расширились: «рабочий класс – авангард и гегемон революции», «крестьянство – союзник пролетариата», «партия – организатор и руководитель революционного движения...». Эти и другие трафаретные понятия, часть которых выражалась в форме сомнительных литературных метафор, «укладывали», «упаковывали» драматическую историю революции в схему, обструганную, как бревно для телеграфного столба. И что же удивительного в том, что оно стало превращаться в труху, как только начали приоткрываться оцинкованные двери спецхранов и на свет божий извлекли ранее «запретные книги»? Кого виним мы в этом, к чему ищем коварных «очернителей» нашей истории? По делам нашим воздаётся нам...

Г. Иоффе, доктор исторических наук. (Читая «Архив русской революции. М.: Терра, 1991)

Часть первая

Речные пираты

I

Как тюрьму ни назови: исправительный дом, следственный изолятор или «Белый лебедь», тюрьма так тюрьмой и останется.

Народ местный затосковал: долго в «Белом лебеде» промурыжат. А поначалу слушок пролетел, будто верха подгоняют здешнее начальство, и потому те глубоко копать не станут, выгоды никакой. Но на днях взяли сразу четверых или пятерых пиджаков – конторских финансистов, к нам отношения не имевших, и совсем непонятная сплетня пролетела: обещают прислать мудрёных зуботык из краевой прокуратуры, аж с Саратова. Прибудет несколько человек, вроде как на подмогу нашим, астраханским.

Сенька Голопуз, здешний проныра и тот ещё хмырь, разнюхал к вечеру, что самого Борисова их главный снарядит. То ли по наши души, то ли с конторскими крысами возиться, ну и в горячке попёр: «Вона каки людишки понаедут! Залётные пинкертоны! Эти мелюзгой не мараются! Полетят пух да перья!» А сам с меня на Китайца глазки так и перекидывает, так и жмурится, будто кот на сметану. И потом к Панкрату Грибову, старосте нашему по камере, чуть не в ножки клонится: как тот?

«С тебя, паршивого, даже блохи дёру дали! – под общий хохот рывкнул на него Гриб, грохнул об пол деревяшкой, что у него вместо ноги. – Потому как драть с тебя, окромя синих рёбер, нечего», – и поддел клюкой Сеньку под тощий зад.

Паникёра он, конечно, усмирил на глазах у всех и настроение поднял, только переборщил, подумалось мне, давно и я, и Китаец приметили, что подсматривал да подслушивал за нами с первых дней Голопуз по заданию старосты. Мы ведь среди их братвы словно две белые вороны: как ни прикидывались охламонами, по мелочи угодившими в тюгулёвку, арапа заправить не удалось. Поэтому Сенька так и крутился рядом, так и ловил любой шанс вывести что-нибудь о нас, но, получив пинка, припух, забился в угол, хотя надолго его не хватило. Зачухались, зашушукались подле него мужики. Кто-то голос подал, копать, мол, начнут заново да основательней, тогда уж точно без мордобоя не обойтись. Слышали некоторые, что Борисов не только большой спец и на голову горазд, он и кулачищем пудовым приложиться не прочь, у него не застрянет, потому как он не интеллигентик вшивый, а ищейка пролетарских кровей. Митяю Горбатову рассказывали, будто имеет Борисов лютую привычку при допросе револьвер совать в ноздрю нашему брату, для убедительности намерений мимо твоего уха норовит пальнуть в стенку, чтоб крошкой каменной обдало. Это для пущей строгости или когда в сердцах. А там уж сам думай...

При общем унынии от этих известий Панкрат снова своей деревяшкой забухал, болтовню в углах приглушил. И от себя добавил, не те, мол, времена, не при царе-кровопийце и жандармах сосуществует наш брат. А потом совсем ни к месту ляпнул, вон, мол, Иван Иванович Легкодимов из старорежимного сыска к нынешним товарищам легавым перекинулся, а разве чего себе позволяет? «Дед и прежде такого не терпел», – поддержали его одобрительными возгласами. Царского сыскаря Ивана Легкодимова, среди урок прозванного Дедом, чувствовалось, многие знали, поэтому приободрились, да и Голопуз сразу стих.

Только нам с Китайцем не понравилось. Чего это, с каких сладостей Панкрат на Ивана Легкодимова разговоры перевёл? Мне в драчку лезть не хотелось, смекнул я: бузу неслучайно пройдоха Панкрат заварил. А Китаец задёргался весь, глазками так и засверкал. Однако

вовремя я Сеньку Голопуза, оказавшегося опять подле нас, заметил. Ткнул дружка в бок, чтобы помалкивал, а самого червь гложет: Легкодимова себе в защитники Панкрат зачислил неспроста. Конечно, Иван – авторитет среди урок, поговаривают, чуть ли не вторая рука нынешнего начальства уголовки, только дела-то у него последнее время идут не блестяще. Совсем плохи дела старого сыскаря у товарищей в угро, и не знать об этом Панкрат не мог. А если так, зачем братве лукавит? Дух подымает таким манером против нас двоих, чужаков?

Не сдержался я, глянул на старосту, но и он метнул мне взор. Словно полыхнул. Чего уж тут... Поняли мы друг друга. Отвернулся я к стенке и затих, сделав вид, что сон одолевает. А до сна ли было? Мысли тревожные и без того голову буравили, от слетевшихся новостей она совсем в круг пошла.

Старший следователь краевой прокуратуры товарищ Борисов, хотя и не виделись мы никогда, – давнишний знакомый. Нечего сказать, личность заметная, такого зазря к нам в пески, в тьмутаракань не погонят. Глупостей, конечно, наговаривают урки, не из тех он, чтобы рукоприкладством заниматься. Заливает и Горбатый про его пролетарство, от рабочего класса если что и имеет товарищ Борисов, так одну фамилию и косоворотку простецкую, а вместо кулачищ у него ручки впору лайковым перчаткам. Выдумки всё, на нарах сочинённые от скуки, как и прочая безалаберщина. Однако то, что в нашем городе он объявился неслучайно, у меня сомнений не было. Наоборот, обречённость, поевавшая нутро, как сюда забрался, ещё большей тошнотой аукнулась в желудке, и тоска защемила такая!..

Тот товарищ Борисов года два, а то и поболее с начальником уголовки всей республики Николаевским дотошно отлавливали удальцов, промышлявших лихим ремеслом на матушке-Волге от Жигулей до Астрахани. Называли удальцов в народе по-разному: от «привидений», «водяных чертей» до «речных пиратов», а в оперативных сводках сыскарей именовались они бандитами и налётчиками, убийцами и грабителями пароходов и грузовых посудин, перевозивших по рекам имущество промышленников да торгашей, ценности банкиров да конторщиков и других особ серьёзных. Процветало это ремесло долго, дерзко и безнаказанно, пока местные олухи, руки посбив от неудач, не обратились за помощью в Москву. До самого наркома дошло, вот и устроили серьёзную облаву на вольных людишек. Пока в секрете операция держалась, успели многих отловить. Под Самарой особая удача выпала легавым: взяли атамана нашего Жорку вместе с подружкой Серафимой, только она красотой особой славилась и будто куда-то сгинула, в Таганку его уже одного привезли. Ну а мы, уцелевшие, врассыпную кто куда. Очистив Жигули, добрались сыскари до Саратова, и вот, если Сеньке Голопузу верить, их путь теперь сюда лежит. Зубатыка с верхов, какой-то прокурор Эрлих, в газетке местной расхвастался, будто полсотни наших жиганов уже держат в Матросской Тишине, в расход пустят, лишь последних дособируют на низах. Со всеми разом желают покончить товарищи, одним столичным судом судить, так как урки в разных губерниях промышляли. Закон, конечно, ими придуман. Только исстари на Руси велось – атамана в клетку и прокатить по всей стране, чтоб потом принародно на плахе лютой казни придать. Мало что изменилось после царя-дракона, однако, думается мне, товарищ Эрлих загнул.

Казнят теперь действительно, раздувая пожар в газетках да среди публики, но расстреливают втихую во дворах тюрем. И насчёт скорого конца воровской слободы закавыка у товарищей вышла: рассыпался лихой народец в низах Волги, по речушкам да протокам схоронился, рано прокукарекали. Кто попрятался по своим щелям, а кого уберегли те, кто и раньше о нас заботился. Про Серафиму мелькнуло, что объявилась она уже с комиссаром каким-то под ручку. А вору куда? На любое готов, сам и в тюгулевку забьётся, лишь бы облаву пересидеть. Одно смущает: от сыскарей уйти хитра задача, но выполнима, а вот куда от своих спрятаться! От тех, кто так же, как ты, всю жизнь промышлял, вроде Панкрата и его братвы, а теперь чужаком тебя объявил и на свою территорию не пускает, чтобы шкуру собственную спасти.

Понимали мы с Китайцем, почему Панкрат на нас косится с первых дней и слежку Сеньке поручил. Только и мы не лыком шиты. И у нас против старосты камушек за пазухой. Одноногий жиган не из тех, за кого себя выдаёт. С Самарских краёв малява успела до нас долететь, что нездешний он, корни его тоже жигулёвские и делишки остались такие, о которых сыскарям только шепни. Под чьей-то мохнатой лапой промышлял лихим ремеслом. Поэтому цел до сих пор. А в тюрягу засел, как и мы с Китайцем, передышку взять. Впрочем, имелся ещё и другой вариант: деревяшку вместо ноги недавно ему пришлось прицепить. Случилось это после того, как едва не сдох он от заразы да газовой гангрены в болотах, где с Чёрной маской, лихим самарским налётчиком, хоронился от обложивших их легавых. Кассу приличную на рыбзаводе взяли, а ног унести не смогли, вот и кормились лягушками в трясине. Как уцелел Панкрат, один он знает, только рта не откроет, хоть тесак суй меж клыков. А вот братва, что с Чёрной маской пряталась, вся канула в небытие. Сам-то Черная маска сдался, и шлёпнули его скоро, а Панкрата след затерялся. Звали его тогда, конечно, не Панкратом Грибовым, но прошло время, и объявился в «Белом лебеде» староста с деревяшкой вместо ноги и той же рожей. Имел тот староста великий воровской багаж, а на нарах парился по пустяку – срезал якобы сумку у раззявы-нэпманши. Сенька Голопуз не знал, куда морду прятать, когда Китаюцу эту сказочку впаривал. Китаец над ней язвил и плевался неделю, но я его успокоил. Шут с ним. У нас своих забот полон рот, к чему чужими грузиться.

А сам Панкрат, кумекал я, больше хорохорится. Стар он и слаб. Да и житьё на болоте здорово его подкосило. Сколько гложет меня глазищами, а вспомнить не может. Конечно, в обросшем бородищей да усами здоровенном бугае, каким я стал, трудно узнать юнца из уличной шайки, но я-то его заметил сразу, а уж как малява с Жигулей прилетела, больше не сомневался.

Слаб, слаб одноногий, думалось мне, не годится он в старосты. Надо нам с Китайцем перевернуть в камере порядок в свою сторону, о другом смотрящем за камерой подумать.

Поутихло слегка, задремал уже было и я, только чую – пихнул меня кто-то в бок. Скосил глаз, не оборачиваясь – кому не пропасть! – Сенька Голопуз моргает, подобралшись. Сойди, мол, к Панкрату, требует. Я время выждал – не следует поганцу думать, будто по первой команде на цырах к нему понесусь. А напротив Китаец будто похрапывает, но шевельнул слегка ресницами – прикрою. Зевая, не торопясь, я поплёлся на променады до параша, а уж потом к старосте присел. Тот смолил махру, с деревяшкой возился, отстёгивал её у самого бедра.

– Газеткой разжился? – спрашивает.

– Сон перебил, – сунул я ему скомканный ком газетки. – Хватит? Или припёрло всерьёз. У меня ещё половинка имеется.

– Снабжают? – Он бережно начал разглаживать листок. – На две-три закрутки хватит, а ты её на дерьмо!

– Заботятся люди, помнят и навещают.

– Да это же «Коммунист»! – крикнул староста.

– Газетка, она газетка и есть.

– С такими газетками в отхожие места не ходят, – зажмурил он один глаз, а другим в меня впился. – Иль не боишься легавых? То-то я смотрю, особняком ты с желтомазым держишься. Или над башкой крыша надёжная?

– А мы неграмотные. Названий не читаем, когда самокрутки мастырим.

– И чего же тут прописано? – будто не слушая, разглядывал староста уцелевшие печатные колонки. – Ба! Да здесь же товарищ Турин собственной персоной! А вот и его верный помощничек Камытин рядышком! Знакомы мусора?

– А что?

– Ты читай! «Десять лет на тяжёлом посту, – медленно разобрал Панкрат заголовок и заторопился дальше. – Сегодня исполняется десять лет службы в уголовном розыске начальника губрозыска товарища В.Е. Турина и его помощника...» Ты что же? – Руки его задрожали. – Играть в бирюльки со мной?

– Я ж говорю, неграмотный.

– Врёшь, сукин сын!

– А ты не сучи! – Я враз изменил выражение лица. – Дело есть – будет разговор, а нет – ищи, кому не спится.

Мы долго поедали друг друга глазами.

– Весть имеешь насчёт Деда? – Наконец, змеей прошипел он.

Мне норова не занимать, но вздрогнул я, не сдержавшись. Больно уж злой огонёк горел в его зрачках, да и сам староста только зубами не щёлкал. А главное, про Ивана Легкодимова речь повёл, значит, решил действовать. Ну что же, подумалось мне, пора так пора, а то играем в кошки-мышки...

II

В ту ночь все спали плохо. Кто-то дохал в углу, надрывая лёгкие, стонал и вскрикивал Сенька Голопуз. Горбатый, самый близкий к нему на нарах, растолкал его, повизгивая, стращал чем-то. Потом гаркнул староста, и вроде все поутихли. Но утро началось и того хуже – с диких воплей.

Я очухался, когда крик ещё давил уши, и, продрав глаза, успел заметить в свете тусклой лампочки метнувшегося с нар Панкрата. На одной ноге староста доскакал до бесновавшегося Горбатого и одним ударом кулака свалил Митяя. Вопль как взлетел, так и оборвался. Щуплое тело уродца завертелось юлой, вцепилось в стенку, обмякло и сползло. Зажимая разбитый рот, он замычал, дико замахал свободной культей в сторону параша. Там кто-то неестественно громоздился. Как ни орал Панкрат, ни осаживал всех на места, подскочив сам к двери камеры и барабана караульным, многие сорвались с нар.

Несладкая открылась им картина: над отхожим местом громоздилось тело Сеньки Голопуза, ткнувшегося носом чуть ли не в самое дерьмо. В горячке кто-то схватил его за свалывшиеся космы и отвалил тело на спину. Тогда все и отпрянули – в левом боку шестёрки¹ торчала рукоятка заточки.

III

Короток век вора. Вор, пока молод, зависит от удачи. А не выскочил в авторитеты, когда фартило, ложись под пику или гноись в шестёрках. Сенька Голопуз последнее время перебивался на самом дне, в тюрьме прилип к Панкрату, его и вызвали на допрос первым, лишь санитары уволокли тело. Мурыжили Панкрата почти до полудня, а потом взялись по очереди за остальных, но нас с Китайцем не трогали. Занимались этим тюремные сыскари. Их было двое, не справлялись. Китайца выкрикнули только под вечер, и он пропал. Давно скомандовали отбой, но в камере не думали спать, шушукались, жались возле старосты. Тот отмалчивался, тискал свою деревяшку. Мне предстояло готовиться на допрос в ночь.

¹ Шестёрка (*уголов. жаргон*) – мелкий вор, тайный осведомитель, исполняющий приказания старших.

IV

До самого утра вызова я так и не дождался. Объявили кормёжку. Про случившееся и про Китайца больше не заикались. Спросить не у кого, без того все косились на меня и сторонились, словно прокажённого. Староста откровенно воротил от меня голову, а других гонял и орал по пустякам. Когда в мёртвой тишине закончили жевать и урки потянулись с пустыми мисками к глазку в двери, надзиратель объявил, что в наказание за произошедшее все лишены прогулки на неделю. Недовольная ругань снова посыпалась в мою сторону. Впрочем, меня это меньше всего угнетало, мучили мысли о дружке. Что с ним? Китайцу убивать Голопуза не было никакой надобности. Если и имелась, хватило бы ума поделиться намерениями со мной и не совершать этого в камере таким варварским способом. Паскудный конец собственному прислужнику и соглядатаю, несомненно, учинил Панкрат. Сенька уже ни к чёрту не годился, мы с Китайцем чуяли его за версту, из тех, кто обитал в камере, были и похитрей, а заточку, что в его боку оказалась, я сам не раз видел в руках старосты. Хоронясь, он устранял ею неполадки в своей деревяшке и ловко прятал потом от возможных шмонов². Кончил Панкрат своего гадёныша, догадывался я, чтобы обвинить потом в убийстве нас с Китайцем. Взять хотя бы последние наши переговоры, на которые Панкрат меня пригласил и которые закончились плачевно. Я сразу дал понять старосте, что прогибаться под него нам с дружкой нет нужды, наоборот, намекнул про его прежние делишки с Чёрной маской и странное спасение, когда его подельников, не задумываясь, к стенке поставили. Панкрата сразу покорежило, чем он себя и выдал. Получалось, убийством Голопуза он объявил нам войну. Не ожидал я такой прыти от старосты, ругал теперь себя за опрометчивость: старый упырь оказался проворнее и сметливей. Ему хватило нескольких часов, чтобы организовать злодейскую подставу. Я винил одного себя в заварившейся катавасии. Китаец поплатился за моё ухарство, Панкрат пошёл ва-банк и не успокоится, пока не покончит со мной. Корил я себя нещадно и за другую ошибку – во время ночной стрелки³ не выведал у старосты, где мы с дружкой перебежали ему дорожку. Врагов он учуял в нас давно, подлость готовил тщательно. Выбрал в жертву ненужного ему слюнтяя и первым нанёс коварный удар.

Всё сходилось в моём философствовании, пока другая ужасная догадка не пронзила мозг – за старостой может стоять более значительная и властная фигура! Этот человек нам с Китайцем неизвестен, скорее всего, он не из «Белого лебедя», а за его пределами обитает. Неужели из одной конторы с Борисовым?

Так или иначе, теперь передо мной стояли две задачи: уберечься самому и не оказаться мертвяком у параша, подобно Голопузу, да найти таинственного хозяина Панкрата. Ничем другим помочь своему дружке я не мог. Оставалось надеяться, что и он не спасует.

Вспомнил я день, когда встретились мы с Китайцем, и слегка отлегло от сердца – не из таких он, чтобы сдать товарища.

V

Было это несколько лет назад, но память хранит ту встречу, будто вчера виделись.

Под лапу нового хозяина и крышевателя Дилижанса я угодил, дёрнув от легавых из Самары. Но один ему был никуда не годный. Дилижанс нашёл мне проворного напарника. Раньше я про таких желторожих и шустрых не слышал никогда. Сунулся к Прохору Курагину,

² Шмон (*уголов. жаргон*) – обыск в камере.

³ Стрелка (*уголов. жаргон*) – забить стрелку – назначить переговоры из-за конфликта.

верному шептуну Дилижанса: зачем нам мартышка понадобилась, а старик отвёл в сторону и посоветовал при новичке не называть его так, китаец хоть и мал, но коряв, а по форточкам да иллюминаторам пароходным шнырять лучшего спеца не найти. Наказал язык прикусить, а делать, что велено. Новичку, как водится, проверку следовало пройти. Случалось, братва лихая попадалась, но на баб падкая. В нашем деле – это лишние хлопоты, из-за них и гибли по собственной слабости.

Ну, как положено, раз мой подопечный, приглядеть за ним поручили мне. Был он неразговорчив, держался обособленно, по утрам разогревался до пота гириями и как обезьяна прыгал по стенкам, пытаясь пяткой своротить дубовый дверной косяк. Это зарядка – гимнастика у них такая, джиу-джитсу называется; я попробовал за ним повторять – ничего не вышло, кости не те, не гнутся. А вообще на глаза ему не лез. Он откликался на кликуху Китаец, как и назвал его приведший Курагин, а настоящего имени его не знал никто.

Поначалу наладил Прохор к нему задрыг, велел насчёт баб проверить. Китаец тощ, но жилистый, отрядил он ему двух. Девки видные, бока гладкие и дело своё знают, но тот не клюнул и водяры не коснулся, выставил обеих через пять минут. Дверь чуть в щепки не разлетелась, так он с ними простился. Нацмен, смекнул я с опозданием, у них с этим строго, ну а Дилижансу Прохор потом объяснялся: шкет желторожий, видать, калека скрытный, вот две обученные кобылки и не смогли его пронять! Дилижанс хмыкнул и заторопил заканчивать с проверкой, упрекнув за некачественный женский контингент.

Следующим звеном были Лёвик Коновал и Адам Ямгурчевский – оба из цирковых борцов, среди своих их кликали «ломом подпоясанными». Я заикнулся, что покалечут его бугаи, но Дилижанс цыкнул – не в приказчики нанимаем желторожего, и Прохор, вручив Китайцу денег, обозначил забегаловку. Задача китайца выглядела простой: заказать столик и выпивку, дожждаться «гостей», которые найдут его сами, и перетереть с ними одну заказку. Но выпал новый конфуз. Лёвику он сломал нос, а Адаму повредил что-то в паху, и того с неделю наша ведунья бабка Чара выхаживала. На этом дрессировка Китайца кончилась, допустили его к делу.

* * *

Вот тогда и пришла наша с Китайцем пора, да и тошно уже становилось – заклевал Курагин. «Откармливаю, будто на убой, – бухтел он по утрам, появляясь со жраньём в сарае, где мы в основном обитали. – Пьют да жрут, а толку не видать. И будет ли?» Говорил он о нас в третьем лице, как о скотине, выдерживаемой на убой или на продажу, впрочем, особенно не усердствовал, видать, знал и другое, поэтому больше язык держал за зубами, побаиваясь нас обоих и особенно сторонясь меня. Сарай же на ночь припирали дрыном и ночами вставал, обхаживая двор кругом. Не раз слышал я его грудной кашель, когда самому не спалось. Ворочался и Китаец...

Засидевшись от безделья, вдвоём мы лихо взяли несколько подвод рыбопромышленников, устроив засады в разных местах. Лёд только встал, и на санях нам удавалось без особых хлопот появляться внезапно и незаметно. Везло или ловко у нас получалось в паре, но обходилось без особой стрельбы, а главное – без крови. Обозники разбегались сами, бросая и ружья, и поклажу, и лошадей. У страха глаза велики, а в темноте не разобрать, двое нас или целая ватага разбойников. Добычей распоряжался Курагин, засветло угоняя телеги и лошадей в известное только ему место. Мы заваливались на сеновал в сарае с припёртой дверью, как обычно, и дрыхли до вечера, а то и всю ночь, если работы не было. Находил её нам, понятное дело, Курагин, но и он перед этим укатывал надолго в город, встречаясь, наверное, с Дилижансом.

Странная это личность – Дилижанс. Он будто чудом уцелел с тех давних царских ещё времён. Лыс, пузат непомерно, но лёгок на ногу, как и на язык. Порхает и чирикает. Даже в

зиму носит светлые старомодные тройки и штиблеты, надраенные так, что в них можно смотреться. И манеры, и голос – бывший владелец публичных домов – ласков и упредителен. Я всё допытывался у Курагина про его хозяина, но тот отфыркивался как спесивая лошадь, всё время ему было не до меня. А однажды зло бросил:

– Отстань! Если б не знал ничего про твою рожу, подумал бы, что в уголовке служишь. Корней его звать. Корней Аркадьевич, а семья его сплошь музыкальная. И его этому учили. То ли на скрипача али на рояле. А он человеком стал. Вона кем управляет.

– Урками, что ли?

– Ты ещё кому ляпни, тебе язык-то быстро укоротят.

Впрочем, о Дилижансе это я так, без интереса. Нам его видеть не было надобности, и мы его, понятное дело, не особенно интересовали. Всё бы так и шло, если б ни одна закавыка: у Китайца сразу как-то не заладилось с винтарём. Прохор ему обрезы не раз менял, объяснял часами, разбирая и собирая механизм, но, будто издеваясь, оружие Китайцу не подчинялось. То оно выстреливало у него в руках само собой без всякой причины, то заедал курок или случались осечки в самый неподходящий момент. После одной из таких осечек Китаец в сердцах во время нападения бросил обрез на снег, выхватив из тулупа железяку, напоминавшую веер, едва не отрубил вздумавшему сопротивляться обознику руку. Несчастный выронил ружьё и без чувств свалился на подводу. Пришлось нам перевязывать его, чтобы не истёк кровью, везти к первому попавшемуся на берегу домику, где мы и бросили его у ворот, побарабанив в закрытые ставни.

С того случая одарил я Китайца своей двустволкой, никогда меня не подводившей, а про обозника, не сговариваясь, мы от Прохора утаили.

* * *

Зима между тем свирепела.

На Волге стужа лютая да ещё с диким ветром из года в год не редкость. Но в предновогодний месяц творилось несусветное. По ночам лёд трещал так, что пугал случайных прохожих, припозднившихся из города и перебежавших речку, барахтаясь в намётанных сугробах.

В очередной засаде мы оба здорово околели, хотя и бросили под себя драную овчину, выделенную Прохором. Я-то ещё пригублял время от времени из припрятанного флакона, а Китаец совсем пропал. Синий нос его сосулькой торчал из собачьего малахая, но губы кривил и отмахивался, отказываясь от самогонки.

Засада устраивалась вторую ночь, в разных местах, последний раз мы удачно разместились в камышах на не приметном островке, миновать который обозникам никак нельзя. А толку никакого! Кондратия Хлебникова, знатного рыбопромышленника, подводы которого мы караулили, будто предупредили.

– Профукали... продрыхли... – матерился пуще обычного Курагин, прикативший за нами под утро на телеге. Он зло кашлял, нещадно стегая кобылу, то и дело оборачиваясь, лез своей красной физиономией почти вплотную, обнюхивая и подозрительно оглядывая каждого, но в основном косился на меня. – Новый год на носу, ужель Кондратий Варфоломеевич Хлебников изменил привычке радовать городских людишек своими разносолами? В ресторанах «Аркадия» да «Модерн» небось заждались.

– Зачем ему ночью тайком корячиться? – огрызнулся я. – Он средь бела дня заранее кого надо было объехал. И вручил подарочки под звон бокалов.

– Калякай мне! – корбило Прохора. – Такую снедь на царский стол не грешно! Это тебе не килька, не хвосты вашим да нашим! Не кулёчки праздничные! Он новогодние заказы по ресторанам развозит. А с них знаешь сколь поимеет? Другим купчишкам да дельцам за год не срубить!

– Нам не до жиру! Живот к позвоночнику примёрз. Звенит нутро от холодрыги. Стопку бы поднёс.

– Доедем до сарая, хлебнешь своё! – Прохор аж задохнулся от злости. – Да ты, я чую, и без того хорош. Роба твоя, Красавчик, мне не нравится. Хватил опять?

Красавчиком меня прозвали давно за пару шрамов во всё лицо. Как глаза уцелели, неведомо. Штопавший меня в тюремной лечебке лепило не уставал удивляться. Но заросло как на собаке, а кличку я возненавидел и глотку бросался перегрызть, если забывался кто.

– Не дождёшься, когда я сдохну? – схватил я Прохора за грудки и чуть не вытряхнул из тулупа.

– Да что ты! Что ты, шальной! – перепугался он. – Дружок твой вона молчит...

– И его надолго не хватит. Ещё одна такая засада на голом льду, и останется от нас хрен да маленько!

– Мне зачем шумишь?.. – залепетал Прохор. – Корнею Аркадьевичу докладывай.

– Он думал, прежде чем в такой кулдук нас отправлять?

– Ты это... И его критиковать?

– Чужие места! – оттолкнул я от себя коновода. – На верную гибель нас сюда загнали.

– Да что с тобой, Павлуш? Остервенел словно. Откуда чужие?

– Люди Бороды нас ущучили! – выдохнул я в его рожу. – И не с таким вооружением, что у нас. С винтарями настоящими. У легавых видел? Налетела давеча банда, и очухаться не успели. Кончили бы на месте, не сыграй я под дурачка.

– А чего молчал?

– Пригрозили по первой, чтоб уносили ноги, если жизнь дорога. Галдят, что их это промысел, и баста!

– Унюхали, значит, – растянул губы в презрительной усмешке Прохор и шапку на затылок толкнул. – Объявились! Ну наконец-то!

– А ты знал? – оскалился я. – Чего лыбишься? Поминки бы уже справлял по нам. Их несколько рож! И главный какой-то Борода. Не упреди я Китайца, неизвестно, чем дело бы обернулось.

– А про Бороду откуда весть имеешь? – не придавал он моим словам никакого значения.

– Кликали так его подельники.

– При вас? – не поверил он.

– Вгорячах... А чего скрывать-то? За атамана он у них.

– А выглядит как?

– Чего пытаешь-то? Не на допросе.

– Говори, раз интересуюсь, – изменился в лице Прохор, а глазами так и ест.

– Ну, с бородой... – отвернулся я.

– Бороды разные.

– Культурная бородка. Буржуйская. И усы.

– А ты не ошибся?

– Да он мне так по морде смазал, что век не забыть, – сплюнул я от душившей злобы. – Теперь должок за мной. Кровью смоем, если встретимся.

– Это по-нашему, – крикнул Прохор и по плечу меня похлопал, но враз унялся, как я покосился. – Значит, погнали вас с островка?

– Пригрозили.

– И подводы Хлебникова их добыча?

– Ту добычу ещё ухватить надо! – заскрежетал я зубами.

– Завтра поглядим, чей островок-то, – утёр хлюпающий нос Прохор. – Завтра померимся за добычу.

– Тебе откуда знать, что подводы будут? Купец Хлебников лично позвонил?

– Звонил, звонил, – снова хлопнул он носом. – По тряпочному телефону. Новости Корнею Аркадьевичу сам докладывать будешь. За эту весть он с тобой стопку подымет. И не одну, если дело выгорит.

* * *

Завертелось, загорелось дело, только выгорело не так. К Корнею Прохор меня не повёз, тот собственной персоной к полудню пожаловал. Мы отсыпались с Китайцем, нас разбулгачили, и к нему. А во дворе Курагина уже несколько новых рож, одна другой краше. Обрезы не прячут, готовятся, злые как черти.

Из всех уркаганов я знал лишь Коновала. Он подмигнул, хотел что-то сказать, вроде как поздравить с чем-то, но Прохор уже тащил нас с Китайцем наверх, в дом, на второй этаж, где Дилижанс учинил настоящий допрос. Был он не один: лицом к окну, к нам спиной, в кресле сидел неизвестный, по-военному короткостриженный черноволосый мужчина. Чувствовалась значимость большая в его прямой спине, хотя он ни разу не обернулся. Задавал вопросы редко и тихим голосом, Дилижанс при этом замолкал и старался не двигаться по комнате, пока тот не заканчивал фраз.

– На этот раз лёгкой прогулки не получится, – шепнул я Китайцу, когда нас отпустили. – Ночка светлой будет от пальбы. Вон сколько братвы нагнали.

– Уважают они бородатого. – Китаец попытался изобразить улыбку, которая показалась мне волчьим оскалом, и лицо его, желтое обычно, вроде как почернело. Не видел никогда я его таким.

– Ты свой веер захвати. Пригодится.

Он не ответил.

– Поклясться могу, не очень-то поверил нам их главный, – пытался всё же я его разговаривать, мне после того допроса самому было не по себе. – Интересовал военного Борода. И рост, и привычки, и цвет глаз. Я что, ему в глаза заглядывал? Ночью-то? Под дулом ствола?

Но Китаец молчал. Он и вообще не говорлив, а теперь словно язык проглотил. Проклиная всё на свете, я принялся драить свой наган. Он всегда при мне, потому что в ближнем бою удобен. Китаец тоже повертел в руках двустволку, а увидев, как я потею, словно опомнившись, вытащил свой веер и принялся за него. Работа ему предстояла осторожная и аккуратная, каждое сверкающее перо в смертоносном опахале могло ужалить, и он пыхтел от усилий.

– Мы теперь с тобой за приманку будем, – напомнил я ему. – После нападения драпать к берегу станем, где основная наша братва схоронится... ну и правило знаешь: друг от друга ни на шаг и спина к спине.

Он мрачно кивнул, так и не открыв рта. И когда Прохор, по обыкновению, привёз нас к островку и укатил, оставив, тоже не проронил ни слова.

Замаскировавшись в сугробе и выложив перед собой оружие, мы молчали. Говорить было не о чем, оставалось ждать. Высилось над нами звёздное небо, тишь резала уши, и малейший звук, летя по льду бог весть из какой дали, отдавался барабанным боем в сердце.

Стук подков слышали разом. Без команды расползлись от дороги по обе стороны, пропуская подводы между собой, замерли, поджидая. Подвод оказалось три. Когда поравнялась первая, я выскочил перед мордой лошади, заорал и, не дожидаясь, пальнул вверх, опасаясь, что у Китайца что-нибудь не заладится. Но тут же дважды грохнуло позади третьей подводы, это у Китайца сработало. «Только почему из обоих стволов?» – с опозданием ударило мне по мозгам.

Обозники слетели с телег, утонув в сугробах. Получалось как по маслу. Запрыгнув на лошадь, я погнал первую телегу к берегу, где поджидала по договорённости остальная братва.

Но, словно почуяв неладное, оглянулся: Китаец возился с отставшими телегами. Шарахнулась от выстрелов вторая кобыла, и он мыкался, подтягивая к ней третью с поклажей.

– Давай, мать твою! – заорал я ему. – Догоняй!

Но тут выскочили всадники. Откуда их принесло, я не заметил. Но это были не наши. Пуля просвистела мимо уха, загрохотало и справа, и слева, лошадь моя взвилась вверх и понесла. Я упал, сильно ударился, очухался от острой боли в ноге и, когда попытался подняться, рухнул, словно подкошенный. Очнулся, вокруг никого, стрельба велась у последней телеги. «Вот и пригодится наган», – мелькнула тоскливая радость, и, закусив губу, чтобы не застонать, я пополз на выстрелы. Два всадника кружили возле перевёрнутой телеги, упавшая лошадь хрипела, где-то в поклаже прятался Китаец. К нему они и подбирались, должно быть, забыв про меня, остальные унесли за канувшей поклажей. Мне оставалось уже метров десять, когда всё кончилось. Китаец угрохал всё-таки одного, но второй стоял над ним, упираясь винтарём в грудь, и что-то орал, благословляя в последний путь или упиваясь удачей. Откуда-то с берега доносилась сумасшедшая перестрелка.

Ползти я не мог, силы кончились. Револьвер дрожал в руках, и, целясь, я молил Бога, чтобы не дал потерять сознание: над Китайцем стоял сам Борода! Я узнал его по визгливому крику; ухоженная борода вздрагивала в лунном свете при каждом его вопле. Одно мешало стрелять, не укладываясь в моей голове, – на Бороде была милицейская форма!

– Скотина! – визжал он. – Я же простил! Отпустил с дружкой прошлый раз!

Он оглядел вокруг себя навороченное: трупы лошадей, убитого товарища, перевёрнутые повозки:

– Здесь тебя кончу!

Щёлкнул затвор его винтаря. Но я нажал на спуск раньше...

Под мат, проклятья и стоны полуживой Китаец тащил меня на себе по снегу. Потом силы оставили его, и лунный свет поблёк для нас обоих.

* * *

Наткнулся на нас Коновал, когда, отчаявшись, все уже бросили поиски, да и опасно становилось – рассветало.

Оказывается, полз Китаец совсем не в ту сторону и достались бы наши грешные тела волкам или одичавшим собакам, если б не Коновал.

– Ты мой должник, – заскочил он в сарай, за ним показалась и бабка Чара, выхаживавшая нас. – Примешь для промыва нутра? Эта ведьма заморит вас отварами да мазями. – Украдкой он вытащил бутылку самогонки. – А моё средство верное!

Но распахнулась дверь шире, и в сопровождении Прохора возникла фигура Дилижанса. Толстяк, держа в руках шляпу, нагибал лысую голову, чтобы не задеть притолоку и паутину, свисавшую тут и там. Прохор старался забежать вперёд, выгоняя Коновала, но наш спаситель смылся сам, знал своё место.

– На ноги, на ноги, орлы! – бодро гаркнул Дилижанс, остановившись в нескольких метрах от нас.

Неприглядная обстановка, грязь и запахи лечебных настоек явно смущали его, не скрывая, он брезгливо морщился.

– Залежались, – поддакнул Прохор, не разгибая спины. – Балует их старуха.

– Пора, пора! – помахал перед нашими глазами ручкой в перчатке Дилижанс. – Готовлю вам интересную работёнку, орлы. Опоздаете, другим достанется.

И он заспешил на свежий воздух. Прохор, кашляя, успел опередить его и распахнул дверь.

– Сука! – процедил сквозь зубы Коновал, появляясь из темноты угла. Он, оказывается, и не думал уходить, спрятавшись в углу, и снова сунул мне водяру. – Ну что, примешь?

Я покачал головой, распухший язык всё ещё мешал говорить.

– Тогда, может, покуришь?

С его помощью я кое-как приподнялся, нога не разгибалась, старуха еще раньше припандорила к ней дрын.

– Как дитя, право, – хмыкнул Коновал, кряхтя, взвалил меня на спину и сволок к двери. – На сеновале курить нельзя. Прохор припрётся, хай подымет. Он пожара пуще смерти боится.

Мы осторожно закурили, приоткрыв дверь, и тут же услышали голоса. Дилижанс, стоя посреди двора, о чём-то выспрашивал Курагина, тот лебезил, только задницу ему не лизал.

– Так кто же кого из них тащил? – допытывался Дилижанс.

– А шут их знает, Корней Аркадьевич. Коновалу разве можно верить? Он вечно пьян.

– Говорю же, сука! – не вытерпел Коновал, рванулся в дверь, но я его удержал.

– Если Китаец, откуда в нём силы взялись? Тощий, как гвоздь.

– Красавчик, конечно. Не сомневайтесь, Корней Аркадьевич. Красавчик бугай вон какой!

– Не скажи. Желторожий – мужик жилистый.

– Мартышка и есть мартышка... Лучше б сдох! Нам теперь в нем надобности никакой, не до пароходов.

– Ты о чем, старик?

– Может, я шепну Чаре, ведьме нашей?

– Это как?

– Назад, на тот свет, возвернёт. Она легка на руку, лишь прикажите.

– Отравить, что ли?

– И не заметит никто. Уснёт желторожий, и все концы.

– Ах ты, чёрт! – Дилижанс задохнулся дымом. – Чего городишь, старый хрыч!

– Как скажете.

– Они ж это?.. Герои! Теперь они мне знаешь как нужны! Братва только о них трёп и ведёт! Это ж какой пример нашим молодцам! Урки про них сказки такие разведут!..

– Эти умеют...

– Ты газетки-то читаешь, старик?

– Газетки? – хихикнул Прохор. – Зачем они нам. Жива была моя бабка, сходила с ума, а мне не до них.

– Перековывать тебя надо, – захохотал Дилижанс. – Товарищи повсюду о чистке заговорили, нам об этом тоже следует подумать. А что? В ногу со временем поспевать надо. Я их по-свойски наградить думал.

– Без этого не обойтись?

– Орлы-то наши, знаешь, как своим подвигом Ваську подняли?

– Василия Евлампиевича?

– Читал бы газетки, не спрашивал. Вот, послушай. – Он захрустел бумагой. – «...За ликвидацию банды атамана Бороды, длительное время свирепствовавшей близ города и грабившей обозы рыбопромышленников, представлены к почётным грамотам»... – Он прервался, прокашлялся. – Это лишнее. Вот: «...сам атаман коварным и обманным способом проник в ряды нашей Красной милиции, поэтому долгое время был неуловим и ему удавалось вершить свои чёрные дела»... – Дилижанс поперхнулся, сплюнул, кашлянул, прочищая горло, сипловато пожаловался: – Всё у этих газетчиков в одной куче, пока до главного доберёшься. Вот: «Своей энергией, повседневным упорным трудом товарищ Турин честно выполнял все задания Советского Правительства, чем оправдал высокое звание Красного Пинкертона».

– Кого, кого?

– Уровень повышай, старик, – захохотал Дилижанс. – Вот тебе и Васька-божок! От самого товарища Полякова ему поздравления! Большой человек в губисполкоме! У них это, знаешь!.. – Он крикнул и продолжил: – «...Крепче держи Красное Знамя Труда, товарищ! Пусть оно ярко горит назло капиталистам и на великую радость пролетариям Земного Шара!» Но то бумага. А Василия нашего ещё и по службе продвинули. Теперь он о-го-го!

– Вона, значит, куда дотянулся...

– Вознёсся, старик. Вознёсся. – Дилижанс высморкался. – А за тех двоих молодцов теперь ты в ответе. И ведьме своей скажи, чтоб ни-ни!

– Да упаси Бог! Я что же... Как вами велено будет.

– Через неделю чтоб оба на ногах были. А встанут – ко мне.

Хлопнула калитка во дворе. Коновал затушил окурки и свой, и мой в собственной огромной лапище, бережно перетащил меня на сеновал.

– Так, – потрепал он меня за волосы, – красные пинкертон, значит...

Развернулся и ушёл.

Тем закончилась наша встреча с Китайцем, впрочем, что я мелю, так началось наше дальнейшее содружество.

VI

Не надо большого ума догадаться, что последовало дальше. Вонючка, новая шестёрка Панкрата, утром уже рассвистел, что Китайца увезли из «Белого лебедя». Взялись за него якобы настоящие сыскари из уголовки. Прикид следовал очевидный: моего дружка будут раскручивать на убийство Голопуза, а на всякий случай подвешат с дюжину дохлых краженок, числящихся нераскрытыми, или какой-нибудь гоп-стоп⁴ завалящий. Это нормально, значит, назад из конторы раньше недели его не возвратят.

Раз меня оставили в покое сыскари, смекал я, местными разборками в камере займётся сам Панкрат. Я у него теперь как кость в горле. Вонючку ко мне он уже приставил, тот мозолит глаза, отрабатывает усердно, но я пока сдерживаюсь.

Панкрату, конечно, также понадобится время подыскать заплечных дел мастеров, чтобы толково и без хлопот посадить меня на перо⁵. Закавыка у него серьёзная, рассуждал я, уныло хлебая обеденную баланду и карауля из-под бровей каждого подозрительного из сокамерников. В этой своре отчаянных урок, желающих заработать на моей шкуре, достаточно, но одноногий подыскивал таких, чтоб без промаха. Поэтому я тоже с интересом прикидывал охотников по свою душу. Набиралось с пяток, реальных отмежёвывалось мной трое: Халява – уж больно он в деньгах нуждался, проигрывая в карты, задолжал многим. Ловок с финкой управляться, как-то по злобе метнул заточку в Ваньку Крысу, обвинив того в мухлеже при раздаче, пол-уха ему отхватил, а железяка, пролетев метра два, впилась в стену чуть не на четверть. Вот это удар так удар: стенка не деревянная, а каменная! Халява завалит за один взмах, если не уследить, уворачиваться поздно будет. Он поджар и ловок на ноги, не ходит, а стелется, полусогнувшись, словно лиса в курятнике, и звука шагов не слышать.

Второй, без всяких сомнений, Валет. Черноусому брюнету с былой белогвардейской статью на балах с дамочками танцевать, а он в задрипанной шинели на нарах прохлаждается. Но главное – его глаза, в них запала такая идиотская печаль, что лучше не заглядывать. Поговаривали, он с придурью, был на фронте в Первую мировую контужен, не обошлось и без лечебницы для психбольных. Но не все верили: после Гражданской многие лепили горбатого, напуская на себя разного. Псих этот был опасен непредсказуемостью. Ну и третий – Дантист. Про натуру

⁴ Гоп-стоп (*уголов. жаргон*) – разбой.

⁵ Посадить на перо (*уголов. жаргон*) – убить.

его нетрудно догадаться. Кличка подчёркивала его увлечённость: изошрён в жестокостях и пытках. Просто садист. Он прославился ещё в банде Ворона, кости которого давно сгнили. Рассказывали, что Дантист и своих провинившихся не щадил. Кочевал из одной кодлы в другую, вожаки брали его на роль палача. Редкая профессия, но нужная...

Конечно, к тем дням, о которых рассказ ведётся, Дантист постарел, сетовали, пыл не тот и прыти поубавилось, однако смельчака открыто сказать это не находилось.

Глаз на ушлую троицу я положил не зря, Панкрат с некоторых пор приблизил их к себе, снизошёл староста, так сказать, до личного общения. Наблюдая, я убедился, что одноногий ведёт с ними тайные переговоры.

Одним словом, перестал я спать по ночам. Днём клевал носом, а с отбоем старался глаз не смыкать. Раньше Китаец мне спину берёг, а я – ему, теперь каждый шорох поблизости мог быть смертельным. Однако хотя и дублёные у меня нутро и шкура, а без сна долго не продержаться, да и ждать в драке первого удара – верная погибель, поэтому подумал я, подумал и однажды в самом начале очередного обеда опрокинул, будто невзначай, содержимое своей миски на рожу Халявы. Я его первым выбрал, больно уж он посматривать стал со значением, будто выбирая место на моём теле; как ни обернусь, он пялится и тут же спешит отвернуться. Всё с улыбочкой ядовитой. Точно гадюка! Голову прижмёт и буркалы жёлтые прячет.

Миска товарная была, увесистая, а главное, ровно пропечаталась на его физиономии, мало что кашей зенки ему залепила, нос свернула набок, ну и зубы затерялись бы под ногами, если б Халява их вовремя не проглотил вместе с хлынувшей кровью. Ногой-то можно было не трогать, но живот безобразный он отрастил, так свисал, что грех было его уже не поправить... Он и успокоился на полу. Первенький из троицы.

Так я угодил в сундук. Кто там не был, не советую торопиться; мне-то по нужде пришлось туда лезть, карцер похлеще, чем в подвалах Бутырки: без окошка, под ногами тьма крыс и вонь от прогнившей влаги. Как нос ни затыкай, а дышать чем-то надо. Выбирать не приходилось, зато я там всласть выспался в первые сутки. Но благодать испортили крысы, затеяли настоящую охоту за моими ногами. Подёргался я, повоевал и с тоской подумал, что больше недели не стерпеть, останусь без башмаков, а там и без пальцев. Спас вертухай⁶, весть от барина⁷ принёс, что наградил тот меня всего тремя сутками, и я успокоился – перекантуюсь, в камеру возвращусь, а там видно будет.

VII

Но потревожили меня раньше.

Накануне, измучившись от крысиной возни и визга, задумал я на них облаву. Свет в сундуке горел постоянно, определиться, когда день, а когда спать пора, невозможно, я ориентировался на глазок надзирателя – хлопнет он, просунут в окошко кружку воды и корку хлеба, значит, приняв харч, пора укладываться, заматывать ноги поплотней разным барахлом, что, может, когда-то и называлось одеялом, укрывать на всякий случай и голову. Бывало, крысы шастали и по ней, пока дрыхнешь и не проснёшься от их допеканий. Но продолжалась идиллия недолго. Надоели им передышки или запах хлеба раздражал, им-то не доставалось ни крошки, крысы изменили тактику и завели постоянную возню вокруг моих ног, желая испробовать их на вкус. Причём с некоторых пор я заметил, что количество их увеличилось. Тлевшая под высоким потолком мизерная лампочка, хотя и была залеплена чёрной от погибших мух паутиной, однако свет чудом пробивался, и мне удалось приметить среди огромной стаи озверевшего вожака. Это было чёрное мерзкое чудовище размерами и повадками напоминавшее ехидну с

⁶ Вертухай (*уголов. жаргон*) – надсмотрщик, конвоир в тюремных коридорах.

⁷ Барин (*уголов. жаргон*) – начальник тюрьмы, ИТК.

продолговатой пастью и щёткой острых мелких резцов. Хвост превышал его вдвое, волочился, и порой чудовище щёлкало им, как хороший пастух кнутом. Так это было на самом деле, или мерцающий свет чудил надо мной, однако выстрелы, издаваемые хвостом, перепутать с другим шумом было невозможно, поэтому впервые стало мне по-настоящему не по себе. «Не привели ли эти твари своего матёрого вожака, чтобы поставить последнюю точку?» – подумалось мне, и подвальный холод, до того продиравший до самых костей, вдруг исчез, а я изрядно пропотел. Страшилище было окрещено мною Шушарой, и сразу же повело коварное наступление. Прячась так, чтобы я не видел, оно каким-то образом забиралось в тёмных углах по булыжникам вверх, выше моих нар, и внезапно пикировало оттуда на гору тряпья, под которой я выдерживал оборону. Продумано было хитро: вгрызалась Шушара своими клыками глубоко, разбрасывая всё и пытаясь добраться до моего тела. Тяжко пришлось уже от первой её атаки. Опомнившись, я попытался её схватить, но шерсть выскользнула из моих пальцев, она улизнула. Я снова затаился, но её смутили отпор и мои ухищрения. Шушара придумала новую подлость и теперь обрушилась на меня сверху уже с другой стены. Подготовившись, я тут же вскочил на ноги, но зверю вновь удалось удрать, при этом у меня был прокушен башмак и едва не задет большой палец правой ноги. Он уже был у неё в пасти, но ударом второй ноги я сбросил тварь с нар и, прыгнув вниз, стал топтать и давить всю смердящую и визжащую стаю. К моему разочарованию, Шушара удрала, хотя ей тоже досталось. Двух или трёх её подружек я безжалостно размазал по полу, и теперь передвигаться в камере следовало осторожно, чтобы самому не поскользнуться в месиве их останков и не грохнуться. Вони прибавилось, но вертухай лишь расхохотался на все мои просьбы выделить швабру и воду, чтобы хоть как-то зачистить пол.

– Воюешь? – хрипел он в глазок, наслаждаясь зрелищем и не открывая двери. – Давай, давай. Это тебе в качестве тренировки. И меньше дрыхнуть станешь, а то потолок трясётся от твоего храпа.

Крысы убралась, зализывая раны и справляя тризну по усопшим. Удивительно, но, когда через некоторое время с опаской я поднялся и отправился по нужде, трупы раздавленных тварей отсутствовали.

«Они утаскивают их в норы и пожирают!» – затошнило меня. Что-то ещё раз изменилось в моём сознании – мне почему-то представилась наиболее уязвимая нижняя часть моего тела, бедные мои худые конечности, в которые вгрызаются клыки этой паскудной Шушары. А вот уже и целые полчища этих мерзких тварей цепляются в меня, хрустят мои кости, ручьём льётся кровь, и всё моё нижнее составляющее со вкусом пожирается ими!..

Треск перемалываемых челюстями костей был так естественен и натурален, что я вздрогнул и больно ударился головой о булыжники. Это вернуло меня к действительности, треск или посторонний неосторожный шум мне не почудился. К двери карцера кто-то подбирался, и её уже пробовали осторожно открыть. Вертухай так не ходит, смекнул я. Это-то и заставило меня насторожиться. Вертухай топает так, что его можно услышать за версту, он или сам боится один шастать по коридорам каземата, либо окриком предупреждает заранее о своём появлении, чтобы разбудить меня. Значит?..

На всякий случай, чтобы не сразу заметили, я на своём месте на нарах быстро сбил кучку тряпья, изобразив спящего, а сам примостился в углу под дверь. Чем чёрт не шутит!

Скрипнул ключ в дверях, хотя чувствовалось, его изрядно смазали. Заскрипела бы и дверь, но её приоткрыли очень осторожно и медленно. Внутри просунулась голова. Долго прислушивался её владелец.

– Дрыхнет? – с нетерпением спросил тот, кто был сзади, так как голова вертелась в разные стороны, насколько позволяла щель и молчала.

– Не видно ни черта! Тут такая вонь и темень!

– Дрыхнет?

– Да не напирайте вы, Панкрат Семёнович! – прогневался Халява, шепелявя.

Я наконец узнал его голос. «А вторым, выходит, староста припёрся на экскурсию, – смекнул я, – зачем же я им в сундуке-то понадобился?»

– Дырявь его, пока дрыхнет! – Голос старосты подрагивал от нетерпения. – Не приведи Господи, проснётся. Бугай он здоровый.

– Да не слышно, чтоб храпел...

– Ну и чего?

– Силантий, вертухай-то, успокаивал, что храпит лишенец, когда спит... Что-то тут не так...

– Здорово он тебя миской по башке шарахнул! До сих пор, гляжу, в себя не придёшь. Или струсил?

– Да погоди, дай прислушаться.

– Чего тут слушать! – Дверь распахнулась под напором старосты. – Дай-ка шило. Я его, падлу, насажу, и не шевельнётся.

– Нет уж, позвольте! – решился Халява. – Мои зубы дорого ему обойдутся!

И с этими словами Халява нырнул в карцер, бросился на гору тряпья и всадил руку в самую глубину.

Встать ему уже не удалось. Я навалился на него всей своей массой сзади, схватил обеими руками голову и дубасил ею железную раму нар до тех пор, пока не почувствовал, как треснул его черепок. А потом обернулся к старосте. Одноногий как застыл от неожиданности в дверях, так и стоял столбом, всё ещё недоумеая. Я сбил его с ног, помня опасность его острой деревяшки, и стал месить его тело ногами, как только что топтал крыс. Видно, я был в совершенном бешенстве или совсем без понятия от ненависти: я плясал на нём, не слыша ни хруста его костей, ни его воплей, ни окриков подбежавшего вертухая. Что-то тяжёлое ударило меня промеж глаз. Наверное, это была связка ключей. Сознание покинуло меня.

Когда я очухался, не двигаясь и приоткрыв один глаз (второй был залит кровью), в карцере переговаривались уже двое вертухаев. Тот, который опрокинул меня с ног, возился у тела Халявы.

– Ей-богу, насмерть! Вот мать его! – матерился он. – Весь череп ему раскроил, падла!

Его напарника больше волновало другое, он пнул меня ногой:

– Ты глянь на этого. Сам-то не угрохал Красавчика? Ключами-то, кажись, лоб ему разбил. – Он лениво нагнулся, брезгливо поднял связку здоровущих ключей, долго обтирал их от крови, потом принялся за свои руки.

– А хрен с ним! – ткнулся мой обидчик к телу одноногого. – Глянь, он и Панкрата уколошил!

– Не может быть!

– Не дышит и этот.

– Ты грудь, грудь его послушай!

– Да я уже перемазался весь! Тут каша сплошная, а не грудная клетка. Истоптал ему рёбра этот слон.

– Чего же делать будем? – Брезгливый выпрямился и опёрся о косяк. – До конца вахты часа два. Натворил ты делов, Силантий Ферапонтович. Дались тебе сребреники этого Иуды. – Он пнул ногой теперь уже старосту.

– Ежели бы серебро! Бумага! А ты про свою долю забыл?

– Ты мне сунул-то кукиш! – сплюнул на тело одноногого брезгливый. – Договаривались насчёт одного Красавчика? Ты же сам обещал, повесят лишенцы этого бугая, и назад?.. Объявим чистое самоубийство... А что мы имеем теперь?

– Что имеем?

– Три трупа! Я под этим не подписывался.

– Подписывался, не подписывался, теперь поздно рассуждать. Задним умом все горазды, Степан Ефремыч. Что ж, заложись меня?

– Подумать треба...

– Накину я тебе долю.

– А прокурор добавит.

– Да брось сопли распускать! Впервой, что ли? Не обижу.

– Сколько?

– Да всё, что одноногий собрал, тебе и отдам.

– Ну всё-то ни к чему, – потёр руки брезгливый.

– Вот и спасибо!

– Теперь и лепиле нашему подкинуть придётся...

– Соломонычу-то?

– А как же! Кто бумаги будет мастырить?

– Резонно. Ну так что? Поволокли, что ли?

– Бери первого за хомут, а я уж ногами займусь. Тяжёлый, бля, задрыга!

Они уволокли тело старосты, потом пришли за Халявой, я изображал дохляка до последнего. Лишь когда надо мной нагнулась санитарка и тюремный врач разорвал куртку на груди, я открыл глаз.

– Господи! – отшатнулась санитарка. – Моисей Соломонович! Он живой!

Обоих вертухаев рядом уже не было.

VIII

Штопать меня не пришлось, и из больнички выперли мигом, лишь перепуганный лепило вызвал местных сыскарей. Те, разнюхав про старосту и Халяву, собравшихся устроить мне самосуд в карцере под видом самоубийства, затряслись сами и начали ни свет ни заря трезвонить барину. Скандальчик не скандальчик, а заварил я им прецедент непредвиденного масштаба. С перепугу они перестали меня замечать, творили и трепали такое, чему ни глаза, ни уши мои никогда бы не поверили, но меня больше интересовала собственная шкура. С виду выглядело всё довольно пристойно – чистая самооборона, а вот уж как среди ночи мимо вертухаев ко мне пробрались два матёрых зэка, это их дело. Так рассуждал я, стрельнув мимоходом у одного из сыскарей папироску. Тот вгорячах не пожадничал, а когда под самое утро появился барин и стал наедине выпытывать в собственном кабинете, мне перепало и настоящего чая в настоящей татарской расписной чашке, и не одна ароматная папироска. Вздохмаченный и красный от всего услышанного, начальник шурил узкие глазки, раздувал щёки, правда, сахарку не предложил, но попроси я его – подали бы и сахару.

Почти после каждого моего слова он хватался за трубку телефонного аппарата, но в нерешительности опускал руку. Так длилось с полчаса, пока я не замолчал, затем он вызвал заместителя, тот велел меня вывести из кабинета, и ещё полчаса за стеной они кричали друг на друга. Потом неожиданно стихло, зам выскочил, хлопнув дверью, я уже начал думать, что про меня забыли, и смелее пытался раскрутить на курево молоденького конвоира, но приехали из уголовки и меня увезли в свою контору.

В уголовке – малина. Там в камере предварительного заключения мне всё раем показалось. Среди прочей шпаны я сразу уснул, но скоро был разбужен, и меня повели наверх. Много не добавят, не горевал я, когда обойдя стул, на который меня усадили, к допросу приступил агент первой категории, назвавшийся Петриковым. Так он представился, лишь я заикнулся о папироске, а скоро я и про чай забыл, едва ускользая и увёртываясь от молний, которые полетели из пронизательных глаз слуги пролетарского возмездия. Мне стало скучновато; за окном, куда тянулась моя шея, происходили гораздо интереснее события, но после настойчи-

вого совета побережь её для карающего меча сурового суда, я сник. Крути не крути, а на что я надеялся? Угодил-то туда же, откуда чудом выбрался. Почище, конечно, одеты эти сыскари, слова подбирают, кадры особые, а суть одна. В общем, бился агент Петриков надо мной весь оставшийся световой день, и ночью спать не дали. Не успел я по-настоящему провалиться в сладкое забытье, меня растолкали, привезли куда-то. Снова повели наверх по широким лестницам. И здесь коридоры пустые и никого, кроме часовых. И здесь зашторенные наглухо окна, и что там, за ними, попробуй догадайся. Впрочем, ни на что уже не надеясь, я ни о чём и не думал, жалел об одном – поспать не дали. За несколько дней после убийства Голопуза я, кажется, и в весе добрую половину потерял, и в росте убавился, и ноги не слушались меня, и голова ничего не соображала. Приморился Красавчик, только бы уснуть!..

Там, куда меня привели, света почти не было. Лампа на столе упиралась светящимся колпаком в пол, оставляя всё остальное пространство почти в кромешной темноте. И не было никого. Стол пуст. Но так лишь казалось. Это со света глаза мои утратили способность видеть. Я зажмурился, продолжая стоять. Чувствуя, что караульный ушёл, слегка открыл глаза. Проступили силуэты. Если лампу прикрыть ладонью, что я и проделал, можно было рассмотреть человека у другой стены. Он неподвижно стоял у приоткрытого окна, из которого веяло ветерком и свежестью. Мужчина курил, не оборачиваясь ко мне.

– Как кличут? – донеслось до меня.

– Красавчик, но мне не очень нравится.

– Другого имени не заслужил?

Я промолчал.

– За рожу?

Я проглотил и это.

– Послушать, что про тебя рассказывают, так тебя сам сатана спасает.

– Может, и он.

– Так бы и нарекли.

– Есть ещё время.

– Уверен?

– А что нам, уркам бездомным?

– Кому приbedняешься?

– А мне откуда знать? Вели – не объявили.

– Зубаст. А вот умён ли?

– А вы проверьте.

Мужчина развернулся, затушил папироску в пепельницу на столе, сел, отодвинув далеко стул, и закинул ногу на ногу. Его лицо по-прежнему оставалось в темноте, но кое-что под ярким лучом лампы я различил. Это был офицер высокого милицейского ранга. В парадной белой форме с орденом или почётным знаком на груди. Худ и невысок, быстр и даже резок, а голос жёсткий, с особым выговором каждого слова, будто он их подбирал, прежде чем произнести. Но это всё я уяснил потом, а сначала он лишь мелькнул причёской, когда садился, пригнув голову, не смог скрыть чёрных волнистых волос и широкой, мощной груди. Такой грудной клетки не спрятать, если и стараться будешь, такая только у волжских грузчиков. Но философствовать да рассуждать было некогда, я лишь успевал отвечать на его неожиданные вопросы.

– Как же обоих сокамерников завалил? – усмехнулся он.

– Жить хотелось.

– А от вертухаев как спасся?

– Мертвяком притворился, им не до меня было.

– Значит, схитрил?

– В бою кулак не главное.

– Не первых на это берёшь?

- Что вы, начальник!..
- Мы здесь одни.
- Хотелось бы верить.
- Моего слова не достаточно?
- Я вас даже не вижу.
- Васька-божок. Слышал про такого?
- Не приходилось. Чудно больно. Вроде в милиции находимся.
- Врёшь! – Он поднялся и снова отошёл от стола к окну, закурил. – Кончай крутить!

Бороду ты завалил?

– В газетках читал. Хвалили милицию. В начальники кто-то выскочил за счёт того Бороды.

– Ну хватит дурака разыгрывать! – вспыхнул он. – Или ты следователя Борисова так испугался, что до сих пор трясешься? Так я не Борисов.

Во мне всё перевернулось, но я промолчал.

– Забыл Жигулёвские горы? Про пароход «Серебряные глазки» да девку по имени Серафима? А она ведь, Красавчик, на тебя виды имела!

Эти слова, произнесённые громче обычного, зло и с дрожью, обрушились на меня градом. Словно булыжник за булыжником, и всё на мою бедную голову: Жигули! «Серебряные глазки»! Серафима!.. Крякнул я, не удержавшись, заскрежетал зубами, а он опередил тише и глаже:

– Да не кидайся ты волком! Глянь, аж волосы на голове дыбом. Про Серафиму это я так. Сам её давно не видел, но по оперативным данным, близко она где-то. Ущучили её в Саратове, как бросила спившегося комиссара. Того в тюгулевку за растрату, потом к стенке за связь с воровкой, а она хвостом следы замела. Но ты-то помнишь, у неё не задержится. Скоро у нас, на низах, объявится.

– Вы, начальничек, мастер до сказок, – всё же запустил я свою наживку. – Про всё-то вам известно, только, гляжу, лица своего так и не открываете. Всё-то вы в тенёчек, за свет...

– Хватит, хватит клоунаду мне устраивать, – отмахнулся он лениво. – Зачем тебе моё лицо? Не видел ты его никогда и не надо пока. Ну, а если не дурак, насмотришься, погоди, надоест ещё. Одно ответь – не забыл Стёпку Нагорного?..

Вот тут я вздрогнул второй раз.

– По кличке Штырь?..

Из тех, кто знал человека с этой кличкой, по моим расчётам, осталось в живых хрен да маленько: я, Серафима, Тимоха Саратовский... Вот, пожалуй, и вся компания. Остальные если не по тюрмам свои семь копеек⁸ дожидаются, то догнивают в земле их косточки или сожрали раки да рыбы.

– Не забыл, вижу. Давно получил от него на тебя маляву. Отписана она была, сам понимаешь, не на бумаге, бумаге – грош цена. Поэтому потерпеть тебе пришлось, прежде чем сюда попал и разговор со мной имеешь. Но ты мужик тёртый, понял, надеюсь, что мы тебя не слишком утюжили, поблажки давали. А то, что помытариться пришлось, сам виноват. Были у меня сомнения насчёт тебя. Чего теперь скрывать? Поэтому и пришлось тебе всю горькую, так сказать, чашу испытаний хлебнуть. А как ты хотел? Сам же и нагородил! С Бородой переборщил. Он у нас под колпаком ходил, мы его совсем не тем макарон в оборот должны были брать, а ты что натворил? Не следовало с ним так жёстко. Без смерти, без крови надо такие дела решать, мы бы его перековали, обратили бы в нашу веру. А ты шлёп пулю в лоб. Так всех можно перестрелять. Не метод это в нашей внутренней борьбе. Чистка – да, но следом перековка, а не террор. Другое время. Чуешь?..

⁸ Семь копеек (*уголов. жаргон*) – стоимость пули в те времена; значит – ждут расстрела.

Я плохо понимал, что он имел в виду и что втолковывал. Казалось, забыл он совсем про меня и беседовал сам с собой или себя убеждал.

– Не так уж был и плох Борода, – задумался он. – Не так плох, как казался. С головой дружил, а в нашем деле это многого стоит. Жаль!

Резко хлопнув ладонью по крышке стола, он двинул ею, будто смахивал крошки.

– Что было, не вернуть! Навредил тебе, конечно, дружок твой, Китаец.

– Он жив? – невольно вырвалось у меня.

– Жив, жив. Но разговор не о нём сейчас пойдёт. А времени у нас мало. И так я с тобой провозился. Тут, брат, осторожнее... тоже глаза и уши имеются.

Я молчал, переваривая всё на меня свалившееся, на моём месте другим заниматься – только портить.

– Сам чувствуешь, выхода у тебя нет. – Он пробарабанил марш пальцами по крышке стола, бравурности в такте не улавливалось, наоборот, тоска. – Тебе или лезть опять на нары и ждать добавки за старосту и тех негодяев, или...

– Прежде заточку в спину, – процедил я, не дослушав.

– Не исключаю...

– А самооборона? – заикнулся я.

– Заткнись! – прошипел он так, будто крикнул. – Добавят лет пять! Хочешь?

Чего он от меня добивается, не понимал я. Чего ждёт? Столько времени на меня потратил, чтобы сообщить вот это...

– Уж лучше в крысятник! – захрипел я. – Шушара в два счёта укокошит!

Он не проронил ни слова. Глядел, как я беснуюсь, молчал и постукивал пальцами по крышке. Истерика моя пропала сама собой.

– Водички не подать, псих?

– Закурить бы.

– И я не прочь.

Он каким-то ловким, неуловимым движением швырнул мне пачку папирос:

– Возьми на память.

Я, вытаращив глаза, поймал.

– Часовой! – позвал он чуть громче, а когда тот появился, кивнул на меня: – Прикурить!

Ароматная пачка грела мне грудь в дальнем кармане, когда сунулся я к легавому с припрятанной папироской молоденького конвоира.

– Предлагаю другое, – сказал он, будто не прерывался наш прежний разговор. – Пойдёшь агентом ко мне?

Я чуть не проглотил обжёгшую губы папироску.

– Да, да. В доблестную Красную милицию. Как любит говорить наш мудрый товарищ Поляков, будем делать из несознательного элемента бесстрашного советского пинкертона.

Он помолчал, дожидаясь моей реакции, но мне сказать было нечего, я находился в состоянии полной прострации.

– Фамилию тебе подыщем вместе с легендой, – продолжал он, не дождавшись от меня ни слова. – Вызубришь, чтобы от зубов отскакивало. Внешность изменим. Оброс ты до безобразия. Похудеть придётся, сядешь на сухари и воду.

– И не слезал...

– Вот-вот, – не расслышал он, увлечшись. – Засуну тебя в самый отдалённый район, где Макар телят не пас. На время, на время, конечно. Наберёшься опыта. А как понадобится, возьму.

Мне хотелось спросить, но я не успел.

– Теперь последнее. – Он подёргал себя за чуб. – Мои люди, понимаешь, мои!.. будут называть тебя?.. – Он приостановился. – Так... Красавчиком ты был. Умерло с этим. После

того как крыс одолел да двух хорьков на тот свет отправил, наш Петриков тебя везунчиком окрестил. Везунчик, как?.. Подходит?

Я повертел головой.

– Не нравится. А что? Нормальная агентурная кличка.

Я совсем поморщился, оставаясь всё ещё на полдороге: верить во всё происходящее или молчать очумело.

– Вижу, не нравится. А имя должно нравиться. – Он не ждал, он уже рассуждал сам с собой. – В нашем деле имя как знамя. Вот что! Назову-ка я тебя Ангелом. Каково? Немножко из того, старого, так сказать, мира, но... Хочешь не хочешь, а имя это ближе к тебе лепится. В Жигулях ты атамана почти спас. Серафиму, красавицу нашу, сберёг, Бороду с моей дороги убрал – вон сколько плюсов. Паршивцев в карцере на тот свет отправить тебе сам Господь помог. Кто же ты? Ангел и есть!

Он недолго что-то писал за столом, потом ткнул кулаком в стенку, бросив мне на ходу:

– Заместитель мой. Мой, понял?

Слово «мой» он произнёс два раза. А мне два раза ничего повторять не надо. Я кивнул.

Вошёл кряжистый офицер, взял протянутый листок. Со спины я его сразу узнал, с Дилижансом он меня допрашивал про Бороду.

– Принимай пополнение.

– Василий Евлампиевич?..

– Оденешь, обуешь, оформишь и сам отвезёшь Серафимовичу.

– Василий Евлампиевич, с таким прицепом? Два покойника за ним!

– Оформляй так, чтобы ни один комар! – перебил он. – И побрить немедленно. Вообще, поработай над его внешностью. Надо спрятать на время.

– Такого громилу?

– Повторить? Чтоб через час в городе не было! В село его.

– Есть, – вытянулся тот.

– Все после договорим.

Ко мне он так и не подошёл. И руки не подал. И слова не сказал. Да и лица его я так в тот раз и не увидел.

Часть вторая

Красные пинкертонь

I

Что понимал в женщинах этот плюгавенький, неряшливый до брезгливости человек? Что о них мог знать?..

Василий Петрович Странников икнул, слегка качнулся на нетвёрдых ногах, но устоял и уколол хмурым взглядом не в меру расшумевшегося Глазкина. Заместитель губернского прокурора и в трезвом состоянии отличался велеречивостью, а теперь, под изрядным хмельком да после интимных волнений, что называется, поплыл-поехал. Из дверей дома на крыльцо они высыпались гурьбой, хотя и старались соблюдать степенность. После долгого застолья, жарких объятий в укромных альковах, дурманящего запаха горячих до влажности женских тел полуночная тишина и свежесть близкой набережной приятно расслабляли и успокаивали. Все обмякли, остывая, но только не расхोлившийся прокурор. Он замыкал компанию, затеял целовать ручки Татьяне Андреевне, несравненной хозяйке, спустившейся их проводить, но его занесло при поклоне, и, если бы не перила да подоспевший сластолюбец Иорин, быть бы ему в кустах под оградой.

«А ведь этот прокуроришка сегодня представлен мной самому Константину Стрельникову! – покорило опять Странникова. – Крупному магнату! Богатейшему на низах рыбопромышленнику! Константин, конечно, разберётся, что к чему. Но этот-то каков субчик! Сам умолял организовать встречу, непременно в узком кругу, а ухайдакался раньше всех! Да и поведением отличился скабрёзным. Едва не испортил настроение, хотя постарались в этот раз хозяйка и её девушки, не ударили в грязь лицом. Всё мило, пристойно, кабинетик на четверых отделили; цветочки излишне, конечно, но простительны, Константин, правда, морщился. Зато потом с уютными комнатками каждому не подкачали. Ему досталась с жёлтой бархатной обивкой стен. Знает Андреевна его вкус, и Верочка была чудна и упредительна. Само совершенство!»

Он приметил краем глаза – Стрельникову подобрали Зиночку: «Тоже ничего блондинка и по нраву Константину, хозяйке, пришлось подсуетиться, но не подвела, успела. Томные, нежные блондинки нарасхват. Капризные, чертовки, но так что ж поделаешь? Черноволосые вампирики, да ещё с тёмными волосками на ногах – брр! – не для него. От них коробит, словно кошки, нетерпеливы и жадны. Им всё сразу. Не успеешь слова сказать, расслабиться, а им бы так и наброситься. Хотя...»

Странников поковырялся в зубах, сплюнул прилипшую к зубам куриную кожицу, отвернулся от Глазкина: «А ведь этот гадёныш мог вполне расстроить всю идиллию. Как Алексею вогнал в краску! Язык без костей. Приплёл ни с того ни с сего французского писаку, сифилитика Мопассана! И ядовито объявил, отчего тот загнулся! Всем проафишировал про болезнь. Бедная Андреевна не знала, куда глаза деть, хорошо Стрельников не промах, нашёлся, перевёл всё в шутку. Но каков прохвост Глазкин! Где и когда вычитал? В туалете начальной школы, прячась от надзирателя?.. Чёрт-те что! Мопассана ли ему цитировать, когда у самого свадьба на носу! Для этого ли понадобился Стрельников с торговыми возможностями? Нэпман известен всему Поволжью, в Астрахань наезжает ради контроля. Свои магазины имеет здесь, в Саратове, в Самаре. В Москве недавно открыл, да такой, что всех баб свёл с ума. Женским бельём стал торговать чуть ли не из самого Парижа! Этими самыми панталонами да пеньюарами. Мария,

жена родная, давно утратившая интерес ко всему, и она заговорила про заморские штучки, уши прожужжала мужу – достань, мол, подивиться. И смех, и слёзы...

А невеста у Глазкина не из простых. Тоже, видно, грезит о столичных нарядах ну и, понятное дело, хлопочет по разносолам на праздничные столы. Поэтому ей Стрельников и понадобился, она женишка своего на это сподобила».

Слышал Странников о породистой прокурорской кобылке, приятель Гришка Задов в своё время выдвинул её в качестве исполнительницы на главную роль в весёлом водевильчике. Красива, но Странникову не понравилась – писклява и манерна, таких в театре пруд пруди. К тому же брюнетка, а Гришка будто забыл, как секретарь к ним относится. «А главное – Задов давно объездил кобылку сам, когда репетировал, – усмехнулся Странников. – А где Гришка пенку снял, там уже делать нечего».

Странникова снова качнуло, он и сам понимал теперь, что его развезло. Обычно он крепился до прихода девушек, держался. Но тут рядышком с ним Константин Стрельников устроился за столом, а у того душа жаркая, один тост, второй, да всё подливает и подливает до полной. Он моргал Иорину, но пройдоха не уследил.

«Да, дела... – опёрся Странников на перила, – перебрал лишку. А Глазкин, хлюст, значит, клюнул на артисточку. Знает, у неё отец – важная персона. В торговом отделе столоначальником значится. Кряхтят и стонут от него рыбопромышленники, гребёт с них деньжата, когда с просьбами суются. Вестимо, Стрельников на поклон к нему не ходит, но всё это до поры до времени, а коснётся – будущий зятьёк подсобит...»

А в театре со временем невеста Глазкина перестала появляться. Выходит, жених запретил ей эксперименты на подмостках. Запретил... Но, как говорится, запретил одно, она другие увеселения найдёт...»

– Василий Петрович, я вас провожу, – перебил ему мысли вертящийся подле Иорин.

– А где Константин Михеич? – оглянулся Странников. – Что-то не видать его?

– Так они вон... С Павлом Тимофеевичем Глазкиным секретничают.

– С Павлушкой?

– Отделились. Вы на крылечке размечтались, они и раскланялись.

– Раскланялись?

– Расцеловались.

– Ну раз так...

– Я вас тоже окликал, задумались вы.

– Да воздух-то какой! – нашёлся он, отвернулся от Иорина, да и от прокурора со Стрельниковым. – Воздух какой! А, Игорёк? Засмотрелся я на небо звёздное, а они, значит...

– Торопился Павел Тимофеевич. Он, по всей очевидности, пригласил Константина Михеича ещё в какое-то заведение?

– Это проказник-то наш? Жених?

– Он.

– Что за бред ты несёшь!

– Я краешком уха слышал, будто звал он Константина Михеича квартирки Тамары Павловны проведать.

– Александровой? Проститутки этой?

– И про квартирку Мерзониной был разговор.

– Вот как! Притонов им захотелось!

– Дело вкуса, Василий Петрович, – изобразил улыбку Иорин. – Они ведь высокие материи взялись обсуждать.

– Материи? Это ж на какие высокие материи их понесло, голубчик? Мало им Татьяна Андреевна угождала?

– Госпожу Домонтович, извиняюсь, упоминали.

– Кого-кого? – Странников аж приостановился.

С помощью Иорина он минутой раньше сошёл с крыльца, и теперь они шествовали вдоль улицы, направляясь к портовому саду, недалеко от которого проживал секретарь губкома.

– Может, я и ослышался, но они про нездешнюю дамочку вели разговор, – не сдавался Иорин. – У них в Саратове общие корни, земляки они, оказывается.

– Вот даже как! – крикнул Странников. – Везёт стряпчему. Сам Стрельников в земляках оказался. Ценней знакомства не найти! Ну, держись теперь, Константин Михеевич! То-то Павлушка рвался до него. Теперь не успокоится, пока не выпотрошит наизнанку.

– Так вам он и обязан...

– Мне? Зря ты, Игорёк. Язык у тебя, гляжу, длинный...

– Да я не в этом смысле, Василий Петрович! – Изменилось лицо лизоблюда. – Я в смысле...

– А я в том самом смысле! – посуровел Странников. – Я не посмотрю, что Мария моя тебе покровительствует. Ишь примостился! Чем берёшь старушек?

– Да какая же она старушка, Василий Петрович! Дама бальзаковского возраста ваша супруга!

– Поговори... бабий угодник!

– Да я, Василий Петрович, и ни мыслишки какой!..

– Чего?! В три шеи погоню! Забыл, кто перед тобой? Перед тобой ответственный секретарь губкома! Щенок!..

– Василий Петрович!..

– Язык-то прищепи, а то сам прижгу. А дамочку ту как они именовали?

– Александрой! Александрой Михайловной, кажется.

– «Кажется», – передразнил Странников и усмехнулся, успокоившись. – В мире одна Александра Домонтович была. И имя её...

– Умерла?

– Стыдно, молодой человек! Не знать таких женщин!.. Замуж вышла! И зваться стала Коллонтай Александрой Михайловной. Первая и единственная в правительстве Советской России! Валькирия революции! Вот как прозвали её наши враги... Впрочем, и друзья. И она это заслужила. Нарком призрения! Женсовет в государстве создала!

– Что-то друзья наши про неё в другом смысле упоминали, Василий Петрович, – ехидно ухмыльнулся Иорин, заботливо беря Странникова под локоток, и они не спеша проследовали дальше. – Интересовали их, я бы сказал, совсем иные её увлечения.

– Мужики, что ли?

– Как сказать... Не то чтобы...

– Эх ты, лягушачья душа! И мнения своего боишься. А вот Александру Михайловну это не пугает. – Он задумался, напряг память, но сказывалось выпитое спиртное. – Вполне возможно. Увлекались ею великие мужи, и она увлекалась.

– Они её сравнивали с нашей Венокуровой. Тоже женсоветом руководит.

– Ну-ну! – пригрозил Странников, выдернул руку, поводил большим пальцем под носом спутника. – Опять зарываешься! Не позволю!

– А я и не заикался, Василий Петрович, – уже смелее не уступал тот. – Куда нам? Катерина Сергеевна Венокурова – суций ангел против того, что Павел Тимофеевич насчёт Валькирии той размышлял.

– Давай выкладывай всё как есть, – споткнулся Странников, но Иорин его удержал. – Выкладывай, выкладывай. Не бойся.

– Про эрос у них разговоры велись.

– Про эрос? Ты не перепутал ничего? – снова споткнулся Странников, ноги его заметно заплетались, да и языком он стал владеть хуже, с трудом собирая фразы. – Эрос? Это же бог любви, болван.

– Знамо дело.

– Так что же шепчешь на ухо? Никакой крамолы не нахожу.

– С Эросом они Валькирию и упоминали.

– Глупости какие-то!

– Могу поклясться!

– Глупости молодости, я хотел сказать, – приостановился Странников, неведомой силой его привалило к забору, и лёгкий Иорин не смог с ним справиться: ни оторвать, ни двигаться дальше не получалось.

– Не интересуетесь вы, молодёжь, ничем, – продолжал между тем Странников, делая мудрое выражение лица. – А надо читать и книги, и газеты. Алексея Максимовича, конечно, в первую очередь, но и эту самую Валькирию. Мысли у неё тогда были бурными, потому как сама молода и горяча. Насчёт того самого Эроса пролетарского она, естественно, опережает время. Но насчёт стакана воды – права. Слышал небось её теорию про стакан воды? – Странников упёрся в грудь Иорину. – Слышал, спрашиваю?

– Слышал, как не слышать.

– Врёшь, голубчик, ничего ты не знаешь. Я б этой женщине за одну такую фразу памятник поставил! Это как суметь! Дай-ка, дай-ка мне вспомнить... Мне, мол, в свободном обществе удовлетворить половую потребность как стакан воды выпить! А, каково? Искренно и откровенно. Я – за стакан любви! Ясно тебе?

– Так точно!

– Ты не остри. Думаешь, я пьян?

– Что вы, Василий Петрович!

– То-то! И поверь мне, разбирающемуся в философии человеку, её мысли найдут практическое подтверждение. Будущее за мировым пролетариатом. Любовь должна быть свободной. И отдаваться любви надо легко, словно опрокинуть в себя стакан воды. Вот что она провозгласила!

– Надо почитать, – восхитился Иорин.

– Почитай, почитай, голубчик, – кивнул Странников. – Сам Дыбенко⁹ по ней страдает! Кстати, где мы находимся? Почему топчемся на месте? А это что за забор?..

– Выходит, вот с кого наша Венокурова пример берёт! – восхищался Иорин, съедаемый откровением.

– Ты – бестолочь, чтобы разобраться, – бурчал Странников. – Читал бы больше, нежели к Алексеевой-то нырять.

– Так я туда, ежели при вас. А так ни ногой...

– Прошу прощения, господа хорошие! – оборвал их разговор внезапно появившийся мужчина в милицейской форме.

Следовало бы упомянуть, что наблюдал он за ними уже добрых десять – пятнадцать минут, пока не убедился, что состояние обоих не позволит им выбраться из злосчастного закутка в заборе, куда они непонятным образом завалились. Один физически не мог, другой не соображал, как это сделать.

Впрочем, милиционер их нисколько не смутил, а Иорин, наоборот, обрадовался помощнику, поманил его ближе и рукой, и мимикой лица, на мгновение потеряв дар речи от неожиданности.

⁹ Дыбенко П.Е. – матрос, в 1917 г. председатель Центробалта, в Гражданскую войну – начдив, советский военачальник, командарм 2-го ранга.

- Предъявите документы! – не был настроен на мирный лад страж порядка. – Кто такие?
- А ты кто такой? – явно не в силах поднять глаза, с трудом выговорил Странников.
- Агент губернского розыска Ковригин, – представился тот с довольно грозным видом.
- А я Странников! Слышал? – качнулся навстречу Странников. – Дерзить мне вздумал?..

Скажи своему начальнику, чтоб посадил тебя под арест.

- Что?! – выкатил тот глаза на лоб.

– Скажи, скажи, товарищ Ковригин, – миролюбиво подёргал за рукав милиционера Иорин. – Василия Петровича надо слушаться. Это не просто человек, это сам ответственный секретарь губкома! Только сначала помоги мне довести его куда-нибудь присесть. Тут портовый сад недалеко был. Посидим с ним на ветерочке. Обдует с Волги, и всё будет нормальненько. А то Мария Яковлевна, супруга его, разволнуется. Ну, давай, помогай!

И они вдвоём, подхватив под руки третьего, предприняли попытку достичь предполагаемой цели. Милиционер, видимо, растерялся от бесцеремонной наглости обоих да и стерёгся пугающей важности персон, поэтому старался добросовестно; попытка им удалась, до портового сада действительно оказалось рукой подать.

– И меня не знаешь? – спросил милиционера Иорин, когда они закурили, оказавшись на скамейке; Странников уже похрапывал в серёдке.

– Наш? – сомневаясь, всмотрелся агент, сообразив, что лучше поменьше задавать вопросов.

– Нет. Гражданский я, – хмыкнул Иорин, пустил струю дыма в лицо любопытствующему. – Но из учреждения. – И, царственно откинув голову назад, поправил съехавший галстук.

- Справитесь теперь сами?

- Здесь близко.

- Тогда я пошёл? – начал прощаться агент.

– Давай. – Иорин занялся стряхиванием пепла, угодившего на пиджак Странникова. – Грязь не грязь?.. Не вижу. Резко весна взялась. Развезло...

- Зима холодной была, – махнул рукой агент. – Может, всё же помочь?

– Ты смотри про его распоряжение не забудь, – напомнил в след Иорин. – Доложи начальнику про арест. А то наш строг.

- Так точно!

- Ну пока.

И они расстались.

Красивое место – портовый сад. Жаль, почти нет электрического освещения. Висели поначалу кое-где на столбах фонари, но побито камнями хулиганье. Обновили лампочки – снова та же картина. Больше не пытались – темнота друг молодежи. Теперь редко какой прохожий забредал сюда в позднее время погулять, да ещё с девушкой. От Волги сбегает главная кудрявая аллея, но это летом кудрявая и зелёная, а сейчас кустарник только-только оживал. Середина сада – точь-в-точь молодая рощица. Почти у калитки начинается озерцо, заботливо огороженное когда-то красивым заборчиком. Но теперь забор уродлив, местами повыдернут и поломан. Тут же уснувшая речушка с переброшенным через неё мостом, заброшенным и заросшим паутиной. Темный сад пуст и тих, настоящее хранилище чужих тайн. Иорин поёжился, но не от страха, от прохлады. Его здесь знала каждая дворняга. Если только кто заезжий. Но откуда быть чужому в их маленьком городке? Появись – уже на виду.

Он докурил вторую папирску, зашвырнул ловким щелчком окурочек. Тот, описав красивую искристую дугу, опустился где-то в темноте. Подремал рядом с безмятежно похрапывающим соседом, выкурил ещё парочку и тем же манером избавился от окурков. «Пожалуй, пора будить да трогаться, – подумал он, взглянув на часы, – ещё мал-мал, и Мария Яковлевна начнёт волноваться». Опыт никогда не подводил его в таких случаях.

– А кто же этот кавалерчик, занял наше любимое местечко? – раздался вдруг за спиной нагловатый пьяный голос.

– Разинь зенки, братан! – забасил второй. – Их здесь двое.

– Баба?

– Если бы. Кажись, боровок.

Иорин оглянулся. Под развесистым деревом маячили три чёрные тени.

– Косой? – присматриваясь к очертаниям того, кто поменьше, спросил он.

– На тебя намекает, Паук? – пожаловался один другому.

– Оскорблять вздумал, – добавил другой.

У коротышки действительно отсутствовал один глаз, его закрывала повязка. Только теперь, присмотревшись при выскочившей, словно специально, из ветвей луне, Иорин понял, что ошибся. Знакомых среди троих не было.

– Граждане-товарищи, – переходя на их язык, поднялся он со скамейки. – Шли бы вы своей дорожкой, мы, местные, люди гостеприимные, если в чём нужда, выучим.

– Он нас страшит, Паучок, – опять встрял неугомонный, и в руке его блеснуло лезвие финки.

– Не лезь, Жёлудь! – оборвал коротышка верзилу, похоже, несмотря на рост и тщедушный вид, он был в этой троице за старшего.

– А чё кипиш подымает? – подал голос молчаливый с дрыном в руке. – Дай-ка я пощупаю боровка, что на лавочке дремлет. И разойдёмся чин-чинарём.

Он змейкой нырнул к Странникову, но Иорин изловчился и ударом ноги отбросил его на землю:

– Не смей, мразь!

– Он дерётся, Паучок, – придурковато запищал упавший и задрыгал ногами, не подымаясь.

Иорин скривил губы, было не до шуток: у коротышки тоже что-то блеснуло в руке, Иорин напрягся, но охнул, не уследив, покачнувшись от острой боли в плече: достала всё же его финка верзилы. Уже падая, он услышал сквозь звон в ушах сухие щелчки револьверных выстрелов и крики: «Стоять! Руки в гору! Башки продырявлю к чертям собачьим, если с места тронетесь!»

II

Не нравился ему этот город, хоть умри! Когда втемяшилось в душу пронзительное чувство неприязни, он и вспомнить теперь не мог. Последние дни работы в Саратовском комитете чудный звон обещаний близкого назначения в столицу заласкал слух, но перебежал дорогу Герка Протасов из идеологического отдела, тоже ходивший в выдвиженцах на повышение, а ему угодило в этот город: убрали прежнего секретаря губкома Муравьёва, сумевшего за два года наломать дров, срочно требовалось выправлять положение.

«Участок ответственный, – твердили наставления, – губерния сложная, многонациональная, но ты справишься, и потом... лучше начинать с самостоятельной работы, нежели хотя бы и в столице, а по отделам ошиваться... К тому же места исторические, вольница Разина, Каспий под носом! Где ещё увидишь».

Приехал поздней осенью и поразился – грязь несусветная и холодрыга, да с таким ветром, что на вокзале чуть уши не оторвало, вдобавок унесло шляпу, за которой пришлось бегать на общую потеху... Так вся осень и прошла, зато летом жара до пятидесяти градусов. Воздух такой, рот открывать не хочется, только верблюды и выдерживают.

Но главное – народ злой. Вот уж действительно многонациональная губерния, не пересчитать, и каждый своё. А все прут в губком.

Подымись хоть в шесть, кипятился Странников, вышагивая по пустующей улице, и припрись в губком в самую рань, галдящая толпа уже осаждает двери. Жаждут его перехватить. Прячсья, не поможет. Раньше были ещё горлопанистей, теперь пожиже и мельче. Но всё равно тошно их видеть. Особенно сегодня.

Он невольно приостановился. Поганый день у него сегодня. Много накопилось с прошлого, а главное – надо разобраться со вчерашним вечером. Странно всё закончилось, подозрительно непредсказуемо. А может, непредсказуемо только для него одного?..

Странников полез за папиросами и долго не мог отыскать пачку трясущимися руками – вчерашнее давало знать, а похмелиться не решился, да и Мария гвалт подняла. Из дома он почти убежал, только б не слышать её нравоучений. Отыскать курево не удалось, видно, второпях оставил на столе, когда завтракали. И спросить не у кого, пусто на улице. Хоть умри, так желанна затяжка! Совсем отчаявшись, он вдруг наткнулся во внутреннем кармане на портсигар. Чёрт! Забыл, ведь Мария подарила на днях эту дорогую штуковину, не успел привыкнуть, вот и вытряхивал карманы пиджака в бесполезных поисках. Закурил, задохнулся вгорячах, но прокашлялся, и после второй затяжки голова закружилась, затуманилась. Полегчало.

Глянул вперёд – ждут неугомонные черти у подъезда! За три квартала толпа видна. И ведь так стало только с его приездом! Поначалу Странников восхищался, вдохновляла его эта картина. Считал, это и есть та самая всё сметающая, неукротимая энергия масс. Её бы в нужное русло. Ей правильное направление дать. Цель высокую обозначить. Порыв! Размах! Сама удача летит в руки. Дерзай, ответственный секретарь губкома!

И он подпрыгивал тогда от нетерпения, взлетал, а не входил на ступеньки. Душа рвалась и вширь, и ввысь: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови, Господи, благослови!» Он прирождённый оратор и трибун. Это знали наверху. Его ценили: такой способен повести за собой хоть на край света.

К этим чувствам присоединялось ещё одно, сугубо личное, даже тщеславное, однако такое ли оно и личное? Он его не стеснялся и причислял к собственным успехам: переборол, переплюнул своего предшественника, того толпами не встречали. Теперь повержен бывший секретарь губкома Муравьёв, пакостит исподтишка, при случае палки вставляет, остерегаясь. И те, кто тёрся с ним бок о бок, носы повесили, ему, Странникову, победные марши трубят, задницу лижут, лишь в их сторону взор соизволит бросить. Боятся вылететь из губкома к чёртовой матери! А он умнее оказался, не дождался от него чапаевского разгрома, по-иному поступил, лишь раскусил ситуацию.

Двух месяцев... Какой там! Двух недель хватило, чтобы заметил он, как изменилась атмосфера в толпе у губкома. Его речи стали слушать. Про своё, конечно, пытались орать – на хрена нужна была им мировая буржуазия, вселенские обещания. Им дай хлеба и жильё, свет и воду, грязь с улиц убери, ворьё и проституток. Иным был их зуд, далёк от всемирных масштабов. А ведь рядышком маячил губисполком, где кудесничал его соратник и одновременно соперник, хитромудрый Мина Львович Арестов. Вроде и ближе, родней этой толпе, а сторонились казачка, понимали: у Странникова власть, он способен разрешить их беды и заковыки. Не особо они велики... рычага сиракузского мудреца не требовавшие, но месяцами и годами копившиеся, не разрешаемые прежней властью. Он эту грязь вмиг выпер.

Странников замедлил шаг, прикуривая вторую папироску, расходилась душа от воспоминаний. Да и не так уж давно это было, чтобы забыть.

Повытряхивал он своих работничков из кабинетов и кресел на улицы, для начала заставил дежурить у крыльца и разбираться вместо него с жалобщиками, заодно и внимать, о чём шумят, кумекают. Вон их тени мелькают на самом крыльце. Приметные, в первых рядах те самые. Приказал он им не только доходить до сути, но и свои проколы, собственное дерьмо убирать. А всего страшней – его встречать поутру вместе с крикунами и выслушивать в глаза правду-матку. Нерадивцев не щадил, выставлял напоказ народу, учил, с кого шкуру драть.

Поступал так не по злобе. Опасался, чтобы не пришлось самому плевать, как пришлось Муравьёву.

Ехидная усмешка пробежала по тонким его губам: чего-чего, а после тех мер шум пока-тился, непрошибаемые и те перестали кичиться, поняли: глаз Странникова зорок, скор на выводы и жесток он на расправу, хотя с виду мягкотел и интеллигентен. Пусть теперь шушукуются меж собой по углам, что пустобрёх он, сластолюбец, гарем развёл среди артисточек, с евреями в институте богему завёл, балясы точит, бегами увлётся. Пусть посудачат за его спийной недоумки о его легкомысленных пороках. Сильным там, наверху, куда и он, дай бог, доберётся, тоже присущи некоторые слабости, которых они не стесняются. Переделать древнюю мудрость, так она звонче зазвучит – Цезарь вне подозрений! А его шалости по сравнению с проделками тех, наверху, – сущая потеха...

Докуривая и успокаиваясь, он остановился на перекрёстке в надежде отыскать урну, не подымалась рука швырнуть чинарик на мостовую. Не единожды гонял он хозяйственника, но толстолобому словно о стену горох его поучения. Одно твердит: это задача исполкомовских; знает, пройдоха, о его антипатиях к Арестову, пользуется ситуацией. Низка культурка людей, а город тонет в грязи. Поморщился, покрутив головой впустую, так и раздавил окурочек каблучком. И пока зло глядел под ноги, опять ударила мысль о вчерашнем...

Как закончился вечер в доме свиданий у Алексеевой, он помнил с трудом. Свёл его на крылечко Игорёк Иорин, а далее в сознании пусто. Отрубил. Кое-что услышал от Марии. Утром жена с трудом растолкала его к положенному часу, а за чаем охала и ахала, причитая, что принёс его на себе незнакомый милиционер. Разместил на диване в прихожке и умчался, повинившись, спешил куда-то. Дуре остановить бы служивого, расспросить. Не барана приволок! Должен знать многое тот человек, да не дал бог разум бабе.

Всё бы ничего, не сказать, чтобы Странников особо опасался, но служивый – лицо подчинённое. Побежит к начальнику милиции, часу не пройдёт, узнает Опущенников, а он – известная рыбка, человечек Мины Львовича, ему непременно и сольёт. Копит на него компромат Мина, в глаза никогда не скажет и в столицу пока не стучит, но кто поручится, что будет завтра? Ножа жди в спину.

Вот по этой причине, пренебрегая головной болью, ранним часом Странников торопился в губком. Звонить домой Опущенникову не имело смысла, до рабочего времени тот булгачить Арестова не станет по пустякам, а раньше девяти-десяти сам Мина в губисполком не заявляется. Не по душе ему хозяйственную телегу тянуть. Его размах привлекает. Тоже мечтает о столице.

Толпу секретарь миновал успешно, подоспевший заворг Мейц отвлёк бросившуюся, как к отцу родному, старуху с полоумными глазами, кстати, рядышком оказался инструктор губкома Умнов, бочком отгеснил горланящего работягу, тянувшегося с бумажкой. Бумажку он взял, извинившись, что торопится, а там уже и дверь перед носом. Дежурный распахнул ему одному, не подошло ещё время остальным, а Мейц уже разъяснял народу про предстоящую конференцию, доклады. Мейц раньше других ущутил тактику своего нового начальника.

Потом уже у себя в кабинете, среди знакомого вороха бумаг на столе, не заладилось – долго не мог дозвониться до милиции, там разглаживали зады на совещании.

III

Вкушая заумные нотации, поматывал, словно лошадь от слепней, поникшей головой Турин. Изредка, при особо обидных фразах, вздрагивал, поедая злыми глазами сидевшего напротив человека. Не останавливаясь, без выражения тот растопырил костлявые локти, налёг впалой грудью на кисти рук и твердил, твердил, твердил почти одно и то же. И не было видно ни конца, ни края этой нервотрёпке. Исподлобья оглядывая рядком восседавших милиционеров

разного ранга и должностей, он покашливал, прочищая горло, избегал задерживаться взглядом на ком-то отдельно. А те, словно по команде, шумными выдохами размеренно пускали дым папирос под стол, себе в ноги, кряхтели и ёрзали на скрипящих хилых табуретках.

«Ну зачем ты меня при них! – метались, сгорали в мозгу Турина молнии гнева. – Ну что при слюняках этих костеришь! С кем равняешь?!»

Когда-то прежний начальник, крикун и трибун Хумарьянц любил устраивать подобные разносы. Комиссар-армянин гонял лоботрясов принародно в наказание нерадивым. Но в любых случаях, в совсем сволочных провалах при подчинённых начальство не трогал, при низших на высших по званию не замахивался. А ведь чего-чего, а поорать умел! И гвоздил революционными политическими лозунгами, к которым ближе лежала его душа не профессионала, но бывшего подпольщика-марксиста. Однако канцелярской терминологии был далёк, не то что эта бумажная размазня, даже обматерить смелости не наберётся!..

Вторую или третью папироску прикуривал у соседа Турин. Не добирался до конца, мял в сердцах, обжигая пальцы. Давил в осколке артиллерийского снаряда, пепельницей служившей курильщикам. На столе начальника милиции эта безделушка стала реликвией после зловещих событий позднего лета восемнадцатого года.

Смотрел на осколок Турин, вертел в руках, вспоминал то грозное время.

Угодил этот осколок сюда, ворвавшись смертоносным снарядом в августовский денёк, когда весь город стоял на ушах. Изъятие хлеба у голодающего населения и принудительная мобилизация в Красную армию подтолкнули недовольных к открытому вооружённому бунту. Но разорвавшийся снаряд никому вреда не причинил. Основательно разметав милицейскую контору, грохнул оглушительно, никого не тронув: всё начальство городской милиции с самим Иваном Бугаевым, петушком носившим фуражку на правом ухе, арестовано было до этого собственными же милиционерами. Под стражу взяли и комиссара-трибуна Хумарьянца, сдался и председатель губисполкома Лепатов, не захотел умирать за новую власть и бравый военком Соскин, задрал дрожащие руки. Вся верхушка оказалась тогда в подвалах бывшего подполковника Маркевича, возглавившего бунт.

Суток хватило на переворот. Заговорщики действовали умно, как Ильич учил: захватили почту, телеграф, выпустили урок из тюрьмы.

И дрогнули тогда многие уцелевшие, а вот эта бумажная душа Опущенников, который сейчас направо и налево его долбит, – Турин поднял глаза на человека, осипшего от неперестанной говорильни, – не дрогнул и возвернул едва не ускользнувшую советскую власть.

Начал с деревни своей, с Никольского и не позволил размахнуться взбунтовавшимся. Жестоко пресёк попытки в своём уезде, наладил связь с таким же смельчаком в Сасыколях, нашёл непокорных в городе.

Тех же суток ему хватило, чтобы свернуть шею врагу.

Не обошлось без счастливого случая – подросли военные моряки.

Удача ласкает смельчаков, победа осыпает лаврами: Опущенников был усажен самим Свердловым в кресло начальника губернской милиции, канул в немилость трибун-армянин Хумарьянц. После такого блестящего начала, казалось бы, герою-победителю все дороги наверх распахнуты, но... Турин, покривившись лицом, хмыкнул, подпёр голову кулаком, – изменился Опущенников в другую сторону, не сумев удержать жар-птицу, завяз в местных дрязгах, а нагрянули нынешние времена, завертели, облепили его воротилы новой экономической политики, совсем растерялся начальничек... Как говорится, ни рыба ни мясо.

Турин впился взглядом в Опущенникова, вон он водит носом по листку, что разгладил перед собой, чешет, не переставая. Чему учит его и других? Шпарит по бумажке, сочинённой ещё комиссаром-демократом, бестолковым крикуном, ни черта не разбиравшимся в том, как бороться с урками, как гноить нечисть. А ведь Ленин провозгласил лозунг: очистить государство от преступного элемента.

Но а этот губошлёп!.. Что он им талдычит? Слушать тошно: «Никто не может быть задержан более чем на 24 часа... Стрельба на улицах возможна лишь в исключительных случаях... милиционер должен стараться не причинить вреда гражданам!..» Каким гражданам? Ворам, грабителям и мокрушникам?

– Василий Евлампиевич! – услышал Турин словно сквозь пелену голос Опущенникова. – Василий Евлампиевич!

– Заснул? – ткнул его в бок сосед.

Турин лениво поднялся, словно действительно дремал.

– А ваш агент... этот... как его?..

– Ковригин.

– Да, да. А ваш агент Ковригин знал инструкцию? Ведь он угрожал трёх человек!

– Так точно, товарищ начальник! Знал. Поэтому и стрелял.

– Сомневаюсь.

– Оборонялся он. Нападавших трое было. – Турин оглядел присутствующих, словно убеждая их, а не бюрократа, председательствующего за столом.

Присутствующие засмолили папиросы злее, дыму в кабинете прибавилось. Даже скучавшие ранее и действительно дремавшие были сейчас на стороне провинившегося и, не скрывая, поддерживали Турина. Он подметил это и повеселел.

– Оружия при убитых не оказалось? – сомневался начальник.

– А кто его искал? Моих ребят туда не допускают! – буркнул Турин.

– Мне доложили...

– Бандиты выбросить стволы могли. Обычно так и поступают, если прищучить.

– Финка была у одного да ножи у остальных.

– А «смит-вессон», что нашли у моста?

– Он от трупов далеко оказался.

– Выходит, ствол Ковригин им подбросил?

– Не знаю, подбросил, обронил кто... Я вынужден издать приказ о служебной проверке произошедшего. После и решу, по закону или нет применено оружие вашим сотрудником. Надо ли было лишать жизни трёх граждан.

– Трёх бандитов, – пробурчал Турин. – Их личности уже установлены. Это гастролёры из Ростова. Все судимы ранее. И не один раз.

– Ковригина от должности отстранить, – будто не слыша, продолжал начальник. – Найдите ему занятие другого рода. И пусть сдаст табельное оружие.

– У меня другой работы нет. Метлу дам. Пусть улицы метёт.

По залу пробежали и ропот, и смешки.

– В портовый садик отправьте. С метлой-то ему сподручнее.

– Уркоганов метлой не погнать, – дерзил, не сдерживаясь, Турин. – А там их целое лежбище.

– Вы же и распустили.

– Моё дело раскрывать да ловить.

– Вот что! – прихлопнул рукой по столу начальник и приподнялся. Такое случалось не часто. – Василий Евлампиевич, ваши заслуги известны, однако никому не позволено!..

– Товарищ начальник! – в открывшуюся дверь кабинета заглянул взволнованный дежурный.

– Что у вас? – развернулся к нему Опущенников.

– Там звонят.

– Я же просил во время совещания меня не беспокоить!

– Там из губкома!

– Скажите, я перезвоню сам, как только закончу совещание.

- Там из приёмной секретаря губкома...
- Кто?!
- Наверное, Странников... – не совсем уверенно подсказал Турин.
- Василий Петрович? А он с какой стати? – Начальник метнул взгляд в Турина.
- Меня, наверное, не нашёл, вот вам и звонит, – лениво поморщился начальник розыска.
- Вас? Его интересует убийство трёх бандитов?
- Не думаю. А впрочем, чем чёрт не шутит.
- С каких пор уголовники стали интересоваться секретаря губкома? Вы что-то недоговариваете, Василий Евлампиевич? В парке бандитом был ранен гражданин, которого Ковригин в больницу водил... Он не имеет отношения к губкому?
- После перевязки чуть дёру не дал, – хмыкнул Турин. – Просил, чтобы фамилия его нигде не фигурировала.
- Вот-вот! – насторожился начальник. – Он как раз и может быть из губкома. Как его фамилия?
- Иорин его фамилия.
- Имелся у них такой человек...
- Этот Иорин, извините, предпочитал дамочек лёгкого поведения, а не партийные кабинеты.
- А что ж тогда Василий Петрович? – поджал губы начальник в недоумении. – Почему звонит?
- Думаю, из-за Ковригина.
- Ничего не понимаю.
- Вчера вечером, до происшествия, мой Ковригин остановил Странникова и задумал проверить его документы.
- Зачем?
- Ну... – пожал плечами Турин. – Померещилось что-то ему. Ковригин первый день как из деревни выбрался, форму новую приехал получать. Перестарался... наломал дров.
- Вон оно как!
- Секретарь сказал, чтобы я под арест его посадил.
- Вот видите!
- Турин пожал плечами, теперь голова его повисла без гордыни.
- Надеюсь, арестовали шаромыжника?
- Сидит.
- А чего со мной тягомотину разводите?
- Турин отвернулся к двери, которая снова открылась, на пороге возник всё тот же дежурный, только теперь уже с лицом краснее помидора и весь взлохмаченный, словно его оттаскали за уши.
- Товарищ начальник! – выпалил он. – Ответственный секретарь губкома требует вас к себе!
- Дождались! – Опущенников махнул милиционерам расходиться и поспешил к двери.
- Ефим Петрович, – заикнулся Турин. – Может, мне с вами?
- Вам? – приостановился тот, оглядел с ног до головы Турина. – С какой стати?
- Турин приблизился и шепнул:
- В парке Странников был, только спал он...
- Так что же ты мне сразу не объяснил?! – побелел от гнева начальник.
- Ну буду же я при всех рассказывать, – не смутился тот. – Ну что? Идти с вами?
- Пойдём. Сам отвечать будешь. А потом с тобой отдельно поговорю!
- До губкома добрались скоро. Опущенников утихомирил волнение и в кабинет Странникова вошёл один, оставив Турина дожидаться в приёмной.

– Как обстановка? – вместо приветствия пронзил его строгим взглядом ответственный секретарь.

– Обычная, – не моргнул начальник милиции и выпалил: – С десяток кражонок, грабёж нераскрытый... но мы работаем, триста литров самогона хлопцы припёрли с Трусова, ну и мелочь – проститутки, малолетки бомбили вагоны на вокзале... В общем, как всегда.

Странников не проронил ни слова, выжидал.

– Спасибо ещё раз за подаренную машину, товарищ секретарь. В угро не нарадуются. Теперь с преступным элементом скорее пойдёт, – затоптался Опущенников, не находя продолжения.

– Ты вот что, – перебил Странников, – благодарить губком не надо. Губком улавливает главные болячки, язвы буржуазного прошлого. Я больнице в машине отказал, потому что изучаю ситуацию. На нынешнем этапе, когда ошалевший от открывшихся возможностей нэпман прёт к спекуляции, забрасывает нерадивых аппаратчиков взятками, кому, как не нашим красным пинкертонам, нужна скорость, а?

– Так точно, товарищ!..

– Ты мне ответь про другое, – опять перебил Странников. – Когда в угро научатся заботиться о...

– Недоразуменьице случилось! – опередил Опущенников. – Из деревни агент тот. Прибыл получать форму, задержался, и вот... Вам попался.

– Где он?

– Сидит. – Опущенников прищёлкнул каблуками. – Турин взял под арест провинившегося. Тот сам и доложил, как вами велено было.

– Значит, сидит?... А что доложил? – изучал подозрительным взглядом Странников бледное лицо начальника, постепенно успокаиваясь.

– Учим, учим их, – бурчал между тем тот, отворачивая голову. – Мало толку. Видел ведь, что человек солидный перед ним, что оказия вышла, ну прояви смекалку – проводи до дома... Нет у молодых понятия.

– Ну, это лишнее... до дома пьяных водить.

– Ничего, посидит, поймёт. Всё им подозрительные элементы мерещатся.

– Новичок, говоришь?

– Года не работает... Да у вас в приёмной сам Турин дожидается. – Опущенников ожил, раскусив, что вызов ему ничем не грозит. – Если надобность имеется, он подробненько всё объяснит...

Странников отмахнулся:

– Какая надобность...

– Извиниться за своих олухов хотел, – выпалил уже совсем радостно Опущенников. – Пригласить, Василий Петрович?

– Ну давайте, – лениво потянулся секретарь. – Пусть зайдёт. Только предупредите, чтоб недолго. У меня конференция на носу...

– Тогда я прощаюсь. – Опущенников вытер вспотевший лоб.

– Занимайтесь, занимайтесь. Преступность распоясалась, а вы с пустяками возитесь. Я вот в докладе задам вам перцу!

– Примем все меры! – смиренно развернулся тот и заспешил к двери.

IV

Их встречу и дальнейшее сближение не назвать случайностью. Не только сама судьба вела их друг к другу. И не только дело, которым каждый занимался. В натуре обоих, в самой глубине сидел, что называется, бес, противившийся порой ступать обыденно, идти правильной,

проторенной дорожкой, делать как все, приказано – исполнять. Азарт противоречия, противоборства, делать по-своему, жить не как остальные, довлел над их разумом и, как ни старались они это скрывать, выскакивал тот бесёнок наружу и ставил в тупик и их, и окружающих. Сами того не ведая, они, тщеславные, желающие достичь невиданных высот в карьере, во всём, за что брались всерьёз, были отчаянными авантюристами, им ближе был поиск, нежели достижение цели, драка, а не победа, любовная тайная страсть, но не семья, хотя обстоятельства порой были выше их.

Познакомились они так. Турин в очередной раз отличился. Вместе с подчинёнными был представлен к награде. И было за что: в Царицине из тюрьмы бежало пятеро опасных бандитов, главари Крот и Носик вооружились револьверами, отобрав у охраны. До Астрахани бандиты добрались без особых приключений. Не щадя стреляли и детей, и хозяев, приютивших на ночлег, а в городе, используя наводку, учинили налёт на банк, но угодили в ловушку, устроенную Туринным. Как ни отстреливались, а взял он их живыми и с деньгами. Можно было на месте к стенке – и все дела, но начальник губрозыска проливать кровь запретил, бурчал: расстреляют, после суда.

Тем и закончился лихой побег Крота. Весть о его кончине мигом облетела преступный мир. Не замедлили, передали оттуда: нажил Турин кровников! А тот посмеивался: «Грозился волк медведю».

Вручать награды начальство приурочило к юбилею губрозыска. Прибыл для этого сам Странников, прихватив с собой председателя губисполкома. Так они и встретились. После пламенных речей гостей пригласили за скромный стол, и секретарь губкома сам усадил Турина рядом с собой по правую руку.

Потом Задову, приятелю из театра, с восхищением рассказывал, с каким необыкновенным человеком виделся.

– Мартин Иден! – слушал и посмеивался артист, развалившись в кабинете на диване. – Морской волк! Только сухопутный. Глаза – ледяная сталь! Грудь боксёра! Бицепсы циркового борца и загадочен, как сам Шерлок Холмс!

– Ты его не видел! – горячился Странников. – Вот познакомлю!.. Руки только береги.

– Кусается?

– Когда поздравлял, он так сжал, я едва не вскрикнул. И идеями своими поделился. У него свой кумир, французский сыщик в мозгу застрял, новый метод изобрёл бороться с преступниками их же силой. Вербовал на свою сторону, зачислял в агенты и с их помощью шайки и банды отлавливал. Париж очистил от преступного мира! Не слыхал про такие чудеса?

– Я ворьём не интересуюсь, – брезгливо морщился Задов. – У меня музы.

– А мы договорились встретиться по этому поводу. Я ещё послушаю его предложения. Идея того стоит.

– Смотри, заведёт он тебя в подвалы нашего города. Что с урками станешь делать? Растерял ты спортивную форму со своими докладами да совещаниями, – хохотал артист. – Кстати, скоро бега. Не забыл? Я подыскал тебе каурую.

– А сам, значит, опять на Мираже? Снова обскакать собираешься?

Поговорили и забыли... Следующий раз секретарь поздравлял Турина на полугодовом совещании: показатели губрозыска украшали работу всего управления.

Потом Странникова пригласили в милицию на торжество по случаю вручения первой машины. Автомобиль был американский, кажется, «форд», повидавший многое, прежде чем привезли его по железной дороге из столицы. Опушенников советовался, кому передать, секретарь, не задумываясь, крикнул в трубку аппарата:

– Конечно, Турина! Губрозыск на высоте, недавно отмечали. Я сам приду поздравлять. Это же событие!

Вот тогда он и познакомил заслуженного артиста Григория Задова с лучшим сыщиком Поволжья. Он представил их друг другу полушутя-полусерьёзно и имел на это полное право. В том, что Задову в своё время присвоили звание, его хлопоты были определяющими, а в том, чтобы Турин стал вхож в их тесную компанию, имелась у Странникова своя нужда. Когда однажды зашла речь об интригах Арестова, Задов с присущей ему наглой непосредственностью, не моргнув глазом, подметил:

– У тебя готовый человек в руках, а ты мучаешься, как свернуть шею зарвавшемуся казачку Арестову.

– Кого ты имеешь в виду? – удивился Странников.

– Сталь в глазах, пронизателен, как Шерлок Холмс, и кроток на язык.

– Турин?

– Вот тебе готовый начальник милиции. Опушенников вял и инертен, всеми потрохами подчинён Мине Львовичу. Отправь его куда-нибудь на повышение. В Калугу, Кострому, Казань... Подальше. Своё он заслужил, подавил бунт. Надеюсь, больше его услуги не понадобятся.

– А что, это мысль! – оживился Странников. – Надо отдать должное, в таких делах ты незаменим. Чем отблагодарить? Ещё раз проиграть тебе на бегах?

– Меня не обогнать! – заржал Задов. – Мой Мираж – птица!

И поднял большой палец вверх.

– Тогда, может быть, подарить тебе мою Венокурову?

– Слишком идейна, – скривил губы артист. – И тяжела на подъём, чтобы завести, надо спить ей бутылки три шампанского. Но вместо постели она взапрётся на стол танцевать. Помнишь, что вытворяла в прошлый раз?

Они расхохотались. Вспомнить было чего.

– У неё сестрёнка есть, – заговорщицки сощурил глаза Странников. – Венокурова никак не подыщет ей уютное местечко.

– Для работы? Смешно. На диване греть?

– Ну... Сам понимаешь. Девица на выданье, а свет её не знает.

– Давай её ко мне в театр.

– Погоди с театром, – посерьёзnel Странников. – Мы вот решили с тобой за Турина. Ему девица нужна необыкновенная. И чтоб не была замечена в легкомыслии. Понимаешь?

– Он что же, не мужик? Сам не найдет?

– Не мерь каждого на свой аршин.

– Остроумно, – обиделся Задов. – Женат твой Турин?

– Не знаю.

– Вот давай с этого и начнём. Я устрою в театре небольшой сабантуйчик по случаю какой-нибудь премьеры. И пригласим всех. Турина и обеих сестёр в том числе.

– Я бы не хотел видеть старшую, – возразил Странников. – Испортились отношения. Надоедлива. И распустилась.

– Но младшую без старшей не заманить. Ты же сам только что лекцию мне прочитал.

– Хорошо, хорошо, – замахал руками тот. – Решай сам. Только не увлекайся. Чем меньше публики в таких случаях, тем лучше.

Так было достигнуто соглашение, но его сорвал Турин. Пообещав, он не явился. Накануне ночью на одной из рыбацких тоней было убито пять человек, среди которых оказались женщина и девочка. Турин без предупреждений умчался туда. С тех пор они не виделись.

С тех пор они не виделись. А теперь Турин сидел у Странникова в приёмной и дожидался вызова.

V

Странников сам распахнул дверь, сам вышел в приёмную, раскрыл объятия:

– Что же ты здесь штаны протираешь?

Турин вскочил со стула, взял под козырёк, браво щёлкнул каблуками; тонкий, поджарый, он вытянулся стрункой. «Красавец, чертяка!» – впервые подметил и позавидовал секретарь, обнял как родного:

– Сколько не виделись? Проходи.

Он подтолкнул замешкавшегося Турина вперёд в кабинет, бросил секретарше:

– Чаю! И ко мне никого!

А Турина как долгожданного гостя довёл до кожаного дивана, на котором позволял сидеть не каждому, развернул лицом к себе, ещё раз заглянул в глаза, положив руки на плечи, и чуть не силком усадил:

– Отдыхай, сыщик. Набегался? Что в Икряном-то случилось?

Турин расслабился, бухнулся без всякой опаски на диван и утонул, провалившись чуть ли не по уши.

– Моего предшественника наследство, – съехидствовал секретарь. – Специально мебель не трогаю с места до очередного съезда. Диван только из другой комнаты перетащить велел. Кабинет великоват, а диван две задачи решает. Москвичи были, чертыхались, когда на нём прыгали, а мне чего? Пусть стоит. История. Я его держу под особ исключительных. Вот вроде тебя...

– А я чем отличился? – Турин, потеряв надежду выбраться, смирился, сорвал фуражку, непокорный чуб упал на глаза.

– Начальников губрозыска у меня ещё не бывало... Так что там в Икряном?

– Бандиты матёрые, – Турин потряхивал головой, забрасывая волосы назад с глаз, они не слушались, – пятерых уложили.

– А ты нам такой вечер испортил, – мягко и почти миролюбиво перебил его секретарь. – Гриша сварганил чудную премьерку. Лучших актрис труппы выставил...

Он потёр ладони, окинув кабинет взглядом, будто отыскивая ещё какую редкость, которой явно не хватало.

– Бандиты, говоришь?

– За кассиром следом шли. Он зарплату в рыбацкую артель вёз. Большие деньги.

– Как же прозевали?

– Был наган у него.

– Что наган?.. Сколько нападавших?

– Двое.

– Вот она, наша беспечность! А вы куда глядели? Учить надо банковских работников.

– Мы?.. – невольно вырвалось у Турина.

– Я чаю просил! – зло крикнул в дверь Странников.

– Банк нас не предупредил. Тут ещё разбираться надо, – выдал из себя Турин, чувствуя, как влажнеет лоб.

– Сколько, говоришь, денег?

– Две тысячи.

– О-го-го! Знаешь, сколько я получаю? – Странников поймал на себе удивлённые глаза Турина, махнул рукой. – Сколько корова стоит?

– Корова?

– Удивил? Впрочем, откуда тебе знать.

– Максимум – тридцать рублей.

– Вот! Две тысячи – это же несколько отличных стад! Подкосили бы крестьянское хозяйство целого района.

Внесли чай. Секретарше помогала матрона посерьёзнее и помрачней.

– Ариадна Яковлевна! – укоризненно покачал головой Странников. – Не часто у меня гости, надо бы повеселей, повеселей.

– Одну минутку, Василий Петрович, одну минутку, – извинялась та, суетясь, неприязненно косилась на милиционера.

Турин смутился, хотел снова встать, но опять его попытка не увенчалась успехом.

– Так что же там у вас? – не замечая его неловкости, Странников положил руку ему на плечо и совсем прижал к дивану, пресекая дальнейшие попытки.

– Убили кассира.

– А мне Опушенников докладывал... вроде и про женщин?

– Затемно добрался кассир до тони, рыбаки на радостях, что деньги привёз, выпивку на стол. Он и заночевал, утром на трезвую голову думал раздать деньги.

– Вот разгильдяй!

– Всех спящих в той хибаре, где кассир остановился, и порешили, – кивнул Турин, – видно, кто-то проснулся. Может, шум пытались поднять. Всех мужиков с кассиром и повариху с дочкой. Пятерых.

– Звереет враг. Не знаешь, откуда ждать. И нет им помех.

– Да что вы! Поймали уже. Может, другой есть повод сердчать на нас, Василий Петрович?

– Ничего, ничего. Это я так. В сердцах. – Странников дождался, пока они останутся одни, широким жестом указал на накрытый столик, который матрона придвинула к дивану напротив Турина, чем совсем лишила его возможности двигаться. Потом приставил себе стул, пододвинул чашку с чаем, но пить не стал; щёлкнув портсигаром, он достал папиросу и, закинув ногу на ногу, закурил, подмигнув Турину как ни в чём не бывало:

– А Задов обиделся на тебя. Нельзя, говорит, связываться с сыщиком-то.

– Простите, Василий Петрович.

– И Олечка ждала. Наобещал ей Гриша золотые горы. Такое про тебя рассказывал!

– Извиняюсь. Служба.

– Он слово своё сдержал. Такая красавица! Лучшая в труппе! Прима-актриса! А ты?.. Жаль, жаль.

– Исправлюсь, товарищ секретарь губкома!

– Забудь. Чего уж. Но впредь учти – первый раз Задов тебя простил, а второй раз и мне у него билетика для тебя не выпросить.

Шутил ли секретарь, обижался ли всерьёз Турин, так и не разобрался, но былой теплоты, как раньше, при вручении награды и автомобиля, он не чувствовал, это тревожило и не давало покоя.

– А ты чай-то пей. Курить не предлагаю.

– Что-нибудь случилось, Василий Петрович? – Турин коснулся чашки, подул на чай. – Конференция придавила? Беспокоят?

– Беспокоят? – прищурился тот. – Есть тревога, да другого рода.

Турин дёрнулся, словно ожёгшись, но Странников заметил:

– Не только у вас ловят, сажают, судят...

– Да что же случилось, Василий Петрович? Я своих ребят подыму на ноги. Вы только скажите.

– Значит, арестовал ты того? – оборвал секретарь губкома, придвинув лицо вплотную.

– Кого?

– Того... агента своего.

– Ковригина?

– Ну тебе лучше знать.

– Арестовал, Василий Петрович, но я за него головой ручаюсь! – попытался подняться с дивана Турин.

– Сиди. И никогда ни за кого не ручайся. Тоже мне начальник губрозыска! – Странников похлопал его по колену. – Понял, надеюсь, загадку этого дивана?.. Мягко сидеть, но трудно подняться, впрочем, может, это и не единственное его достоинство. Или недостаток?.. Что-то я запутался. А ты-то чего молчишь? Не пугайся. Я же без претензий. Про вчерашний вечер расскажи.

– Василий Петрович, там такое могло случиться! – побледнел Турин.

– А милиция что же? – хмыкнул Странников. – Руки опустили?

– Бандиты Иорина убить могли! А вы с ним рядышком были!

– Ты мне без намеков... без намеков... Мне ясность нужна!

И Турин подробно и, тщательно подбирая слова, рассказал всё.

– В какой больнице Иорин? – поспешил спросить секретарь.

– В моём кабинете. Заперт.

– Что?

– Я его на ключ. И предупредил.

– Его же ранили?

– Не опасно.

– А врачи?

– Хирург смотрел. Его я ещё ночью отвёз домой, как помощь оказал. Хороший специалист, мужик с понятием.

– А Опущенников?

– Ну что вы, Василий Петрович?.. – с хитринкой улыбнулся Турин. – Единственный свидетель – ваша жена. Ковригин сообразительный агент, он и ей ни слова.

– Знаю, знаю, – потёр лоб Странников, – иначе я бы не выглядел таким здоровеньким. Умеет она портить настроение. – Он, конечно, попытался сострить, но у него не очень получилось, глаза выдавали: стыла тоска, но секретарь встряхнулся. – Да что мне лукавить, чёрт возьми! Не помню я ничего, вот тебя и пытаю!

– Агента я наказал, – успокоил Турин, отхлебнул из чашки. – Трое суток будет в кабинете сидеть под арестом, как вы и приказали. Отдохнёт. Заодно Иорина посторожит.

– Вы что же? Держать Иорина под арестом собрались?

– У нас комнаты есть. Он, кстати, не женат. Никто не потревожится.

– А на работе?

– А вы ничего не знаете?

– Что? Что ещё я должен знать?!

– При Татьяне Алексеевой Иорин, если так можно выразиться, при том доме свиданий ошивается. А ведь инструктор губкома!

– Ну это уж оставь мне... – поморщился Странников. – Задов – пройдоха! Ах, Гришка, Гришка!.. Затащил меня туда, а сам смылся!

– Значит, вы об Иорине ничего не знали?

– Ну, ну! Вы меня не допрашивайте!

– Извините, Василий Петрович, профессиональная привычка.

– Чтоб впредь не слышал, – буркнул секретарь. – А Гришка хорош! Он у меня попрыгает!.. Артист из погорелого театра!

Помолчали.

– Значит, Опущенникову ничего не известно? – успокоился Странников.

– Инструкцию нам читал, собрал всех и наяривал.

– Инструкцию? Чего это он?

– Хумарьянцу делать было нечего, вот тот и сочинял – философствовал... Как вам это нравится, Василий Петрович?.. Ночью не допрашивать без особой нужды, оружие не применять?..

– Вредная бумага по нынешним временам. Ты мне её отыщи при случае.

– Принесу.

– Вообще-то этот Хумарьянц много чего намудрил-намутил в своё время, теперь банями в Баку командует. Что ты его вдруг вспомнил?

– Так я ж про инструкцию! Если б мой Ковригин на секунду не успел пушку выхватить, отдыхал бы Иорин в деревянном ящике.

– Ты мне сегодня прямо Америку открываешь.

– Если б не Ковригин, не знаю, что могло приключиться и с вами.

Странников хмуро скосился на Турина, но возражать не стал.

– Есть версии случившемуся? – спросил после тяжёлого молчания.

– А тут какую версию ни выстраивай, Василий Петрович, – будто ждал этого вопроса Турин, – три матёрых бандита навеки успокоены Ковригиным. Перестарался, возможно, но это с какой точки поглядеть. Два уцелевших, по-моему, стоят трёх трупов матёрых преступников?

Он многозначительно глянул на секретаря.

– Признался мне Ковригин, – доверительно тут же продолжал Турин, – он думал, конец Иорину, да вы ещё рядом в таком положении... Поэтому и палил без разбору.

– Ты всё-таки скажи, что сам думаешь про эту историю?

– Меры приняты: ничего не просочилось, – загнул палец тот. – Хирург?.. Он записей никаких не делал, – загнул второй палец. – А больше опасаться некого.

– Не допускаешь?

– Чего?

– Чего-чего! – не сдержался Странников. – Нападения на меня!

Турин вскочил и вытянулся перед секретарём:

– А основания?

– Теракт! Какие тебе ещё нужны основания?

Явно не ожидая такого оборота, начальник розыска лихорадочно соображал, что ответить, его растерянность выдавало заметное подрагивание пальцев рук.

– Что? По-твоему, я не фигура?

– Подумайте, Василий Петрович, сколько народу всполошится, если вылезет наружу? – наконец, начал он приходить в себя.

– Какой народ? Чего ты мелешь? Мне наплевать!

– Я имел в виду, если начальство съедется. Не наше. Ваше. Из Москвы. Ведь обязательно пришлют проверять, если всё так представить.

Странников переменился в лице.

– А те орлы копать станут глубоко, – развивал мысль Турин. – Из пальца высосут, если и ничего не найдут.

– Как – не найдут? А бандиты? – пробовал возражать секретарь.

– Залётная братва. Сплошь уголовники. Такие в политику носа не суют. Кошелёк – вот их мечта.

– Уверен?

Турин как-то особо, по-воровски поддел ногтём пальца зуб, искусно при этом щёлкнув:

– Зуб дам.

– Стопроцентной уверенности и у меня, конечно, нет. – Секретарь хлебнул чаю. – Но в одном ты прав – вороны слетятся. Задолбят.

– И копать начнут, до исподнего доберутся. Зачем вам это надо, Василий Петрович?

– А я сказал, что надо?

– Арестова опасаетесь? – тихо, вскользь подкинул догадку Турин.

– Мину? Нет, нет! – замахал руками Странников. – Если мы когда и грызёмся с ним, то по пустякам. А тебе откуда известно?

Он настороженно скосился на сыщика.

– Не за деньги работаю.

Странникова пробил кашель, словно его прорвало. Турин сунулся с чашкой чая, но секретарь оттолкнул, закрыл рот платком и затих.

– Мина – мелкий интриган, – наконец послышался из-под платка его голос. – Ему б в столицу, да повыше. А моё кресло ему и на хрен не нужно.

– А проверить надо, – будто приказал себе Турин, – если доверите. Я аккуратно.

– Займись, только осторожно. У Арестова своих везде понатыкано. И в губрозыске небось не один сидит.

– У меня нет, – резко произнес Турин, Странников, выпрямив спину, спрятал платок.

– Уверен?

– Голову на отсечение.

– Слушай, что у тебя за выражения? Зубом поручаешься, теперь вот головой, – поморщился Странников. – Думаешь, так всё и прокатит? А если я возьму вот и потребую другого наказания твоему герою?

Турин так и застыл:

– Ковригину?

– Отдай его мне, – вдруг попросил секретарь. – Коль он жизнь мне спас, пусть и раскрывает всё остальное, что заварил. Мы с тобой версии строим, головы ломаем, пусть он это делает. Меня охраняет, а заодно вынюхивает.

– А Опущенников?

– Его посвящать нельзя.

– А с причиной перевода как?

– Какого ещё перевода? – зло дёрнулся секретарь. – Агент твой зарвался, приставал на улице к солидным гражданам без оснований... Ты его за это под арестом держишь?

– Извиняюсь. Не сообразил сразу. Но я его наказал, а вы в губком возьмёте... Как понимать?

– Пустяки. Набирайся мудрости. Он заявление тебе подаст, а у меня нехватка шофёров. Мне машину прислали на днях. Стоит, пылится. Мейнц уже представлял свои кандидатуры. Управлять-то умеет машиной твой знаменитый Ковригин?

– Ради этого научиться, – опустил голову Турин, пряча ликующие глаза. – Только у меня встречное, так сказать, предложение, Василий Петрович.

– Валяй.

– Ковригин у вас сразу засветится. Мейнца вашего я знаю, проникательный гусь.

– Орготдел!

– Не поможете ли ещё одним человечком? Он на все руки, хоть двор мести, хоть трубы чистить, и к тому же приметен. На него сразу все станут пялиться, а Ковригин незаметно тихим сапом приживётся.

– Не калека, случаем? – поморщился Странников. – У меня, брат, подбор! Требования к кадрам.

– Свой в доску! – улыбнулся Турин. – Бывший боец интернациональной бригады. Он у меня в шикарном кабаке тише воды ниже травы, вынюхивает, что на самом дне делается.

– К себе что не берёшь?

– На особом положении.

– Ну, надеюсь, не африканец? А то мои бабы разбегутся.

– Китаец. Но у него давно русская фамилия и по-нашему шпарит – не отличить.

– Ну, не знаю...

– Им с Ковригиным вместе легче будет, – упрасивал Турин. – А сыграют они роли, будь спок.

– Опять ты за свой жаргон. Не переделывать тебя, Турин.

– Я постараюсь, Василий Петрович. И передайте товарищу Задову, билетки его жду с нетерпением.

– Погоди, Василий Евлампиевич, – доверительно обратился секретарь к Турину, глаза отвел, чувствовалось, что неприятный разговор затеял напоследок, – задержись... Я тут, заинтересовавшись твоей персоной, поручил заворготделом товарищу Мейнцу подобрать материалы... Так сказать, в биографии твоей покопаться...

Турин застыл, не мигая. Странников словно клещами вытаскивал из себя каждую фразу:

– Ты не обижайся, будто не доверяю тебе или подозреваю в чём-то. Есть у моего Мейнца возможность, не привлекая, так сказать, чужих глаз... В общем, понимаешь... Помнишь разговор наш про опыт некоего француза воров в уголовном сыске использовать для бóльшего, так сказать, успеха? Кто тебя надоумил про то?

Турин хмыкнул зло, расплылся в деланной хитровато-легкомысленной улыбке:

– Машину же обмывали, Василий Петрович. Бесценный подарок милицейскому розыску с вашего плеча! Самому стыдно до сих пор, прихватил тогда лишкá, ну и болтал спьяну. Сам, ей-богу, не помню.

– Ты меня за лоха не держи! – грубо одёрнул его Странников. – Раз спрашиваю, значит, заинтересовался я не просто так.

– Ваш Мейнец давно уже принимает к розыскному отделу. Особенно как Легкодимовым там запахло. Не там контру ищет, а не знает – подскажу.

– Отвечать будешь?

– Кто же вас интересуется конкретно, товарищ секретарь губкома? – задиристо, но стараясь сдерживаться, пробурчал Турин. – Каторжник Эжен Видок, на котором клейма негде ставить было, когда в 1810 году сам он заявился в полицейскую префектуру Парижа и, проклиная прошлую жизнь, предложил способ избавить город от кишящих уголовников? Так он умер давно.

– Юродствуешь? – У Странникова налилось лицо краской.

– В те ужасные времена разгула преступности ему всё-таки удалось убедить чиновников и поверить в принцип: «Только преступник может побороть преступление», – продолжал Турин. – Его внедрили в банду и дали двух агентов. Двух агентов на весь Париж! А он больше и не просил, но через год у него на связи их было уже два десятка, а за решётки он упрятал около тысячи отъявленных убийц, разбойников, воров, мошенников и содержателей притонов. По существу, он очистил город от нечисти, как и обещал.

– Сказки плетёшь? Прямо Андерсен: дудочкой крыс свёл в море.

– Этот великий сыщик основал во Франции организацию под названием «Безопасность», ставшую знаменитой на весь мир «Сюртэ» – зародыш криминальной полиции. Так же начали работать с уголовниками во многих странах, и успех не заставил ждать.

– Однако преступность одолеть не удалось, – буркнул Странников.

– Он научил профессионально подходить к вопросам борьбы с этим злом и совсем не виноват, что все политические системы порождают почву и условия для человеческих гнусностей с бóльшей скоростью. Против Маркса не попрёшь.

– Ну вот. Сам и поднял руки.

– Как сказать...

– Пытаешься по-прежнему экспериментировать? Признайся.

– Кто позволит?

– А Мейнц мне докладывал, что с ворами вовсю якшаешься. За какие подвиги они тебя Васькой-божком прозвали?

– Василий Петрович, вы накажите товарищу Мейнцу подальше держаться от различных дурно пахнущих помоек, где он привык собирать гадости да товарищу Трубкину докладывать в ГПУ. Строчат они одинаковые на меня пасквили, хотя бы друг у друга не списывали!

– Ты не зарывайся, не зарывайся, герой-одиночка, – крикнул Странников, но уже потухшим голосом, по-свойски пожурил: – Ишь Робин Гуд! Узнают твои, которые наверху сидят, по головке не погладят за эти прогрессивные начинания. В три шеи погонят, а то и покруче завернут. В России уже слышали про одного такого экспериментатора – Каина-хриstopродавца, он воров собирал для выведывания разных тайн среди своих же... Свои же и повесили, которые повыше были.

– Они всё могут, так как наверху, – не скис Турин. – А по поводу вашего замечания о воровской кличке моей, Василий Петрович, у Трубкина поболее будет информации. Знают там меня начиная с царских времён, когда шестнадцатилетним пацаном добывал деньги для подпольных газет. Но до настоящего боевика не дорос, в кутузках часто сиживал, а после разгрома большевиков в первую революцию объявлен был опасным преступником, и отправили бы меня на каторгу, но повезло улизнуть в Америку. Опять же не без пользы; могу похвастать: с товарищами Бухариным, Воровским и другими там познакомился. Многие тогда там ховались, пока амнистия не грянула от господина Керенского.

– Чего ж с рядовых в милиции начинал?

– Мест не было, – ухмыльнулся Турин и зatih. – Заняты были.

– Да ты без юмора не можешь!.. Повозила жизнь носом?

– Хлебнул с избытком.

Они помолчали.

– Ну вот что, Василий Евлампиевич, – кашлянул в кулак Странников. – Мешать тебе в твоих профессиональных опытах не стану. Но и знать ничего не знаю. Разговора не было, забыли. Все последствия и возможные промахи под твою ответственность. Иди работай.

– Есть идти работать.

– И чтоб этот?..

– Ковригин Егор?

– Чтоб шофёр Ковригин через неделю приступил к исполнению новых обязанностей. С китайцем повременим пока. Ты Ковригина подучи в городе, обмой, оботри, наведи лоск и снабди информацией, пусть приглядится. А недельки через три-четыре посмотрим и китайца.

– Оба – моя находка. Скрывать не имею права, – прямо в глаза секретарю выпалил Турин.

– Думал, я не догадался? – прищурился Странников. – Но их дальнейшим перевоспитанием сам займусь. Теперь моими крестниками станут.

VI

Над «Счастливой подковой» полно звёзд. Высыпали, выбежали, будто на смотр их пригласили, на представление. Запрокинул голову вверх актёр Григорий Иванович Задов, не налюбуется. Сияющего небосвода хватило бы вот этой жёлтой проказнице двурогой, докатившейся до самой ажурной крыши изысканного ресторанчика, но упёрся на её пути в небо кованый столб с тремя фонарями под колпаками в вензелях, и зацепилась за них луна-девица игривым рожком, словно ножкой, не двинуться теперь, не развернуться. Попалась шалунья. Заливает светом веранду, на которой устроились двое, блаженствуют, откинувшись на спинки мягких кресел.

Ресторанчик этот особый, только для своих. Вокруг ни шума, ни суеты, ни допёка. Кроме них: сухощавого, строго одетого Дьяконова да актёра в обычном его наряде – длинном плаще и

старомодной шляпе – никого, даже столиков пустующих не видно. Только тихая томная мелодия льётся на головы откуда-то сверху и порой всплеснёт волна, качнув всё заведение и прижав его к берегу.

Низенький официантик в расписной рубахе навывпуск, с пояском скользнул за их спинами, подкрался на цыпочках, не сказал, прошептал на ухо Дьяконову, боясь потревожить его покой:

– Не извольте-с горячего?

– Как, Григорий Иванович? – поинтересовался с некоторой важностью тот, подняв серые внимательные глазки на актёра.

– Рано. – Выпустив в воздух колечко дыма, актёр затянулся ароматной сигаретой, любясь, запустил вверх ещё два таких же друг за другом, подмигнул ждущему официантику: – Принеси-ка, голубчик, нам ещё севрюжинки отварной да икорку с блинчиками. Чтобы икорка холодком отдавала, а блинчики язык огнём жгли. Люблю, грешник, крайности. В этих крайностях да излишествах, не поверишь, любезный мой Валентин Сергеевич, вся моя суть и трагедия.

Он небрежно стряхнул пепел с сигареты через перила в воду, покрутил окурочек перед собой, засмотревшись, как разгорается огонёк, и вдруг мягким щелчком зашвырнул его по высокой дуге туда же.

– Вот и завершилось мгновение этой искры. Погорела, посветила, попользовался ею кто-то и... – с ностальгией в голосе произнёс он. – Так и мы... Рок завершил, что Бог сулил...

Не закончив фразы, актёр ухватил улетающего за дверь официантика и, тыча пальцем, кивнул на пустой графинчик: – И наполни до краёв. Я сегодня в особом расположении духа. Впрочем, смени его совсем. Что ты вздумал нас, словно юнцов, из такого сосудика потчевать, китайская твоя рожа?

Сказал он так ласково и безобидно, что официантик без слов поклонился, виноватая улыбка мелькнула на тонких губах, жёлтая маска лица изобразила низжайшую покорность.

А актёр захохотал, собой довольный, сбросил шляпу, замахал ею над головой, крикнув во всю мощь необъятных внутренностей, будто голубей гонял:

– Хорошо-то как! Эй-ей-ей!

Эхом прокатился его мощный, прямо-таки разбойничий клич по затихшей реке, пролетел, прогудел по водной глади до островка напротив и, отразившись, рассыпался.

– Перепугаете всех, Григорий Иванович, – пригнул от неожиданности Дьяконов аккуратно стриженную головку к столику и даже прикрыл уши обеими ладошками, на лице его выступили и изумление, и неподдельный испуг, которые он постарался скрыть. – Кругом народу на берегу, в пивнушках да в кабаках!..

– Что нам ночь, Валюха?! Для артиста ночь есть время творческое, пора терзаний ищущего сердца, познания себя. Вы вот, чиновничьи душонки, не знаете, не ведаете, что это такое. Что есть судьба артиста? Вам бы до постели добраться да дрыхать. У вас же перед глазёнками цифирки скачут, одни банкноты на уме. Да чтоб не общучил кто. А мы?.. Мы о вечном!.. Об истине вселенской печёмся! Наставить вас на путь истинный наша задача и мечта.

– Да будет вам. Нам и церкви хватает.

– А ходите ли вы в храмы? Сомневаюсь я. Да и нет уж их. Поручили. Театры для вас, заблудших, открыли. К ним путь.

– Деньжата считаем не ради собственной прихоти, ради государства переживаем, Григорий Иванович, – лениво и наставительно забубнил собеседник. – К нам теперь требования ого-го!

– Дурачишься? – грубовато засмеялся, загоготал артист, раскинув руки от нахлынувших чувств. – Ну, признайся! Иудушку Головлёва или Плюшкина изобразил? Получается у тебя, почти поверил. – Он потянулся через столик, хлопнул приятеля по плечу. – Хорошо про деньги

сказал! Пойдешь ко мне? Пьеску сварганим на манер Островского. Да что стариков булгачить! Новых полно, аверченки, зощенки разные объявились, дюжину ножей им в спину! У тебя, Валюш, ей-ей пойдёт. А если я тобой займусь!.. Да ещё по системе Станиславского!..

– Нет уж, увольте, – не подыграл тот, обиделся. – По молодости в шекспиров метят. Вы уж им крутите головы.

– Ну, ну! И чего тебе обижаться? – ещё раз попытался по плечу похлопать его артист, но тот отстранился, да и повела хмель в сторону, промахнулся Задов, ухватился за край столика, чтобы не свалиться и чуть не перевернул его; вовремя подскочил проворный официант, будто тут и стоял, подхватил стол одной рукой, второй – артиста, и воцарилось статус-кво.

– Ай, молодец! Откуда ты примчался! – оттолкнул усаживающего его официанта Задов. – Ишь глазастый! А водка где? – и развернулся к собеседнику. – Ты не обижайся на меня, Валентин Сергеевич, не обижайся. Я тебя понимаю. Зачем тебе мой театр, мои марионетки? У тебя своего такого добра хватает. А ты среди них высота непомерная.

Тот слушал молча, не перебивал, видно, остывал от обиды.

– Ты – вершина у нас в городе среди всех этих людишек финансовых и торговых! – с пафосом произнёс артист.

– Ну что вы, Григорий Иванович, – заёрзал в кресле тот, довольный, поджимая губы, на лице его не выразилось ни кокетства, ни зазнайства, он принимал хвалу некстати быстро опьяневшего артиста, кривясь и воровато оглядываясь по сторонам. – Всем вам обязан. Как такое забыть. Всем только вам.

– Да я не об этом! – вознёс вдруг артист руки вверх театральным жестом, как проснувшийся вулкан, издал рык, из глотки только пламя не полыхнуло. – Не спорь со мной! Ты у нас действительно величина! Заместитель заведующего торговым отделом! Звучит-то как! Сам Дьяконов! Вон куда занёсся наш Валюха!

– Ну полно, полно, – пригнул тот голову к столику, теперь уже совсем пугливо. – Чего же шум подымать? Невелика шишка... заместитель...

– Прекословить мне?! – не то шутил, не то разыгрался в роли артист, не снижая тона. – Попков-то твой – начальничек формальный, за столом постоянно не сидит. По командировкам шастает. В Саратов каждую неделю билеты заказывает. А командуешь всем ты! Я, брат, знаю! Вот мы его и пропишем в высшие начальники. А городу настоящий заведующий нужен. Чтоб на месте был каждый день. Да что его искать? Вот ты передо мной! Аль не справишься?

Дьяконов привстал от неожиданного предложения и потерял дар речи.

– Испугался?

– Да чего уж... Обязанностей, конечно, великовато, но получалось без него... Да что там! Справлюсь, конечно. Благодарю за доверие.

– Нет! Ты всё же ответь! Кого ж ты испугался? – не на шутку расхохотался Задов, его понесло, он играл уже другую роль. – Китайца желтокожего? Лакея этого или его хозяина Корнея? Сказать тебе, кто в этой «Подкове» всем заправляет? Да ты и сам слышал небось. Только делаешь вид, что неизвестно.

– Не надо. Ни к чему, – забеспокоился Дьяконов и, протестуя, ладошки к губам прижал. – Что нам до них, Григорий Иванович? Мы отдохнуть сюда заглянули. Посидели – и нет нас.

– Э, стоп! С Дилижансом у тебя, Валюш, так не выгорит! Знать тебе, Валентин Сергеевич, надо всё. Давно мы в одной колее, поэтому лучше знать, чем думать чёрт-те что, головёнку, как страус, в песок прятать и потёмком пугаться. Ты ступил на дорожку опасную, но не трясись заранее, выведем, если что. Не бросим. Сам вот только не лезь в дерьмо, тянет тебя туда недуром, смотри, увязнешь по самые уши и не заметишь.

Дьяконов, утратив дар речи, не сводил с артиста глаз, пытался понять.

– Ну, ну. Не дрейфь, – хмыкнул Задов. – Спустил я на тебя кобеля?.. По делам твоим. Не думал, что слаб на расправу. Ты привыкай, голубчик. У тебя впереди и не такое может быть.

– Григорий Иванович, да за что! Помилуйте, не заслужил.

– Не заслужил? – вскинулся артист. – А на какие шиши такой домище разбухал у всех на виду! Не поленился я, не поверил, сам прокатился посмотреть. Потом рассказал Василию Петровичу, тот глаза таращит: соседский-то вдвое меньше твоего, не дом, а дворец с палатами у тебя! Соображаешь, что творишь?

– Сломать дом-то?

– Чего уж теперь. Ещё больше сплетен родишь. – Задов вроде как протрезвел, посуровел лицом, кулаком по столу пристукнул, укоризненно покачал головой. – И к Дилижансу меня пригласил... В «Аркадию», значит, побоялся, там публики полно, там на глазах... Как же! Замзава да с актёришкой водку вкушают...

Дьяконов не находил себе места.

– Бываешь там?

– Редко.

– С женой небось?

– Ага.

– Лоботрясов своих, Авдеева, Попугайчика и остальную свору, с собой берешь? К чему тебе сопровождающие? Ты – будущий начальник. Гони их от себя!

– Что вы, Григорий Иванович! И не брал никогда.

– Часто там твои крохоборы выкидывают фортеля. Особенно этот?.. Ходит между столами и у рыбопромышленников на водку кланчит!

– Чернушкин, подлец?! Я его сгною!

– Не горячись. Пусть сам уйдёт. Эта же гнида потом на тебя писать станет. Не куда-нибудь... в Кремль!

Дьяконов вздрогнул, закрыл лицо руками.

– А кто не знает в городе Дилижанса? – будто сам с собой разговаривал Задов. – Он и кличку заработал, что под всех ложился, подвозил-отвозил, девиц поставлял. Шельма ещё та! Ты бы Лёвку спросил. Общаешься же с ним. Узилевский Лев Наумович – дока по этой части. У него информация на каждого. Он на нас с тобой биографии напишет – это же руководитель, официальный представитель всех частных в бюро сырьевой и биржевой конвенций. Вот! Выразитель, так сказать, воли и желаний всех нэпманов в стенах государственных учреждений.

Дьяконов исподлобья приглядывался к Задову. Куда делись пьяные чудачества сидящего напротив человека? Он преобразился в строгого учителя, требовательного наставника, безжалостного судью. Вот и разгадай актёра, где играет очередной фарс, а где стегает плёткой желчных замечаний.

– Кстати, а где наши официальные лица? – вдруг с одного на другое перескочил Задов. – Ни Лёвки, ни Макса не наблюдается, а время назначенное давно прошло? Заблудились, разыскивая «Подкову»? Им, конечно, ближе кабачок мадам Мерзликиной да салон дамочки Александровой... Где они? Я просил пригласить их на нашу ассамблею.

Замзава смутился, но нашёл в себе смелость проямлить:

– Мне представлялось, Григорий Иванович, что присутствие этих особ нежелательно. Тем более Гладченко. Поэтому не пригласил.

– Ага! – торжествуя, воскликнул артист, не удержался от охватившего его возбуждения, выскочил из кресла и с необыкновенной прытью для, казалось бы, недавно пьяного вдрызг человека оббежал вокруг столика, прихлопнул по плечу растерявшегося Дьяконова. – Значит, коснулась тебя длань Божья! Господь просветил! А я ведь, голубчик, специально тебя проверял. – Он наклонился к Дьяконову и зашептал на ушко: – Я, Валюш, загадывал, хватит у тебя ума не привести сюда Максима Яковлевича Гладченко, вождя местных аферистов, великого специалиста по взяткам и спаиванию государственных людишек? Как же ты сам догадался?

Дьяконов отстранился, обиженно поджал губы, встать собрался, но Задов ласково, но твёрдо усадил его назад, даже пригнул голову к крышке стола, да так, что тот не смел шевельнуться.

– Как же ты Макса забыл?.. Он же в твой торговдел ногой дверь открывает, твои охламоны дорожку перед ним метут, не забывая в карманы его заглядывать – полны ли они деньжатами? Им несёт иль опять мимо, всё начальничку!.. Тебе!

Дьяконов попытался дёрнуться, но рука Задова была тяжела, и пикнуть не сумел.

– Когда Макс у тебя, они все завистливо перешёптываются: «Хлеб пришёл!» А? Не то я говорю? С вывороченными карманами от тебя вываливается, и не он один! Солдатовы к тебе зачастили, Пётр у них за главного, чуть не лобызается с тобой. За какие шиши ему скидки да лучшие условия по рыбодобыче? Молчишь?.. А ты не пригласил их со мной встретиться... Я бы выпросил у братцев, за что им скидки великие да привилегия особая?

– Григорий Иванович! – высвободился наконец из-под тяжкой длани замзав. – Кто ж такую гнусность плетет на меня!..

– Не смей! – гаркнул артист, гром его голоса снова полетел по речке. – Не смей мне врать! Голову оторву!

Дьяконову всё же удалось соскользнуть с кресла, он упал на колени перед Задовым, схватил его за руки:

– Кляните! Ругайте! Всё снесу! Только простите. Без ума творил, бес попутал.

– Вот... – обмяк актёр. – Ты подымись, подымись. Неча в ногах-то валяться.

– Эти гнусные твари в душу забираются, и глазом не успеешь моргнуть, – тарабанил, захлёбываясь, замзав. – Отвернёшься, а они уже свёрток в карман суют. А то моду взяли деньги в бумаги прятать. Выбежит, бывало, из кабинета, глянь на место, где он сидел, а под кипой – пакет. И не догнать его.

– Ладно, – махнул рукой актёр, брезгливо отворачиваясь. – Они хватки на такие проделки. С ними ухо и глаз держи остро.

Он будто доигрывал свою роль, расслабился, нелепо и безрадостно хлопнул по своей шляпе.

– Бог мой! – взмолился замзав. – Неужели и Василию Петровичу известно?

– Ты, голубчик, наивное существо, – усмехнулся артист. – Вскружил успех голову. Солдатовы да Гладченко, Штейнбергеры да Блохи, Ситниковы да Кантеры – это не просто знатные рыбопромышленники, это великие комбинаторы, хищники. Им палец в рот не клади. А у вас от их ласк глазки разгорелись. Натан да Хасан, Абрам да Евсей тюрьмы не боятся, им не привыкать, да они ведь за спину твою и спрячутся. Тебе же карманы деньжатами набивали. С тебя спрос.

При последних словах Дьяконов сжался.

Выскочил официантик, будто ничего не замечая, наполнил рюмки уже из нового графина.

– Горячее подавать? – уставился на Задова.

– А тебя кто по-нашему дрессировал? – ухватил его за поясок артист, пытаясь заглянуть в глаза. – Дилижанса выкормыш?

Только щёлки глаз узкие, ничего не разглядеть; китаец молчал, дежурно улыбаясь, будто ничего не понимая.

– Вот скажу Корнею, чтоб выгнал тебя, и перестанешь улыбаться, – устало хмыкнул Задов и крикнул вслед убегающему, не замечая поставленных уже рюмок. – Ты водки нам принесёшь, рожа жёлтая?

Развернулся к Дьяконову, помолчал, дожидаясь, когда тот очухается.

– Тоска, – хмыкнул Задов. – Мавр сделал своё дело, но, кажется, переборщил. Не вызывать ли больничку. Эй! – окликнул он замзава. – Так и быть, научу я тебя, что надо делать.

– Григорий Иванович, век благодарен буду! – оживился тот и уши наострил, как собачонка.

– Любит Странников тебя, дурачка, – поднял свою рюмку Задов и опрокинул залпом. – Поэтому и усадил в кресло начальника отдела. А долг платежом красен.

– Да я!..

– Самому сообразить надо было, – наставительно и почти ласково продолжил артист. – А ты дождался, что поучать пришлось. А?.. Кумекаешь?

– Да мне только слово!..

– И без слов догадайся, – из графинчика плеснул Задов, не дожидаясь официанта, да тот и не спешил появляться, будто чуя важность беседы, тайно прислушивался у двери.

Артист выпил ещё.

– На днях бега начинаются. Слышал небось?

– Нет.

– Что ж ты, афиш не читаешь? Везде расклеены? Сезон открывается, вот дурачок! В чём твой интерес? Бабы?

– Что вы!

– И водки не пьёшь...

– Нам голова чистая нужна.

– Ну да, понимаю, – поджал губы Задов. – Насчёт головы ты вовремя заметил. Если б ещё она у тебя поумней была.

– Обижаете, Григорий Иванович, – осторожно продвинул по столу к нему ладошку замзав.

– Что это? – широко раскрыл глаза артист, дурачась.

– Сувенирчик к бегам, – неуверенно произнёс тот и приподнял ладошку.

Под ней оказался приличный свёрток с деньгами.

– С отдачей. Мне просто так не надо, – быстро заграбастал деньги Задов. – Я в первом забеге не участвую. Я со второго начну. Но с таким сувениром уверен, выиграш мой.

– А Василий Петрович? – подтолкнул таким же образом следующий свёрток замзав.

– Он ещё не решил. У него конференция на носу, – забирая и эти деньги, ответил Задов. – С лошастью загвоздка. Московские лошади, не наши. А вот если Табун-Аральских привезут, тогда да! Тогда, может, и я в первом заезде решусь на своём Миражике. Ты давай приходи, Валюш.

– Непременно! – возликовал тот.

Влетел официант с подносом, но Задов замахал на него руками:

– Засиделись мы. Пролётку вызвал?

– Стоит, – нагнул тот голову.

– Хоть здесь угодил, – покосился на китайца Задов и стал прощаться с Дьяконовым. – Ты меня прости, Валентин Сергеевич, мне ещё в одно место надобно успеть. Сам понимаешь: женщины не любят, когда кавалеры опаздывают.

VII

Вторые сутки губком лихорадило.

Впускали не всех, лишь по вызовам, по запискам, своих. Заворотделом Мейнц с лицом китайского императора сидел на телефонах, отвечал один на все звонки. Виной всему была подготовка доклада на конференцию, с докладом зашивались.

По обыкновению, его собирал воедино из частей товарищ Таскаев. Заведующие отделами и другие ответственные лица писали в своей части составные блоки, из которых второй

секретарь творил единое целое и представлял товарищу Станникову для ревизии, замечаний и оценки.

Обычно работа эта начиналась загодя, копились бумаги с нужными фразами, цитатами вождей, вырезками из газет, откладывались брошюры, некоторые умудрялись подыскивать под тему стишки посерьёзней и поавторитетней, но мимо Станникова они не проскакивали, как и прочая мелочь. Станников ко времени общей читки «болванки» доклада набирал особую форму – был жесток и непримирим.

Работал каждый по-своему, кое-кто запирался в кабинете, кто-то оставался вечерами, отключали телефоны, гении диктовали секретаршам на ходу. Но таких было мало. И всё же месяца хватало, чтобы со спокойной совестью вручить товарищу Мейнцу свой кусок для предварительной проверки.

Второй этап наступал с Таскаева. Этот работал только вечерами, только с запертой изнутри дверью и телефонными звонками мучил и допекал каждого, в писанине которого сомневался хоть на грамм. Особенно противны были его звонки ближе к полуночи, но тот вызывал к себе несчастного, даже не интересуясь, где он его застал и в котором часу суток. Больше всех мучился финансист, который считал, что в этом хитроумном занятии разбирается лучше Таскаева. Спор рождал перепалку, заканчивающуюся скандалом, после одного из них, когда нарушили сроки, Станников приказал финансисту подписывать свой отчёт единолично под персональную ответственность. В крайкоме одобрили новинку, и воцарился мир.

Так с его приходом в губком сложилась процедура с докладами. Но в этот раз неожиданно забуксовал Таскаев. Долго провозился со стыковкой блоков, тормозил с цитатами, меняя одну на другую, и даже советовался с товарищем Распатовым, завоём по идеологии, в чём ранее никогда не замечался. Основания были – только что пережили очередные вылазки троцкистов, Зиновьев с Каменевым заварили кашу по НЭПу из-за отношений к середняку, в которой трудно было сразу разобраться; чёткие рекомендации из центра запаздывали, на местах приходилось додумывать самим.

Открытие конференции было объявлено на вторник ещё месяца за три, но наступила последняя суббота, о докладе ни слуху ни духу, и у многих аппаратчиков сложилось мнение: горит всё синим пламенем! Такого ещё не бывало!

Однако к полудню Таскаев распахнул дверь кабинета ответственного секретаря и застыл на пороге. От природы кудряв, теперь он был взлохмачен и прямо-таки озарён неземным сиянием, обеими руками прижимал заветную папку к животу.

Станников долго глядел на него из-под густых бровей: ни «войдите», ни «садитесь», загасил папироску в пепельницу, где окурков высилась целая гора, вызвал звонком секретаршу и мрачно сказал:

– Я дождусь, когда эту гадость кто-нибудь догадается убрать? Дышать нечем!

Сам подошёл к открытой форточке, настезь распахнул окно, кинув за спину не то онемевшему Таскаеву, не то оробевшей секретарше:

– Через пятнадцать минут всех авторов сия политического труда ко мне! Подготовиться к чтке проекта.

И заложил руки за спину, не оборачиваясь. Жест был красноречив. Таскаев с секретаршей вылетели из кабинета, чудом не столкнувшись.

Зал заполнился раньше и замер в напряжённом ожидании. Весть о плохом настроении ответственного секретаря молнией облетела всех, каждый, ткнувшись в свой блок писанины, отыскивал грех; финансист с ехидной улыбкой в позе сфинкса устроился отдельно в углу, отгородившись от остальных. Докладчик Таскаев топтался в центре зала, не решаясь присесть, искоса бросал взгляды в спину Станникова, тот так и курил у окна, никого не замечая.

Разрядил обстановку Мейнц. Ему забыли сообщить о начале, и секретарша, всплеснув руками, понеслась за ним, тот вбежал, споткнулся о порог, едва не упав, успел вцепиться в

Таскаева. Нервный смешок зародился среди сидящих, но тут же смолк, а двое так и стояли, обнявшись и извиняясь друг перед другом.

– Начнём? – оборвал идиллию ответственный секретарь, облокотившись на подоконник, так и отделяясь от всех. – Цирк, да и только!

Специально или забывшись, он позиционировал себя остальным; первым это заметил идиолог Распяттов, толкнул ногой под столом Мейнца, тот вздумал возразить, но Странников, словно следил за всеми, пресек:

– Опоздание, надеюсь, восполним качеством содержания? Прошу!

Таскаев дрожащим голосом начал читать. Обычно в таких случаях он снимал очки, так как, волнуясь, потел; очки съезжали на нос и не помогали ему, а мешали. Толстыми стёклами они уродовали и без того пухлое асимметричное его лицо, и он мучился вдвойне, зная это. Видел без очков он очень плохо, поэтому лист с текстом держал перед самым носом и пальцем водил по строчкам. Но к этому давно привыкли; никто не обращал внимания на знакомые фразы начала, формальные обязательные строки, тихий голос докладчика, бубнящую монотонность. Таскаев не трибун, не Странников, он – вжившийся в должность вечно второго рядовой чиновник: не прошло и двух минут, как нервный накал спал, его перестали слушать и некоторые смежили веки. Нет! Никто и не думал дремать, но многих клонило ко сну после стольких треволнений.

– Читал? – вдруг спросил ответственный секретарь Таскаева.

Все вздрогнули вместе с докладчиком, не поняв вопроса.

– Что?

– Вот это?.. – Странников выпрямился. – Только что вы произнесли?..

Таскаев сбился, палец его соскочил с нужной строки и сейчас лихорадочно искал потерянную фразу.

– Ну! У вас там про какой-то «Шум»?

– Сейчас, сейчас, – засмущался ещё более докладчик, но совладать с собой не мог.

– «Шум эпохи»! – подсказал кто-то. – Мелькала такая заметка в нашем «Коммунисте».

– Нет. Я «Коммунистом» не пользовался, – пролепетал докладчик. – Там вечно что-нибудь путают.

– Зря вы так, – обиделся тут же Распяттов, идеолог и куратор местных газет. – Сами перепутали, так не пеняйте на других.

– Вот! Я вам нашёл, – никто не заметил, как Странников подошёл к докладчику и резко ткнул пальцем в текст: – «Философия эпохи»! Есть статья с таким названием, а у вас какой-то «Шум эпохи»?..

– Да, да, – стушевался Таскаев, – я же говорю, в нашем «Коммунисте» обязательно перепутают.

– Не может быть! – привстал Распяттов. – Вы, наверное, пользовались «Вестником Советов». Так это печатный орган Арестова.

– Нет, нет. Я его даже не просматриваю.

– Не важно, – оборвал спор ответственный секретарь. – Я спросил, читали ли вы эту статью?

Таскаев поник головой.

– Ну как же? Раз на неё ссылаетесь? – Странников покачал головой, поджал губы, отошёл к окну, закурил. – Раз её цитируете, значит, должны быть вооружены. Вы её поняли?

Всё это время каждый в зале поедал глазами бедного докладчика и старался вспомнить, не из его ли блока вычерпал Таскаев эту злосчастную статейку? А докладчик разволновался так, что ему было не до воспоминаний. Единственное, что он мог, наконец, промямлить:

– В «Ленинградской правде», кажется, печаталась... Кто-то её мне подсунул... из командировки привёз. Но я не вчитывался особо. Времени не было.

– И хорошо, что не читали! – вдруг громко сказал Странников. – Я бы вас врагом партии объявил, скажи вы мне обратное. Вредная газета. А статья опасная. Чуждая пролетариату. Уничтожена она была, лишь её выпустил Зиновьев. В «Философии эпохи» он снова партию втягивает во вредную дискуссию. Сколько мы их пережили! Троцкистам едва глотки закрыли, да не совсем. Умники за новое взялись!

Трибун умело ораторствовал, не то что предыдущий мямля, зал замер, а напуганные аппаратчики, сжавшись, невольно пригнули головы к столам, не смея шевельнуться. Давно не видели ответственного секретаря таким.

– Не ожидал я от вас, товарищ Таскаев, подобных перлов! Чем захватила вас философия этих двурушников? Вы разделяете взгляды Каменева и Зиновьева?

– Что вы, Василий Петрович... – шептали бледные губы Таскаева. – Вам хорошо известна моя позиция. Я верный ленинец. В партии с революции.

– А кто же эту мерзость вклеил в доклад?

Таскаев изо всех сил вцепился в крышку стола, чтобы не упасть.

– Это всё от вашей бестолковости! Читаете что ни попадя! Распятков мне тут докладывал, вы и зарубежной литературой интересуетесь?.. Читаете какие-то их журналы?..

– Только выпуски Коминтерна...

– А в Коминтерне кто? Забыли? Тот же Зиновьев! Хитрая лиса вместе с Каменевым. Они ещё и Надежду Константиновну Крупскую с верного пути пытаются сбить. Слышали, чуть к себе её не переманили? Его верная подруга и соратница вдруг запела с их слов! И ведь на что эти враги покушаются! Им, видите ли, не нравится, как руководит партией Генеральный секретарь товарищ Сталин! Вы только послушайте, что брехал Каменев на съезде!..

Ответственный секретарь расстегнул пуговицу нагрудного кармана светлого кителя, бережно извлёк вчетверо сложенные листы печатного текста и, оглядев зал, не без гнева прочитал:

– «Я пришёл к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба. Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!...»¹⁰

Эффект был таков, что в зале все вскочили на ноги. Распятков первым закричал: «Долой!» Мейнц пищал: «Давно их в шею!» Остальные угрожающе топали ногами: «Смерть врагам революции! Сталина не отдадим!»

– Спокойно, товарищи! – поднял руку Странников. – Отщепенцы получили должный отпор. И мы не позволим, чтоб их желания, подобно ядовитым змеям, расползались и жалили наших товарищей. Коллектив у нас крепкий. А Таскаев, я думаю, уже понял, в какую канаву угодил.

Таскаев безмолвствовал и покачивал головой, словно от тяжёлого удара.

– Кто же вас сподвиг на эту статейку, Таскаев? – понаблюдав за ним, спросил ответственный секретарь. – Неужели в наших рядах прячутся гадюки? Товарищ Мейнц, вы что скажете?

– Есть, товарищ ответственный секретарь! – выскочил из-за стола и побежал к Странникову заворотделом. – Есть, к сожалению, такие.

– Плохо! Очень плохо! Допускаете проникновение чуждого элемента в наши стройные ряды, – смерил его хмурым взглядом Странников. – Проведите проверку, как это могло случиться, и доложите мне.

– Будет сделано. У нас скоро чистка намечается...

– До чистки всё выясните. – Секретарь сел за стол на место Таскаева, не приглашая садиться остальных, но они тут же сгруппировались возле него, отесняя бывшего докладчика за спины. – В связи с произошедшим, – продолжал Странников, – предлагаю конференцию пере-

¹⁰ Из выступления Л. Б. Каменева на XIV съезде ВКП(б) (стенографический отчёт).

нести на два дня. Доклад поручаю переработать товарищам Мейнцу и Распятову. Справитесь, товарищи?

Он обернулся, отыскивая. Оба уже стояли навтыжку рядом, идеолог – с левой стороны, организатор – по правую руку. Странников поднял голову:

– А то, вишь ты, нашлись умники, которым единоначалие не по нраву! Далеко удочки закинули. Замыслили расколоть наши плотные ряды?

– Я предлагаю не переносить конференцию, товарищ ответственный секретарь, – вдруг выпалил Мейнц.

– Почему? – откинулся на спинку стула Странников.

– Весь аппарат сейчас же сядет устранять упущения Таскаева. – Мейнц высоко держал голову, а грудь его прямо-таки бугрилась от вдохновения. – Мы с товарищем Распятовым не подведём. Доклад будет готов к сроку!

– Вот это по-нашему, по-большевистски! – поднявшись, обнял его Странников. – Я в вас никогда не сомневался.

VIII

В кабинете у Странникова разрывались звонками телефоны, несколько раз забежала секретарша с выпученными глазами, но он зло отмахивался, гнал, не давая открыть рта. Мейнц и Распятов, вместе и поодиночке возникая, ожидали приёма с пачками бумаг, ответственный секретарь никого не принимал. При галстукке и в пиджаке, закинув руки за голову, он уже несколько часов метался на продавленном диване, курил папиросу за папиросой, гася окурки в пепельницу, перемещенную на пол.

Он дотошно перемалывал недавнюю историю с незадавшимся докладом, лихорадочно тасуя ситуацию то одними, то другими фактами, домысливая варианты возможных последствий. Что хорошего можно было выжать из поганой и опасной катавасии, вольно или невольно устроенной вторым секретарём, которому он поручил такое важное дело? Главное, тот уже не раз справлялся с подобного рода заданиями, своевременно выходил с честью: его писанина к различным мероприятиям, пленумам, активам, кворумам, совещаниям не отличалась, конечно, красками, глубокими мыслями или сочными эпитетами, но была добротна, соответствовала политическим течениям, насыщена дельными призывами и подобранными по смыслу лозунгами. Единственным недостатком страдал Таскаев – волокитчик и тягостел к объёмам трудов. Но из большого легче сделать малое, и Странников правил, не стесняясь, вычёркивал повторения, замысловатые выверты, философские измышления, кроил направо и налево. От этого писанина выигрывала, короткие фразы звучали строже и звонче, звали вперёд, мысли становились яснее, так как ответственный секретарь был приучен к краткости и определённости. «Да» и «нет» предпочитал «мне кажется» и занудному «мне представляется». За таким туманом никакой позиции и лица автора. Творения Таскаева после его обработки превращались в пламенные острые речи трибуна. А в этот раз? От опуса за версту несло вредительством!

С другой стороны, ну какой к чёрту Таскаев вредитель-оппозиционер? Простой дурак! Ему по глупости подсунули непроверенный материал, второпях состряпанный кем-то из подчинённых клерков, и он, зашиваясь, не вникнув, включил его в общий текст. Так могло быть. Если так?.. Если так, то всё достаточно просто – один осёл пошёл дорожкой другого с закрытыми зенками! Выпороть обоих и забыть как дурное недоразумение. Мало их было, недоумков, неумех и глупых писак! Скольких он выгнал сразу, лихо ораторствовавших, но не умевших слепить двух слов на бумаге! Аппаратчик – прежде всего бумаготворческая личность. Допустим, что здесь как раз такой вариант, тогда погнать Таскаева из вторых секретарей в какой-нибудь глухой район на перековку, поручить дохлое хозяйство или под чистку подвести?.. Под

чистку! Это будет выглядеть очень принципиально, и в крайкоме не посмеют заартачиться. У Таскаева, кажется, там и нет никого, чтобы глотку за него драл да смог защитить?..

Но если заведомо вредные идейки собраны умышленно и втиснуты не дураком, а кем-то со злой целью опорочить его, Станникова, то... Ведь это ему надо было читать такую мерзость на конференции!.. Потом никто уже не стал бы разбираться, кто автор, шкуру драли бы с того, кто с трибуны на весь зал вредные тезисы бросал, призывал против партии, против Сталина!..

От гнева секретаря перекошило, голова совсем пошла кругом. Он едва сдерживался. Однако артачилась и ещё билась холодная мысль, зачем это делать Таскаеву, который с первых дней носил за ним портфель на всех партийных кворумах, с его голоса пел и не мыслил ни шагу в сторону, а ведь были стычки! Таскаев всегда дрался за его установки и неуклонно отстаивал их. Вернее и преданней исполнителя не было.

Выходит, Таскаева самого подставили! Человека, к которому он испытывал полное доверие, использовали против него! Вот дела... Его даже прошиб холодный пот. Да тут пахнет настоящим антипартийным заговором! Подкопом под ответственного секретаря губкома!

Станникову вспомнились вдруг бессонные ночи и волнительные дни, когда в Москве решался вопрос о возможности его назначения. Вспомнились те величественные апартаменты, в которые он был приглашён, впервые попав в столицу. Вступив тогда на порог, переполненный гордостью, восторгом и другими романтическими чувствами, он был подавлен мрачностью и могильной тишиной, царившей вокруг него. Особенно давил на психику высокий и длинный коридор.

Стараясь бороться с подкатившей к сердцу волной необъяснимой тревоги и холода, не чувствуя за собой никаких провинностей, невольно он выговорил пришедшие на ум строки:

– Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...¹¹

Опередивший его провожатый не оборачивался и не умерял широкого шага, и он, озираясь, пустился его догонять, тщетно ещё надеясь встретить хоть какую живую душу. Пуст был коридор.

Робость не только смутила его, она сковывала движения и мысли. То, что приготовился высказать – заветное, главное, напрочь вылетело из головы, только нутро подсасывал страх, подавляющий волю, мешавший дышать полной грудью, и сомнения, мучившие его раньше, ожили и заметались в мозгу.

Не хватало воздуха – вот что остро почувствовал он.

Провожатый впереди, грохоча, печатал сапогами по паркету, Станников, боясь поскользнуться, едва поспевал за ним, всё время стараясь угодить в ногу. Не удавалось. Косясь на стены, он отмечал, что отсутствовали стулья и скамейки для посетителей. Ему рассказывали, что они исчезли, лишь появился рекомендованный Молотовым¹², новый заведующий организационно-распорядительным отделом ЦК партии Лазарь Каганович, еврей из многодетной бедной семьи сапожника с Украины.

Готовясь и стараясь не ударить в грязь лицом, Станников постарался разузнать о нём как можно больше и немало подивился. Грязные сплетни отмёл, но и того, что осталось, хватило, чтобы понять незаурядность этого политика.

Лазарь не любил людей, а их толпы ужасно боялся с малолетства, наслышавшись от матери о черносотенцах и страшных еврейских погромах. Потом, спустя много времени, встав

¹¹ Данте. «Божественная комедия».

¹² Молотов В.Н. (Скрябин) – партийный и государственный деятель, занимавший при Сталине высокие посты, с 1926 года член Политбюро, член Президиума ЦК партии большевиков.

сам у власти, научился, не гнушаясь и не мучаясь совестью, губить тысячи безвинных, взбираясь на трибуны, бросать оттуда призывы беспощадно уничтожать «врагов народа», как это было на той же Украине, куда он был послан Сталиным. И не делил их по нациям, русскими те были, евреями или украинцами.

Лазарь не умел говорить красиво как Троцкий или Киров, не любил втолковывать долго и нудно, как Ленин или Каменев, но короткими, ёмкими фразами научился зажигать массы; безграмотный, угадывал главное интуитивно и умел повести за собой.

В Гомеле, узнав об Октябрьском перевороте, он без лишних слов организовал большевиков и захватил власть, чем сразу заявил о себе. А потом, окунувшись с головой в революцию, мотался по всей стране, куда кидало руководство, всегда добиваясь своего, прослыл незаменимым исполнителем, пока судьба ни свела его с Молотовым. Этот человек и вывел его в верхние эшелоны партийной власти, помогая подниматься по головам недотёп и неумех, то есть по лестнице партийной иерархии.

Но идолом для Лазаря Молотов не стал. Кавказец Сталин, бывший боевик, грабитель банков, добывавший Ленину деньги для газет и других партийных нужд, жёсткий и решительный Коба завоевал его сердце и разум.

После того как Сталин оттеснил соперников и утвердился рядом с Лениным, Лазарь проникся к нему ещё большими чувствами и начал пробивать дорогу только к нему, невзирая на то, что кавказец недолюбливал евреев во власти и главным своим врагом считал Троцкого, хотя до поры до времени тщательно скрывал это.

Оказавшись, наконец, с помощью Молотова в одной команде со Сталиным, Лазарь сделал всё, чтобы бывший кумир без его согласия не принимал ни одного ответственного решения, и доверил ему ключи от самой тайной двери собственных кладовых – руководство всеми кадровыми вопросами в партии и в стране.

Именно в ту пору, перед назначением на пост ответственного секретаря губкома, Странников впервые и побывал в том коридоре, а потом в кабинете, увидел и услышал Лазаря воочию и блестяще прошёл чистилище.

Сталин, Молотов и Каганович как раз начали процесс очищения от старой гвардии партийцев; «от старых пердунов освобождаемся», – откровенно посмеивался Каганович в разговоре, имея в виду и затесавшихся во время великого переворота в ряды большевиков откровенных врагов – эсеров, эсдеков, кадетов, меньшевиков и прочих, и прочих, прилипших к победителям, как мелкая рыбёшка к большому хищнику. А вместе с этой нечистью Сталин очищался и от своих опасных соперников – от большевиков настоящих, мешающихся под ногами. Таких тоже хватало, к ним требовался особый подход и умение, которых Лазарю было не занимать, Кобу он понимал без слов, достаточно было пристального взгляда того на очередную жертву.

Отбирал Лазарь молодых и преданных, готовых беспрекословно выполнять любой приказ, идти вперёд за вождём, не сомневаясь и не оглядываясь в прошлое, а главное – не знавших о прошлом всей правды.

Молотов недолго маячил над Лазарем, стараясь контролировать и поправлять, помеху эту Каганович устранил скоро и по всем вопросам напрямую стал выходить лично на Сталина.

При той первой встрече Лазарь впечатлил Странникова. Могучее телосложение, высокий рост, густые волосы на лбу и борода свидетельствовали о недюжинном здоровье, не портил лица мясистый нос, нависающий над усами, а прозорливые миндалевидные глаза пронизывали насквозь. Неуютно чувствовал себя Странников под шилом этого взгляда, казалось, он как бабочку пришил к спинке стула, не давая шевельнуться, горло перехватывали спазмы, не скоро он освоился и начал внятно отвечать на вопросы. Но говорил, что думал, что накопилось, не таясь, и Лазарю понравился юркий кандидат. В конце разговора он твёрдо пожал ему руку и, благословляя на большие дела, в шутку или всерьёз пообещал заглянуть

при случае. Оказывается, моря он тоже никогда не видел, а о чудесной и здоровущей «красной рыбе», рождающейся из мизерной чёрной икры, впервые услышал от Кирова и долго не мог поверить.

Возвращаясь домой и трясясь в поезде, не в силах заснуть от впечатлений, Странников и сам дивился необычной судьбе этого человека, грубого, невежественного и почти безграмотного, сумевшего забраться так высоко во власть, и чем больше думал, тем сильнее им овладевали негодование и зависть, что он родился позже, что упустил время романтического и авантюрного периода революции, когда поступок, один миг могли решить и решали судьбу не только личности, а целого народа и огромной страны. Действительность, окружающая суэта в партийном аппарате в его глазах выглядели теперь мещанским стремлением переродившихся чинуш обставлять себя привилегиями, плести коварные интриги, заканчивающиеся нередко печально. Ему, начитанному, проницательному и вообще-то, как сам считал, интеллигентному человеку, всё это претило, он называл это «вознёй пауков в банке, поедавших друг друга». Но вступив в эту в шаткую лодку, несущуюся по мощной реке жизни, он понимал, что уже из неё не выберется, а если попытается, то свернёт шею, и, оказавшись на дне, не увидит ни одной протянутой руки, наоборот, услышит возгласы злорадства по поводу освободившегося места.

Так чего же философствовать впустую? – будоражили его новые мысли, пока всё получается, надо двигаться вперёд; удел гадалок дурачить сомневающихся, ему, ленинцу и марксисту, заказан путь в одном направлении... как пишется на плакатах – до самого того светлого дня!

...Паровоз медленно тянулся от станции к станции, безделье мучило и надоедало, снова и снова всё повторялось... Тогда и пришла на ум никчёмная историйка о бедном английском антикваре, безумно мечтавшем разбогатеть. Тот подумывал, а не закрыть ли ему лавку, не приносящую, кроме хлопот, никакого дохода, но заглянул однажды на огонёк слуга знаменитого лорда-миллионщика. Тот собрал все диковины мира, но как истинный фанатик мечтал о какой-то чудной штуковине в единственном экземпляре. Не задумываясь, антиквар преподнёс лорду в подарок редкую коллекцию своих марок, которой так дорожил, что никогда не выставлял на продажу. А на следующий день он был приглашён в апартаменты богатея, принят и вознаграждён по-царски.

Пожертвовав самым дорогим, антиквар скоро стал приятелем лорда и благодаря его помощи разбогател так, что всемирно прославился.

Лазарь, ломал голову Странников, марками не интересовался и про антиквариат вряд ли что-нибудь соображал, но страсть имел, и жажда власти грызла его душу!

Он вспомнил, как разгорелись глаза Лазаря во время его рассказов о чудной рыбе, что водится только на Каспии, о сказочном цветке лотосе, возвращающем мужскую силу и молодость, а женщинам – красоту. Конечно, вгорячах наплёл он много, даже про Хлебникова упомянул, но видно, некстати, добавил, что тот прославился стихами не только в Поволжье, а по всей России и стал прозываться Председателем земного шара.

– Сумасшедший! – махнул рукой Лазарь и рассмеялся.

– Нет. Поэт, – не смутился Странников. – Наш, пролетарский.

Но сам уже каялся, понимая, что не туда его занесло.

– С восторгом воспел революцию в своих стихах, – закончил без прежнего пафоса.

– Демьяна Бедного читай, – оборвал его Каганович. – Выступал со стишками перед солдатами в войсках. Те сразу в бой рвались. А этот?.. Прочесть что-нибудь можешь из его виршей?

Странников растерялся, напряг память, но ничего толкового не вспомнилось, с трудом выговорил первое пришедшее в голову:

– Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы.

И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на «ты»,
Да будет народ государем...¹³

И смолк, забыв дальше.

– А что? Правильно! – Лазарь даже кулаком по стулу пристукнул. – Пролетарский, наш стихоплёт! И подкован верно! Про бабу голую только зачем? Ты ему подскажи. А насчёт председательства земным шаром загнул. Народ – да, народ наш стал государем, ему помочь устоять, не свернуть в сторону под влиянием разной контры! Быть нашему народу государем всего мира, попомни моё слово. Ты, надеюсь, сам-то не сомневаешься? – И глянул пронзительно. – Время не тратишь на стишки? Рыбкой не увлекаешься?

– Что вы, товарищ Каганович! – смутился Странников.

– Как у вас там насчёт сомневающихся в наших победах?

– Из щелей пытаются укусить, – выпалил в горячке Странников, – Киров с Атарбековым в 1919 году чистку навели, опасных кончили, остались ошмётки.

– Ретивых усмирай сразу. И не раздумывай, – Лазарь зло сверкнул глазами. – Троцкисты затаились у нас под боком. С них глаз не спускай! Их вычистить из наших рядов непростая задача.

Этими наставлениями закончилась встреча, а Странников долго ещё перемалывал все детали и чуть ли не каждое слово Кагановича. Что запомнилось, записал в специально заведённой для себя тетрадке.

Месяц не прошёл, возникла надобность поездки в Москву, и Странников, загрузившись дарами Каспия, с замирающим сердцем отправился в путь. Знал, что самого Лазаря ему не застать, тот по поручению Сталина пребывал на Украине, Странников, тайно радуясь этому обстоятельству, нагрянул к его помощнику, а затем по совету того заглянул и на квартиру хозяйина. Мария, жена Кагановича, поначалу удивившись, разговорилась, подарки приняла, напояла чаем, и они расстались, довольные друг другом. С трепетом ждал он реакции Лазаря, но её не последовало; позвонил помощник, пожурил, чтобы впредь предупреждал о визитах, и объяснил, как быстрее найти его в аппарате. Странников ругал себя и радовался, что легко отделался, однако продолжение имело место. На одном из совещаний Каганович выступал перед активом секретарей. Странников рискнул и отправил ему записку с вопросом по теме, ответа не последовало, но помощник отыскал его и передал приглашение Лазаря навестить вечером.

Так между ними зародились новые отношения, близкие и доверительные, а дары Каспия Странников, уже не беспокоясь, переправлял поездом со знакомыми непосредственно помощнику. У Лазаря на квартире почти не бывал, пока тот сам не позвонил, предложив зайти. Странников в это время жил в гостинице, командировка завершалась, и от привезённых сувениров почти ничего не осталось, но он запихнул в портфель всё, чем был ещё богат, и помчался на встречу, не чуя под собой ног. Лазарь накрыл стол скромно, но на столе сиял коньяк...

Со временем Странников понял, что при всех его стараниях и даже помощи Лазаря до Сталина из медвежьего угла на Каспии ему не дотянуться. Организовав в 1923 году себе выборы в генеральные секретари партии, тот совсем отдалился, окружил себя невиданной охраной преданных волкодавов из ГПУ, создал тайный кабинет избранных и практически стал недоступен. Везде ему мерещились враги и предатели.

Странникова пока устраивала должность в отдалённой губернии, он продолжал оставаться в партийной обойме на выдвижение, был полновластным хозяином у себя, но постепенно транжирил высокие амбиции, топя разочарование и тоску в спиртном, в женщинах и в боях местного значения с нарождающимися как грибы высокочками. Опасных врагов и конку-

¹³ В. Хлебников. «Творения», сборник произведений.

рентов хватало, политические отщепенцы сюсюкались по углам. Трубкин, местный начальник ГПУ, портил показатели, постепенно спиваясь.

Странников всеми возможностями удерживал отношения с Кагановичем, скрывал их даже от жены и следил за каждым успехом или неудачей Лазаря, переживая больше, чем за себя.

Лазарь не гнушался им, не отталкивал, он умел ценить преданность и старался отвечать отеческим вниманием, а порой и дельными советами.

Из всей пятёрки, тесно окружавшей Сталина, получившей негласное наименование его «тайного кабинета» – Орджоникидзе, Киров, Ворошилов, Молотов и Каганович, Лазарь был ближе всех к вождю, и Странникову представлялось, что связь его с фаворитом тоже надёжная. Следовательно, умилялся он, ставка его сделана верно.

Однако время шло, и Лазарь менялся. Заметно стало даже по внешнему виду. Поредели волосы на голове, Каганович сбрил бороду, оставив усы, располнел и вместо френча и сапог облачился в светлый просторный костюм зарубежного производства; бросив курить папиросы, он завёл сначала трубку, такую же короткую, как у вождя, и пускал дым в лицо ближайшему собеседнику, не смущаясь, а подозрительно прищуриваясь.

Странников давно сделал для себя выводы, что Сталин не был антисемитом. Ненавидя Троцкого, понимал, что рядом с ним должны быть «свои евреи», и отдавал явное предпочтение Кагановичу, который тоже выработал для себя особую тактику поведения. Если запанибратскими отношениями с любимцем партии Кировым Лазарь откровенно бравировал, с Орджоникидзе обнимался, а Молотова похлопывал по плечу, то Микояну свысока подавал руку, а Никиту Хрущёва, хотя тот и следовал за ним неустанно по должностной лестнице, держал как щенка на поводке. И эти лица ценили его, признавали превосходство, не замышляли каверз и интриг. Лазарь мгновенно чувствовал, откуда дует ветер, и мог нанести упреждающий удар такой силы, что любому бы не поздоровилось.

Лишь с Ворошиловым у них был особый стиль общения. Климент Ефремович под Царицыном бывал в критических военных передрыгах с Кобой, нанюхались вместе с порохом славы и горечи поражений. После смерти Ленина, не сговариваясь, ненужное и позорное в истории партии принялись затирать. Лазарь об этом знал, но виду не подавал, с Ворошиловым держался строго в официальных рамках, не позволял себе расшаркиваться перед ним, как другие, и тем более лебезить.

Кроме Троцкого, ещё двое держали дистанцию против этого «кабинета»: Каменев и Зиновьев. Сложилось это противостояние издавна, ещё при Ленине, но известный миротворец пытался сдерживать хотя бы в высших эшелонах откровенные стычки и драки, сглаживал, как мог, неприязненную полемику по партийным разногласиям. «Ему так мечталось создать единую и неделимую... подчиняющуюся одному вожаку могучую стаю... однако не сбылись мечты великого романтика и фантазёра, не удалось сгондобить и видимость дружбы. Он сам не раз вступал в драчки с обоими безголовыми жидами... – делился Лазарь со Странниковым в минуты особых откровений. – Этим вшивым теоретикам, Каменеву и Зиновьеву, представлялось, что они смотрят дальше всех... Вскочки, каких поискать!»

Консолидируя усилия, постепенно Каменев и Зиновьев, один в Москве, второй в Ленинграде, сформировали вокруг себя серьёзную оппозицию Сталину, обвиняя его главным образом в узурпаторстве власти и неправильном курсе партии вопреки заветам Ленина. Тихо, не афишируя особо, незаметно к ним примкнула Крупская, затаившая обиду на Кобу. Крупская ненавидела его, имея на то серьёзные основания. Незадолго до смерти вождя Коба её грубо оскорбил, да так, что умиравший потребовал от Сталина незамедлительных извинений, угрожая не подать руки. Коба скрепя сердце попросил прощения, но Крупская на съезде во всеуслышание заявила о пресловутой тяге Кобы к диктатуре вопреки ленинскому завету о коллективном разрешении главных партийных вопросов. Крупскую освистали, но шум пошёл,

и её вызвали на заседание «кабинета», где Лазарь дал ей укорот, напомнив, что Ленину она не жена, а лишь партийная подруга, которых у того было множество – Стасова¹⁴, Арманд¹⁵ и даже Землячка¹⁶, поэтому без проблем она может быть заменена партией. Для Крупской этого намека было достаточно, чтобы впредь замолчать с разоблачениями, она прекрасно понимала, что устами Лазаря говорит Коба.

Странников замечал, как метался между теми и другими молодой Бухарин, не забывший, что сам Ленин питал к нему симпатии, порой тот бузотёрил, пописывал фрондерские статейки, будоража юные умы, но реальной опасности не представлял. Стоило Кобе пригрозить пальцем, легкомысленный проказник забирался под лавку и поджимал хвост.

Внимательно следя за интригами в высшем эшелоне партийной власти, Странников всё больше и больше задумывался. Заметные кризисные катаклизмы, противостояние Сталина и Троцкого должны были однажды завершиться грандиозной сварой. Пока чаша клонилась в пользу Сталина, фактически руководившего партией посредством «кабинета» и чёткого, цепкого его аппарата. Троцкий, Каменев и Зиновьев представлялись чужеродными осколками, про Зиновьева откровенно говорили – начнись какая заварушка, он первым перебежит на сторону посильней, а Лев Давидович постепенно утрачивал одну позицию за другой. Напряжение нарастало.

...История с собственным докладом на предстоящей конференции, всё больше и больше нервничал Странников, – звенья одной цепи, только местного масштаба. Трубкин в ГПУ утратил нюх, а троцкисты, свив гнездо у него под носом, а может быть и в самом губкоме, активизировали замыслы и осмелелись действовать открыто! Взять хотя бы такой фортель: конференция, как обычно, заранее назначена на вторник, наступила суббота, там и воскресенье на носу, а по всему городу развешаны, расклеены, бьют в глаза обывателям вместо боевых лозунгов и плакатов пёстрые никчёмные афишки:

Открытие бегов и скачек! Спешите все!

В перерыве новая

музыкально-художественная клоунада!

«На злобу дня!»

Бега в воскресенье. То есть завтра. Зная его страсть к бегам, кто-то беспроницательно считал, что в субботу второпях он не вчитается в содержание из-за позднего представления доклада или совсем махнёт на него рукой – раньше-то пролетало; в воскресенье, конечно, будет не до этого из-за бегов и скачек, а в понедельник, естественное дело, после такого веселья и балагана – ни к чему не годная голова, поэтому во вторник доклад реально проскакивает в таком виде, как изготовлен. А это чудовищный провал! Будут из крайкома, пресса! Вот он, конец карьеры, если не хуже...

Ему вспомнилось выступление Сталина на одном из последних активов московской партийной организации о работе очередного пленума ЦК и ЦКК. Мелькало во всех газетах. Как обычно, вождь говорил о максимальной бдительности. Кругом враги. Нельзя расслабляться ни на секунду. Расслабившиеся превращаются в зевак и сами становятся врагами. Им нет никакой

¹⁴ Елена Стасова (1873–1966) – член партии с 1898 г., агент «Искры», в 1917–1920 гг. – секретарь ЦК партии, работала в Коминтерне.

¹⁵ Инесса Арманд (1874–1920) – член партии с 1904 г., с 1918 г. – зав. Женсоветом ЦК, член ВЦИК, руководила в 1920 г. 1-й Международной женской конференцией.

¹⁶ Розалия Землячка (Залкинд) (1876–1947) – член партии с 1896 г., агент «Искры», участница Октябрьской революции, видный партийный и государственный деятель во времена Сталина.

пощады! Если твой партийный товарищ забылся, дай знать. Не можешь – сообщи другим способом, напиши! Так ты спасёшь партию. Тогда он не особенно придал значения новым тезисам, прозвучавшим вполне недвусмысленно. А ведь теперь они касаются прежде всего его!

В дверь настойчиво постучали, секретарша бы так не решилась, ну а уж Мейнц с Распятовым и подавно. Кто бы это мог быть? Странников поднялся, привёл себя в надлежащий вид, с пепельницей в руках подошёл к окну, распахнул его. Свежий воздух ворвался в кабинет, ударил в лицо, разбросал бумаги на столе, посыпались на пол и окурки.

– Войдите! – обернулся он.

На пороге с горькой укоризной в лице обмахивался шляпой Задов. Слов он не говорил. Всё было написано на его исстрадавшейся физиономии.

– Пробился? – поморщился Странников, но тёплое чувство к товарищу взяло верх, внутри словно что-то шелохнулось, он приободрился, сочувствие, так и лившееся из глаз приятеля, смягчило душу, откатила тревога.

– Артисты шумною толпой... – начал тихо и торжественно Задов, пританцовывая и помахивая шляпой, – препоны тяжкие прорвали и, в ноги ваши преклоняясь, молят единственное – выслушать без гнева.

– Садись, артист, – кивнул ему Странников на диван. – С гранатой шёл, как матрос Железняк?

– С улыбкой, – обнял его Задов, похлопал по плечу. – Что, затянулся субботний вечерок? А город гуляет. Произошло трагическое?

– Сволочи!

– Однако? Что я слышу из уст ответственного секретаря?

– Сволочи затесались!

– Ну, этим не удивить. Я тебе, Васенька, давно твержу. Гони ты их!..

– Кого?

– Каждого третьего – не ошибёшься.

– Не знаю, не знаю, дорогой...

– Это уже плохо. Я как-то с одним еврейчиком разговорился, врачом, так он мне шептал, что каждый второй комсомолец сифилисом заражён.

А молодых партийцев после смерти Ильича вы чохом принимали. Надо было бы медкомиссию сообразить, – и он расхохотался. – Ты разреши мне присесть. Там, у дверей, кроме твоей Наташки давно нет никого, но устал я, ей-богу, её упрашивать. Не пушала. Говорит, очень сердит. Да вели чаю подать. Ссохлось всё внутри. Я ведь до тебя у Таскаева сидел с полчаса. Тот совсем угнетён и раздавлен. Это ты его так? Я ему про чай, а он дрожит, как мой Мираж перед стартом! Чем так напугал? Сыграл роль призрака датского короля?

– Таскаев разяву сотворил!.. – Странников распорядился насчёт чая, залпом выпил первым, не разобравшись, горяч ли, с сахаром или без. Потянулся за вторым, но Задов свой стакан успел прижать к груди.

– Может, шкафчик откроем? – посочувствовал артист и кивнул на шкаф. – Я бы не прочь коньячку. Какие теперь серьёзные дела могут быть?

– Хозяйничай, – без энтузиазма согласился Странников, – только по маленькой.

– «По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей», – пропел Задов, – дверь-то прикрыть на ключ?

– Сегодня никто не осмелится.

Они выпили и сразу повторили.

Задов скинул плащ, аккуратно пристроил на шкаф шляпу, вздыхая, растянулся на диване:

– Ну и денёчек мне достался. Извини, столько перенёс, пока до тебя добирался. Пытал, пытал Таскаева, но он мне так и ни слова. Больше от Распятова и Мейнца выведал. Голов не отрывают, строчат. Накрутил ты им хвосты. Что с докладом? Действительно всё так плохо?

– Что они тебе напели?

– Немногословны. Сегодня, мол, всё и поправят. Они уже прибежали с проектами, но ты был не в духе. Наташа не пустила. Рвались советоваться.

Как-то незаметно из кармана собственного плаща Задов вытащил вторую бутылку. Странников пробовал возражать, попытка не удалась, Задов заговорил о своём Мираже, а за него не выпить – горько обидеть хозяина. Выпили.

Прошлогодние бега, завершавшие сезон, к несчастью, оказались безрадостными для ответственного секретаря, а Задов на Мираже, заработав главный приз, сбил большой куш. В конюшне они отметили победу с загонщиками, и, как обычно, заспорили. Зорька, которой управлял Странников, оступилась на самом финише, и секретарь обвинил во всём Артёмыча – не проследил как следует за лошадыю; слово за слово, загонщику досталось по зубам, тот не стерпел, и Задов едва растащил опьяневших драчунов. Всё бы ладно, что на бегах между мужиками не случается? Но нашлась гадюка, рассвистела о драке, полетели сплетни одна другой краше. Ответственный секретарь сделал выводы, заявив артисту, что с бегами закончит окончательно и бесповоротно.

– Садись на моего Миража, – уговаривал Задов. – Приз твой!

– Сказал – отрубил. Теперь навеки, – отвернулся к окну секретарь, лицо чернее тучи.

– Ну будешь за меня болеть, – подтолкнул его локтем приятель. – Слово надо держать, а поэтому собирайся, нам поспешать надо.

– Куда? Я сегодня задержусь. Пока доклад ни принесут, я из губкома ни ногой.

– погоди, а слово? Забыл про сегодняшний вечер? Тебя, мой друг, совсем заколобродило от доклада. Как было приказано, я банкет организовал в театре по случаю открытия сезона. Тесная компания. Ты не участвуешь в бегах, значит, приз мне добывать, вот и отметим открытие сезона. Пригласил всех наших, Турина не забыл, с Оленькой увидятся наконец. Этот... зампрокурора Глазкин очень хотел тебя видеть, у него поездка в столицу намечается, чуть в ноги не кланялся, с невестой припрётся. Им надо с тобой о чём-то переговорить. Ну и остальные приличные люди...

– Что ж ты мне не напомнил?

– Так твой приказ! – Задов обнял застывшего в задумчивости приятеля. – Без тебя всё развалится. А ты не понял, зачем я к тебе так настырно пробивался? Чувал, что какая-нибудь петрушка тебя закрутит. Да брось ты всё! В понедельник ещё целый день. Вывернешь всем кишки, докопаешься.

Аргументы были весомы, Странников махнул рукой, и друзья направились к двери.

IX

Наверху тихо играли Грига.

Музыка лилась из приоткрытого окна второго этажа, где царил полумрак. «В банкетном зале кто-то уединился. Ишь народец, ни культурки, ни терпезу! Жрут, наверное, шампанское и нас костерят», – пробежав по окнам намётанным глазом издали, определился Задов, но Странникову ни слова, а ближе подошли, выросшего перед ними швейцара пожурил сердито:

– Я же предупреждал, Самсоныч, чтобы инкогнито!

– Инкогнито – не инкогнито, а все давно собрались, Иваныч. Некоторые заявили и без приглашений, – ворчливо пожаловался высокий худой жердь в несвежем цилиндре на затылке. – Только и спрашивают, будет ли Василий Петрович? Ждут-с только их.

– Дамы?

– Этих хватает. Госпожа Венокурова собственной персоной. И с собой привела какую-то лярву, прости меня Господи...

– Отменная дисциплина! – заглушая, перебил недотёпу артист и затеребил секретаря. – Вот видите, Василий Петрович! А вы упирались! – Он пробовал подальше отпихнуть швейцара, путавшего ему карты излишней болтливостью, пропустил вперёд себя Странникова. – Что бы я делал без вас?

– Водку б кушал, – хмуро бросил тот, прекрасно слышавший весь диалог, а кроме того, вынужденный застрять в дверях.

Переусердствовав, Самсоныч низко поклонился, и котелок без удержу скатился с его лысой головы под ноги секретарю губкома; нагнувшись и шаря в потёмках – фонарей велено было не зажигать, – швейцар перекрыл весь проход собой, как шлагбаумом, и не выпрямился, пока сообразительный Задов не сунул ему кулак в бок. Тот крикнул и тут же встал столбом.

– Менять тебя надо, старый хрыч! – Задов от злости чуть не вцепился зубами в его волосатое ухо. – Плохая примета, осёл! Учишь, учишь вас, а всё прахом!

Прямо за порогом к Странникову бросились три полуобнажённые девицы в белых, почти прозрачных хитонах на греческий лад. Старшая, прима-актриса, вручила букет цветов, чмокнула в обе щеки и повисла на правой его руке. Дублёрша помоложе что-то игриво прошептала в ушко, томно прижавшись грудью, и завладела его левой рукой. А свеженькой, совсем из молоденьких и запоздавшей от кротости, достался его длинноватый, но благородный нос, куда она пухленькими губами и запечатлела свой знак почтения. Это прикосновение особенно очаровало секретаря и ещё долго потом чесалось, напоминая о невинном создании.

Однако Задов быстро и бесцеремонно разрушил пастораль и высвободил гостя из цепких женских объятий. Он поспешил подхватить его под локоть и попытался увлечь в фойе, так как узрел неподалёку более опасную угрозу. С трепетом прижавшись друг к дружке, поджидали своей очереди сёстры Венокуровы, больше напоминающие млеющих от чувств лесбиянок. Поговаривали, что они обе увлекались кокаином, но, видимо, шло это больше от злых языков.

Брюнетка, Катерина Сергеевна, строго надломив дуги бровей, с трагическим укором обмахивала веером пылающую физиономию. Она была слегка выпивши, и с трудом скрываемый гнев съедал естественную бледность лица вместе со слоем пудры. Блондинка Стефания, наоборот, млела в неистовом восторге, но выглядела пьяней. Возможно, это внутренняя страсть поедала её, мешая стоять неподвижно, и она раскачивалась в прозрачной тунике небесного цвета, давно уже готовая парить, парить, парить...

– Ты что же затеял, старый сводник? – склонился к Задову Странников. – Похоже, они собираются устроить мне балет? Я не вынесу, да и удержат ли столы? Тащи уж тогда всех их на сцену. Устроим бега перед завтрашним открытием сезона.

– В банкетный зал, господа! – не отвечая и строя загадочные гримасы, увлекал за собой наверх по лестнице Задов. – В банкетный зал! Мы все сгорая от нетерпения, нас ждёт великолепное представление!

– Вот прохвост! Хотя бы предупредил! – ругался секретарь, едва поспевая за артистом. – Твердил о бегах, а устроил бабьи скачки! – Изловчившись, он успел всё-таки ухватить Задова за полу пиджака. – Моя тоже в общей упряжке танцорок? – спросил он. – К чему потеха? Катерина, старая кляча, может грохнуться. Не стоит её добивать, Григорий. И вообще, почему она здесь? Мы же договорились совсем о другом!

– Ваша проникла чуть ли не тайком, – оправдывался Задов, весь в протрации и экстазе. – Мне ничего не известно, кроме того, что ревность не знает ни преград, ни запоров. Но бенефис Стефании! Младшенькой! Как вы её находите, кстати?

– Разденется, поглядим. – Секретарь пребывал не в духе, он даже полез было за папиросами, выражая явное недовольство приятелю. – Чёрт-те знает что! Ты забыл напомнить швей-

цару, чтоб обнесли по маленькой у дверей! Все на взводе, едва видят друг друга, а мы ни в одном глазу!.. Да, наверху у тебя что?

– Что? – беспечно переспросил артист.

– Бедлам! Не слышишь рояля?

В банкетном зале наверху, куда призывал всех Задов, по-прежнему всё ещё страдал рояль по Григу.

– Это сюрприз, но вы посмотрите сюда, – нацеливал Задов секретаря на Стефанию, она явно ему приглянулась. – Какое у неё имя? Как это прекрасно! Стефания – это же венец всему! Я сейчас её вам представлю. Она вся порхает, я боюсь, её подхватит кто-нибудь глазастенький, и она улетит.

Задов попытался в общей суете подманить блондинку, они уже переглядывались, и он помахивал ей ладошкой, подзывая, но за младшенькой двинулась старшая.

– Пропали! – сник Странников; от брошенных поклонниц опытный ловелас не терпел намёков на какие-либо объяснения. Не зная, куда деваться, он вдруг приметил Турина, скромно подпиравшего стойку вместе с курносенькой девицей, и попытался присоединиться к ним, но, словно каменный гость, из полумрака фойе перед ним возник заместитель губернского прокурора. И секретарь обрадовался Глазкину, вцепился в него обеими руками, будто в драгоценного родственника.

– Павел Тимофеевич, и вы здесь! А мне брехал кто-то, что в Москву собирались? – выпалил он первое пришедшее на ум.

– В понедельник, – произнёс тот без радости. – На неделю.

– Что ж? Учёба? Совещание?

Тот отрицательно покачал головой.

– Неужели новое назначение?

– Всё может быть...

– Так это же славно! Это отметить надо! – загорелся секретарь и поискал Задова, но тот уже оживлённо беседовал со Стефанией, бесстрашно оттирая старшую сестру.

Прокурор же производил странное впечатление: отвечал коротко и невпопад, то и дело оглядывался, явно кого-то поджидая. Казалось, для этого он сторожил Странникова и, ухватив обе его руки, не собирался отпускать. Но взгляд его то и дело устремлялся наверх к банкетному залу.

«Что за чертовщина! – постепенно накалялся гневом Странников. – Что за вечер сегодня? Сплошные недоразумения! Кажись, этот олух свою невесту где-то потерял, а собирався её со мной свести? Плутовка от него сбежала и забавляется наверху? Но с кем же?»

И действительно, словно прослышав про его догадку либо по какому другому знаку, грустная музыка наверху резко оборвалась, раздался стук упавшего на паркет стула, и вниз по лестнице, прыгая через несколько ступенек, пронеслось женское создание в белом.

– Осторожно! – расступились все.

– Осторожно! – испугался и Странников, вырвался от Глазкина и раскрыл объятия, ибо безумное существо несло прямо на него.

– Ах! – замер зал и все на лестнице. Странников зажмурил глаза, приготовившись к неизбежному столкновению. Но волновались зря: девица удачно рассчитала траекторию пируэта и пушилкой упала ему на грудь.

Сцена впечатлила и поразила. Всё затихло. Забылись дерзость, внезапность, испуг, никто не подумал о нахальстве, всех поразили расчёт, интрига, а главное – удивительный финал. Слетевшая птицей с лестницы девица была пластична и легка, Странников даже не качнулся, её рука между тем обвила его шею, и лёгкие волосы разметались на груди. Нежный поцелуй в щёку не смутил секретаря, повидавшего многое и пережившего не такое.

Если бы окружающие не знали обоих, не видели, что рядом улыбался жених, можно было бы подумать о разном. Но не успели нечистые мыслишки зародиться в самых испорченных мозгах, как Задов пробасил с лицом ликующего режиссёра:

– Вот и свершилось! Вот и явилась к нам долгожданная прима-балерина. – Он схватил девицу за руку и, поцеловав, упал на колено. – Павлине гип-гип-ура! Ура! Ура!

И зал мужскими голосами трижды повторил за ним эти возгласы, впрочем, ничего совершенно не понимая.

А артист продолжал:

– Господа! Поздравляю всех с рождением новой актрисы! Как я уговаривал её! Как я ходил за ней по пятам, клянча и унижаясь! Но этот жестокий страж!.. – Задов ткнул пальцем в грудь прокурора. – Этот жестокий тиран был против! Любуйся, публика, и трепещи! Какой талант едва не был зарыт в землю!

Странников озирался, не совсем уютно чувствуя себя в уготовленной ему роли, и бросал колкие взгляды на приятеля. Глазкин пыжился, вздымая грудь, и как ни в чём не бывало улыбался обрушившимся со всех сторон аплодисментам. Счастьем пылало и лицо Павлины. А ещё через мгновение все бросились в банкетный зал наполнять бокалы брызжущим в потолок шампанским. Никто и не заметил в этой толчее у рояля успевшего прикрыться тяжёлой портьерой нового военного комиссара, недавно сменившего старика Соскина. Никто, кроме позже всех поднявшегося в банкетный зал начальника губрозыска Турина. Но кому до него было дело, ведь круг ликующих расступился и воцарила Стефания. Страстно вскидывая в танце белые ноги из-под туники небесного цвета, она завладела жадными взорами всех.

Х

Странникова, конечно, не привлекали шампанское и вся эта сумасшедшая эйфория вокруг начавшегося необычного, на его взгляд, танца, хотя взлетали с шумом пробки под потолок и ароматная пена лилась рекой. Он поставил цель не упустить из виду режиссёра всего этого, проворного Задова, желая добиться от него объяснений по многим накопившимся вопросам. Однако, приметив водку в центре стола, потянулся к ней – горло его давно пересохло от приветственных речей, дискуссий и лобзаний. Но чья-то услужливая и твёрдая рука протягивала ему уже наполненную рюмку.

– Добрый вечер, Василий Петрович, – смущённо произнёс Турин, – мы так и не смогли пообщаться. Здесь такая суета. А это моя Вероника. – И он слегка подтолкнул вперёд зардевшуюся курносенькую.

– Очень приятно. Как вам у нас? С непривычки, наверное, не по себе? – Он опрокинул рюмку и потянулся к селёдке, с утра после истории с докладом ему и мысли не приходили о еде, а теперь всё нутро зыграло, требуя насыщения.

– Я в этих танцах, тем более таких, откровенно признаться, не понимаю ни бельмеса, – начал и запнулся Турин, подымая рюмку. – Вот, может, Вероника?

– Все мы обязаны американцам, – бесцеремонно, как на партийном собрании, вступилась та, но под пристальным взглядом секретаря покраснела и вслед за Туриним пригубила водку, лизнув кусочек лимона. Лимон её вдохновил, и она закончила смелее: – Однако я не нахожу их вульгарными, как некоторые. Многое зависит от артиста, если танцор вполне морально подкован...

Турин незаметно подтолкнул её, и она запнулась.

– Мы все так считаем, – откуда-то донёсся голос Задова, и тут же появился он сам. – Анатолий Васильевич Луначарский, уже будучи наркомом просвещения, не испугался пригласить в революционную Россию великую актрису зажечь огонь культуры в сердцах и душах молодых.

– Ну, понесло агитатора, – подмигнул Странников Турину, чтобы тот не забывал наполнять рюмки, казавшиеся ему слишком маленькими среди большого количества бутылок на столе. – Его теперь не остановить.

– Сам Станиславский чуть не влюбился в неё, едва увидев! – продолжал рассыпать восторги Задов.

– О ком вы? – широко раскрыла глаза Вероника, следя за танцем неистовой Стефании.

– О великой Айседоре Дункан, конечно, – проследил за ней Задов. – А ведь нашей Стефании, которой вы сейчас любуетесь, ещё девочкой посчастливилось брать у неё уроки. Тогда Айседора открыла свою школу и некоторое время преподавала технику танца всем желающим девушкам и детям.

– Но почему на ней туника? Это же греческая одежда, а Дункан с другого континента?

– Красота, милая Вероника. Здесь царит красота! Простите, но вы женщина, а нас, мужчин, шокирует откровенный эрос, прозрачность лёгких покровов, за которыми подозреваешь чудесные тела и ножки, бёдра, грудь! Взлетающие, зовущие и недостижимые!

– Прервись, циничный старикашка! – оборвал его Странников. – Дай людям самим постичь суть бытия и прелесть наслаждения. Кстати, плесни-ка в наши рюмочки, моё горло пересыхает, лишь водка пролетает через него.

Он выпил, не дожидаясь остальных, и, оглядев хмурым взглядом, заметил:

– Видел я твою американку в Кремле. И её первое выступление перед толпами поклонников. Собралось их великое множество. Знатные, между прочим, люди. Персоны!.. Должен заметить, не всех она очаровала, как ты расписываешь. Бульварными прыжками испуганной антилопы назвал кто-то её арт-танцульки.

– Московская публика известна своими холодными приёмами, – возразил артист. – Но Есенин именно после того выступления влюбился в неё с первого взгляда, а Станиславский...

– Стар твой Станиславский! – бесцеремонно перебил его Странников. – Поэтому млел пред молодостью и красотой. По столице долго сплетня ходила: жена изблещила его в привязанности к танцовке и пошутила, что та мечтает записать его в очередь своих престарелых женихов. Он тут же дал дёру.

Вероника расхохоталась, Турин тактично отвернулся.

– А волна-то покатилась по России! – Задов наслаждался делящимся представлением, не отводя глаз от Стефании. – Наши передовые женщины, последовательницы чудесного танца, уже посредством женсоветов вовлекают в искусство молодые дарования. Мы не прочь приспособить наш зимний театр, взялась бы за это Катерина Сергеевна Венокурова...

Произнеся это имя, Задов опомнился и едва не поперхнулся, но Странников плохо слушал его, поедая селёдку, и никоим образом не отреагировал.

– Впрочем, Зимний театр наш не годится, – затараторил вдохновлённый артист. – Мы со Стефанией посягнём на Аркадию. Летний театр будет как раз. Там столько помещений! Я верю, и вы, Василий Петрович, проникнетесь нашим проектом, приложите руку к возрождению танца на астраханской земле!

А танцовщица действительно сотворила чудо. Она заканчивала, и общему ликованию, казалось, не будет предела. Задов рванулся было к героине, но жёсткая рука ухватила его за воротник, и знакомый голос произнёс над самым ухом:

– Нет, задержись и ответь, несносный фигляр, что всё это значит?

– Давайте сначала выпьем за удавшийся праздник! За нашу бенефистку! – попробовал вывернуться Задов. – Вы можете гордиться, Василий Петрович! Это первая ласточка, с которой возродится наш новый театр. Как знать? А вдруг посчастливится затмить славу самого Ласкала! Мы на пороге этого! Дожить бы до великих дней!

– Но ты-то уж точно не доживёшь. – Прощаясь с Туровым и его подружкой, Странников аккуратно, но настойчиво поволок приятеля от стола в тёмный уголок, где грустил рояль.

– Кончай, наконец, свой трёп! – едва сдерживался секретарь, когда они остались одни, и хлопнул кулаком по крышке инструмента. – Объясни мне, зачем ты снова связался с хитроумной еврейкой и её женихастым прокурором? Ну про прыгающую наркоманку я вроде уяснил. Тут у тебя свой интерес появился. А Глазкин со своей кикиморой зачем понадобились? Какую аферу ты вновь задумал?

– Василий Петрович, помилуйте, я вам всё сейчас объясню, – залепетал артист.

– Что им в этот раз понадобилось от меня и с какого боку прицепился ты? – не унимался секретарь. – Сказать по правде, не ожидал я от тебя такого выкрутаса! Преображаешься на глазах, Гриша. Мы – приятели, но ты порой злоупотребляешь моим терпением. Я креплюсь, креплюсь, но!..

– Прости! – обнял Странникова актёр, минута, и, казалось, он зарыдает. – И не вини своего старого товарища. Послушай только, в какую трясину их засосала судьба! Ах, господи! Ты знаешь, почему они тянут со свадьбой?

– Мне б их заботы! – сплюнул Странников с досады.

– Не протянуть им руки сейчас – большой грех. А ты меня знаешь, Василий. У меня тонкая натура. Я не прощу себе, если пройду мимо. Умирать буду, но!..

– Не стони! – оборвал его секретарь. – Говори толком. Знакомы мне твои фортеля. Задумал всё, когда ещё утром в губком припёрся?

– Что ты! Что ты! Совсем меня с дерьмом равняешь! Чем я так провинился?

– Да ладно уж. Говори! – Странников раскрыл портсигар и закурил. – И поспеши, не то слетит сюда опять вся твоя мошкара, облепит, рта не раскроешь.

– Глазкин едет в Москву! – выпалил тот.

– Слышал уже.

– Но его никто не вызывал.

– Вот это уже интересно.

– И никакого назначения на высшую должность ему не светит.

– Постой! Об этом конкретного разговора не было. Он что-то проямлил, не то за назначением едет, не то... Одним словом, не уловил я.

– С тобой такого разговора не было, – твёрдо отчеканил Задов, – это верно.

– Значит, будет?

– Враньё! – Задов преобразался на глазах. – Наоборот. Арёл, губернский прокурор, собирается возбудить против него уголовное дело.

– Дело? Против своего заместителя!

– И хочет взять его под стражу.

– За какие коврижки?

– За взятку. Поймал Арёл Глазкина с поличным.

– Вот как!.. Ну что ж, может, и поделом. Предчувствовал я, что этим закончатся фокусы прокуроришки. Свести меня просил с рыбопромышленником Стрельцовым. Трясти его к свадьбе собирался. Наглец, каких поискать! – Странников в охватившей злобе, не помня себя, застучал кулаком по роялю.

– Тише, Василий Петрович! Тише, прошу тебя, успокойся, – нагнулся над ним Задов. – Уйми гордыню и гнев.

– Когда его сватали к нам из другой области в заместители, – твердил секретарь, не реагируя, – он враз мне не понравился. Глазки так и бегают, а он их прячет. Жуликоват.

– Ну теперь-то что об этом говорить, Васенька, – ухватил за руки совсем разгневанного секретаря Задов и даже опустил перед ним на колени. – Теперь он наш. Давно. Свой. Негоже своего в пасть бросать чужим наймитам. Арёл как заявился, так свои порядки начал устанавливать, земляков к себе переманивать. А тем что надо? Работать?.. С преступностью бороться?.. Все, как один, стали крохоборством заниматься, своих людишек везде расставлять да карманы

набивать, а наших в шею. Подумать только, со своих же взятки берут при устройстве на работу в прокуратуру, да ещё посмеиваются – отработаешь, мол, если голова на плечах, а не шляпа. Бывало когда такое?... Вот наш Павел Тимофеевич и попал в число первых. Подожди, будет и продолжение. Если Глазкина отдадим, судилище учинят, и нам конец не за горами. Помяни моё слово.

– Тяжко тебя слушать...

– Арёл-то уже и на тебя замахивался тайком.

– На меня?

– А ты спроси Павла Тимофеевича, он тебе такого про Арла расскажет!.. Специально, паразит, заманил Глазкина в ловушку, нэпмана ему подсунил с деньжатами. И были бы деньги большие! Мелочёвка! А тому к свадьбе – приправа, вот и клюнул.

– Дела...

– С наших начал, – уже возмущался, а не умолял Задов. – Поэтому Павел Тимофеевич и мчится в Москву, хочет опередить Арла. Есть у него там свои людишки, только без вашего, Василий Петрович, звоночка куда следует не обойтись.

Странников молчал, сжав губы, сочувствие или сожаление на его лице уловить было трудно. Зубы поскрипывали, да голову опустил секретарь.

– Разве я тебя просил когда? – затянул плаксивым тоном Задов. – Сделай милость, Василий Петрович... Что для тебя один звонок? Я, как узнал, и про бега забыл думать. Мигом всё расстроилось. Все планы. Это здесь я козлом скакал, веселился... Трагическую, можно сказать, роль играл.

– Расстроился, говоришь? – Странников закурил папироску. – А признайся, сукин сын, ее прыжок мне на грудь не ты организовал? Твои штучки!

Заметив друзей, направился к ним Турин, но секретарь дал ему короткую отмашку, мол, возвратимся к столу скоро, не беспокойся.

– Вот и у Турина, наверное, дело ко мне, – поморщился он, – тоже что-то сказать желает или попросить. Всем я нужен.

– Да какие у него дела, – хлюпал Задов носом. – У него радость со всех сторон. Он вон на новой машине с кралей прикатил. Сам за рулём... А вручил, между прочим, ему её ты...

– Объезжает! – ухмыльнулся секретарь.

– Моей Оленькой побрезговал, легавый!

– Не обижайся. У Турина свои люди. Девушка-то его; заметил, как шпарит политическими тезисами, не иначе особый кадр. Значит, по службе с ним, голова ты садовая!

– За нами небось выслеживает, – съязвил Задов.

– Дурак! Кто посмеет за мной следить!

– Вынюхивала всё равно.

– Я Опущенникову хвост прищемил! – Секретарь сжал кулак. – Турин теперь наш человек. А Опущенникова я отправлю повыше, тогда у нас там ещё один дружок будет, а не противник.

– Вот это правильно, Васенька, – погладил его по плечу Задов.

– Ты меня не поглаживай! – дёрнулся под его рукой секретарь. – Я это не люблю! Учить меня будешь! Я вот слушал тебя, слушал, а ведь всего ты так и не договариваешь.

– Как так? – побледнел тот.

– Невесте прокурора мне на грудь броситься ты придумал?.. Только опять не ври.

– Не моя инициатива, вот вам крест, Василий Петрович! – И Задов перекрестился. – Сам хотел покаяться, да не успел.

– Да тебе креститься, только грешить, – хмыкнул тот пренебрежительно.

– Просит она беседы... встречи с тобой наедине... – Задов замялся, подбирая слова. – Аудиенции желает.

– Сама?

– И Павел Тимофеевич намекал прямым, можно сказать, текстом.

– Невесты ему не жаль? – уставился Странников на приятеля и пожал плечами. – Не по себе даже... Всякое бывало, но чтобы жених своей возлюбленной... Помнится, во времена феодализма господин имел право первой ночи. Прямо дикости древней истории Глазкин устроил. Ради каких же собственных благ? Что он за это попросит? Не знаешь, старый плут?

– Ну, это уж их дело, – отвернулся Задов. – Мне велено просить вас... А с другой стороны, прижмёт, так и не такое сотворишь.

– По собственной шкуре судишь?

– Да что ты меня-то пытаешь, Василий Петрович! – взмолился артист. – Ну виноват я перед тобой кругом. Но покаяться же... Ждёт она тебя сегодня.

– Сегодня?.. Торопятся оба. Знать, совсем приперло.

– Ехать же Павлу Тимофеевичу в Москву на днях! Ему бы хотелось заранее знать насчёт вашего мнения... о встрече с Павлиной, ну и это... насчёт звоночка по поводу свары с Арлом...

– Где она будет ждать?

– В моём кабинетике. Вы там бывали. Уютный уголок.

– Старый развратник!

– Жизнь заставляет.

– Во сколько?

– Она даст вам знать... как начнут расходиться.

– Ты уж тогда сам на дверях подежурь, – сдвинул брови Странников. – Вдруг эти двое, жених с невестой, ещё что-нибудь удумали.

– Да что вы, Василий Петрович!

– От этой парочки всего можно ждать. Смотри, чтобы ни одна мразь туда не сунулась и не догадалась!

– Разве можно, Василий Петрович.

XI

Странников не раз бывал в тайном кабинетике артиста. Всё здесь подчёркивало вкус владельца, его аккуратность, склонность к маленьким, но приятным излишествам и, главное, – служило тому, ради чего уголок был обустроен и засекречен.

Кожанный диван жёсткий, без малейшего намёка на скрип, но с мягким тёплым покрывалом, изящная форточка, до которой легко дотянуться с ложа и прикрыть при надобности без всяких усилий, торшер, музыкальный аппарат с набором пластинок, в глубине изящный маленький душ на одного человека с зеркалом во всю стену и огромная картина напротив дивана. Всё полотно закрывал страстный зад пышной красавицы, но, повернувшись будто невзначай, шалунья грозила пальчиком каждому, кто слишком задерживал на ней свой любопытствующий глаз.

Странников даже помнил запах, царивший в той комнате, но, когда он приоткрыл дверь, всё забыл, его окружили новые ароматы и в полумраке горячие голые руки обхватили его, а жаркие губы впились до боли.

XII

Когда они прощались, форточку раскачивал предутренний просыпающийся ветерок; в банкетном зале царила могильная тишина.

– Мне здесь понравилось, – зевнула она сладко, прищурилась на картину и, упёршись пальчиком в откровенно призывающий зад натурщицы, задумалась: – Где-то я её уже видела... Не с Сенного рынка? У Сурина?..

– Не знаю. – Он уже стоял в дверях.

– Теперь я жду тебя к себе в гости, – шепнула она, целуя жарким медленным поцелуем.

Рот её по-прежнему источал аромат и свежесть молодости. И вообще, у него сильно изменилось представление об этой девочке. Она пленила его своей непосредственностью, за ночь научила такому, о чём он и не догадывался, оставаясь при этом неназойливой и желанной. Он разглядел её ближе, она не уступала телом и статью ни Стефании, ни другим молодым, попадавшим в его сферу, была не по-женски мудра – от взгляда на мужчин до представлений о жизни. Глаза плавилась жгучим огнём, но в них он видел только страсть к любовным наслаждениям и, удовлетворяя их, заметно устал, как не уставал уже давно.

– Придёшь? – повторила она свой вопрос без тревоги и обычной женской ревности, уверенная в положительном ответе.

– Как пойдут дела, – не отказал он, но и не дал ей повода для превосходства, хотя в уме лихорадочно подсчитывал: «Понедельник – занят, вторник – конференция на весь день, среда – выезд в район на актив, четверг?.. что у него в четверг?.. приём чекистов вместе с Трубкиным, у того накопилась к масса вопросов. Оставалась пятница... По греческому календарю это день любви, но кто знает, что ещё произойдёт за неделю, она заполнена настолько, что он забыл про бега! Выбрать бы время, не участвовать, но глянуть хоть одним глазом! И вот ещё, чёрт!.. В пятницу его ждут в мединституте, профессор Телятников напоминал, звонил несколько раз. Там какое-то торжество... он обещал быть...»

– Значит, придёшь? – не отпускала она его.

– Дам знать. Твой Пашка-то точно на неделю собрался в столицу?

– Как пойдут дела, – ответила она, подраживая и приманивая, приоткрыла покрывало, выставив нахальную ножку.

Но он уже был сыт и только покачал головой.

– Он собирался заехать в Саратов, – посерьёзнела она, – навестить родичей, стариков.

– Сообщишь тебе-то о приезде?

– Он воспитанный мужчина, – улыбнулась она, – всегда предупреждает.

– В Саратове у нас тоже большое совещание намечается.

– Когда?

– Обещали, как только проведём конференцию.

– Тебе обязательно быть?

– А как же, – произнёс он со значением и вдруг спросил: – Когда свадьба-то? Приглашишь?

– Обязательно. Такой гость украсит любой праздник, но теперь всё зависит от тебя, мой котик. Не забудь дозвониться насчёт Павла до своего дружка в столице, и ты узнаешь первым о моём решении.

«А она не так проста, – подумал Странников, выходя, – крутит прокуроришкой, как вздумается. Зря я её принимал за пустышку».

Его поджидал автомобиль, в котором восседал за баранкой Ковригин.

– Не уснул? – окликнул его секретарь, располагаясь рядом, в этот раз вместе они ехали впервые. – Как машина? Освоил?

– В один миг! – лихо козырнул водитель; взревел мотор. – Куда прикажете?

– К Марии Яковлевне, дружище. Куда же ещё, пока не рассвело. – Он обернулся, заметив включившиеся позади фары. – А это кто нас сопровождает?

– Василий Евлампиевич, – подсказал Ковригин весело. – Не доверяет мне. Говорит, первая поездка. Проводит нас до вашего дома.

– Заботливый, значит! – похвалил Странников с азартом давнего наездника. – Спасибо. Только зачем всё это? Если ты не совсем уверен, позволь-ка я тебя подменю.

Не допуская возражений, он спихнул растерявшегося Ковригина, захлопнул за ним дверцу, усевшись на его место, завладел баранкой.

– Товарищ ответственный секретарь! – пробовал бежать за медленно ещё движущимся автомобилем Ковригин. – Я в полной боевой форме. Не сомневайтесь.

– погоди! – прервал Странников, его разбирали и хмель, оставшаяся с буйной ночи, и удаль, перехватившая грудь. – Проверим твоего начальника, на что он способен.

И секретарь махнул рукой Турину, призывая его поравняться, а когда тот подъехал, крикнул, усмехаясь:

– Хочу поглядеть, на что годишься за рулём. Принимаешь вызов?

– Пожалуйста, у меня опыт профессиональный, – ничего не подозревая, кивнул тот. – Ковригина я к себе заберу пока?

– Забирай. Не бежать же ему.

– А что вы предлагаете?

– Наперегонки? Боишься проиграть?

– Темно уже, Василий Петрович, – возразил тот сухо. – Улицы наши сплошь без света, да и колдобин полно.

– А фары на что?

– Я этот район знаю. Здесь торговый народ до света подымается. За взрослыми детишки бегут. Вдруг что.

– Глянь, – ткнул вперёд рукой секретарь. – Собаки и те дрыхнут. А мы с тобой прокатимся по одной улочке. До первого перекрёстка?

– Ну, если до первого, – усмехнулся Турин.

– Догоняй!

Турин глазом не успел моргнуть, как автомобиль секретаря рванулся вперёд. Сам он плавно двинулся следом, успокаивая Ковригина, что гоняться не собирается, мол, позабавится секретарь и остынет, по канавам особенно не разгонишься. Да и прохожих действительно не видно.

Но автомобиль секретаря набирал и набирал скорость. Они уже миновали улицу, свернули на другую, третью, а Странников не думал останавливаться, лишь оборачивался изредка, кричал, подбадривая и подтрунивая.

Турин поджал губы, прибавил скорость.

– Надо перегнать его, товарищ командир, а то попадём в историю, – посерьёзней и Ковригин. – Приметил я запах от него, да и на глаз видать – пьян.

– Приметил он, – передразнил Турин. – Ты, Ангел, раньше бы мозги свои включал, когда руль ему передавал.

– Выпихнул он меня!

– Молчи уж. – Турину на одном из крутых поворотов удалось почти догнать автомобиль секретаря, но тот, погрозив ему пальцем, крикнул: – Я вам устрою смотр боевой подготовки! Ишь бойцы советской милиции!

И автомобиль под его управлением снова унёсся вперёд.

– Может, остановиться совсем? – предложил Ковригин. – Сделать вид, что сломались? Увидит, сам затормозит. Тут мы его и придержим.

– Этот не затормозит, – качнул головой Турин, и лицо его закаменело. – Этого только обогнать. До своего дома так мчаться и будет. Удила закусил. Знаю я. Страсть у него беговая. Не уступит.

– Тогда гони, Василий Евлампиевич, – напрягся и Ковригин.

Турин дал газу, и к концу следующей улицы оба автомобиля поравнялись.

– Василий Петрович! – замахал рукой Турин. – Остановитесь! Люд базарный затемно спешат места занимать. Не наскочить бы на кого!

– Пошугаем их, как кур! – захохотал Странников, но сбросил скорость. – Ладно. Уговорил. Тут до мостика недалеко. Сейчас развернёмся за поворотом, и я приторможу.

И действительно, автомобиль секретаря юркнул в поворот, скрылся за углом, но тут же послышались удар, дикий крик и скрежет врезавшегося во что-то металла.

Глуша мотор, Турин на ходу выскочил из машины, устоял на ногах и, не помня себя, понёсся к злосчастному переулку. До него было метров пять. Ковригин старался не отставать. Когда они были уже у цели, из переулка выбежал Странников, отчаянно размахивающий руками. Он пронёсся мимо, словно их не заметил. Следом неслась толпа, готовая разорвать в клочья любого.

Турин, выхватив наган, выстрелил несколько раз вверх. Толпа рассыпалась. Остался громоздкий мужчина. Сжимая обеими руками палку, он молча надвигался на начальника губрозыска. Турин снова выстрелил вверх и крикнул:

– Стоять всем! – обернулся к Ковригину: – Ну, Ангел, кажись, пришла твоя пора.

– Я здесь, Василий Евлампиевич, – попробовал тот его загородить, доставая револьвер.

– Не то, – отстранил его рукой Турин. – Спасай секретаря.

– Как спасти? – удивился Ковригин.

– Ты за рулём той машины был. Понял?

– Понял, Василий Евлампиевич, понял, – начал тот сообщать.

– Увози его отсюда на моей машине, самосуда я не допущу. Разберусь сам. – Он поднял руку и громко произнёс: – Кто пострадавший? Я начальник уголовного розыска!

– Там! – махнул назад азиат палкой. – Там мой мальчик! Его машина сбила! А этот убежать хотел.

– Никто не убежит! Разберёмся! – шагнул вперёд Турин, не выпуская оружия. – Давай назад! Веди к ребенку, может, жив, – а Ковригину шепнул: – Дуй до милиции, да привези наших ребят из отдела.

ХШ

Историю с аварией можно было замять сразу, но мальчик скончался, до больницы не довезли.

Вёз его сам Турин вместе с плачущим отцом на новенькой машине, которой так и не удалось догнать Странникова. До прибытия Ковригина с бойцами Турин урегулировал конфликт, если не считать плачущих женщин в чёрных накидках у ободранных, без единого деревца глиняных землянок, где и произошла трагедия. Ковригин упал в ноги отцу, тот молча пнул его ногой, и Турин скомандовал, чтобы шофёр поблизости не мельтешил. Фамилия секретаря губкома нигде и никем не произносилась.

А потом перед Опущенниковым, метавшим гром и молнии, Турин маячил, вытянувшись струной и поедая его глазами, а Ковригин понуро мучился над листом с объяснениями. Они ему никак не давались.

– Турин! – взвизгнул, потеряв терпение, бегавший по кабинету из угла в угол Опущенников. – Ты бы хоть подсказал своему олуху, как писать нужно. Сумел человека угробить, умеи и ответ держать.

– Одну минутку, товарищ начальник, – подсел Турин к Ковригину. – Ну, чего у тебя не катит?

– Да не получается ничего! – бросил ручку тот. – Никогда не писал этих объяснений. С чего начинать, чем заканчивать?

– Спокойнее, чудака, – подтолкнул его плечом Турин. – Нет ничего проще. Слушай внимательно и строчи, а я диктовать буду.

– Они у тебя все такие оболтусы! – ругался Опущенников. – Набрал архаровцев! Этот чем занимался?

– Ездил, вы хотели спросить?

– Ну ездил, чёрт его подери!

– Значился охранником ответственного секретаря губкома, – Турин со значением взглянул на Опущенникова и добавил: – После того нападения на Иорина, если не забыли, считается также личным водителем Странникова.

– По приказу?

– Вы подписывали.

– Не помню. Всё у нас как-то в спешке... Иорин как?

– Жив-здоров.

– А те?..

– Как и положено, – развёл руки в стороны начальник губрозыска. – Все три бандита в земле сырой. По заслугам и в соответствии с законом.

– Хм, – подпёр кулаком нос Опущенников и дёрнул себя за ухо.

– Да не терзайте вы себе мозги, Ефим Петрович. – Турин привстал, закончив диктовать. – Тем более уезжая. Персучонок сам виноват, на перекрёсток вылетел, удирая от папаша, который его на рынок спозаранку гнал, вот и угодил под колёса. У шофёра и мгновения не было, чтобы затормозить. Пацанов нарожали инородцы, присмотра никакого, они же как кошки носятся туда-сюда. Потерпевший претензий не имеет. С отцом я вопросы все решил.

– Решил?

– Понятливый мужик. Мы в отделе собрали гроши, оказали материальную помощь родственникам. Довольны. На похороны выделил милицейский оркестр.

– Я ещё тебя не назначил исполняющим, – прищурился Опущенников. – Никак не дождёшься, когда укачу?

– Извиняюсь, за вас распорядился. Покойники не ждут.

– С оркестром переборщил.

– Уберём. Пришлю гражданских.

– Он мусульманин, говоришь?

– Персюк.

– Там музыка совсем не желательна. Они его в покрывало, и бегом, чтобы до заката солнца успеть земле предать.

– Точно! Как же я обмишурился! – хлопнул себя по лбу Турин. – Закрутился совсем. Ну да ничего, подскажу Сунцову, он всё исправит.

– Сунцову?

– Второй день там дежурит на всякий случай.

– Китаец, что ли?

– Ну да, Ван-Сун. Он за своего уже в губкоме. Быстро в образ вжился, паршивец.

– Что докладывает про аварию?

– А ничего. Обстановка нормальная. С недовольными работа проведена. На советскую милицию обид нет. Со спокойной душой можете уезжать, Ефим Петрович.

– Писать жалобы потом начнут. Это сейчас они тише воды ниже травы. Некстати всё это. Ох, нестати!

– Примем соответствующие меры. До вас эти жалобы не докатятся.

– Турин! – Опущенников хлопнул ладонью по столу. – Гляжу я на тебя – на все вопросы готов ответ. Или ты горбатого лепишь с кондачка?

– В розыске волокита вредна, товарищ начальник.

– Чего?

– Дураков не люблю, – тихо буркнул Турин.

– Я в столицу собираюсь, о чём тебе хорошо известно, придётся обстановку докладывать?

Этот случай очень меня беспокоит.

– Всё обойдётся, а вас с повышением, Ефим Петрович.

– Не известно ничего. В какую-нибудь тьмутаракань ушлют...

– У вас заслуги такие, что не посмеют.

– Я ему про Фому, а он про Ерёму! Происшествие с мальчишкой всех на уши поставит!

– Да им наверху до этого, что ли? Тем более, повторяю, официально установлено прокуратурой, что имел место несчастный случай. Прокурор Арёл и постановление отписал по этому поводу.

– Мне бы бумагу.

– Я сейчас пошлю своих. Принесут.

– Познакомился с прокурором-то поближе? Как он тебе?

– Требовательный.

– А мне что-то не показался.

– Он на всех поначалу нагонял страх. А потом ничего.

– Да ты успел подружиться с ним?

– На убийство выезжали вместе, а там быстро человека познаёшь.

– Ну-ну. Значит, постановление добудешь?

– Считайте, у вас в кармане, Ефим Петрович.

– Так... – задумался Опущенников и кивнул на Ковригина, – что с этим делать? Его же наказывать надо, мальчишку-то сгубил?

– А гоните его к чёртовой матери! Что он тут вообще ошивается? – с беззаботным видом выпалил Турин. – Он за Странниковым значится, пусть тот и кумекает.

– Сам приказ подпишешь, – ухватился за последнюю фразу тот. – Я сегодня отбываю, исполнение обязанностей возлагаю на тебя, тебе и отписываться за всё.

– Понял! – вытянулся Турин. – Василия Петровича вы сами известите об отъезде или?..

– Уже согласовал.

– Тогда попозже я позвоню сам Странникову насчёт Ковригина?

– Ты бы лучше сбегал сейчас, Василий Евлампиевич, пока я здесь. Если что не так, найдешь меня дома, поезд вечером отходит.

– Есть, товарищ начальник.

– Ну с Богом! – махнул рукой Опущенников куда-то в пол без интереса в лице.

Они скудно обнялись.

Не прошло и получаса, как Турин постучался в дверь приёмной секретаря губкома.

– Василий Петрович вас ждёт, проходите, – открыла ему дверь кабинета секретарша. Однако, шагнув внутрь, Турин оказался в пустом помещении.

– Отлучился. Бывает, – не смутилась секретарша. – Значит, кто-то вас опередил, но он велел ждать. Может, хотите чаю?

Турин отказался, а секретарша быстро ушла, так как совсем близко ему почудились тихий женский голос и смех.

«Такого ещё не бывало, – задумался Турин, – этим поступком Странников после всего случившегося даёт понять, что полностью мне доверяет. А я бы скрыл от него тайную комнату, если б она имелась?..» Домыслить он не успел, неслышно отворилась незаметная дверца за креслом ответственного секретаря, и он, пригибая голову, без смущения и неловкости предстал перед начальником губрозыска. Они уже несколько раз переговаривались по телефону с утра по поводу отъезда Опущенникова, но эти короткие, мелкие фразы, похожие на намёки, объясняющего конца не имели, а Турин жаждал большого, ясного разговора, рассчитывая, что

Странников всё же не забудет добра и своих обещаний. На всякий случай он тоже пришёл не с пустыми руками – заготовил предложение о выселении семьи погибшего ребёнка на Восток, поближе к Узбекистану, убрал другие шероховатости автоаварии, подчистив так, что комар носа не подточит. Были у него и другие задумки, с которыми он не спешил, но помнил и перебирал в мыслях, пока бежал в губком.

– Ну как? Проводил? – присев к столу и пригласив сесть рядом, спросил Странников рассеянно.

– Распрощались.

– Ковригин куда пропал?

– Объяснения писал.

– Ты его не трожь. Мне оставь. Я уже к нему привык. Хороший мужик.

– Как скажете, Василий Петрович.

– Теперь будем ждать, кого вместо Опущенникова назначат? – откинулся секретарь на спинку кресла.

– С этим тянуть не станут, – сохранил безразличие на лице Турин. – Желающих на освободившуюся должность хватает.

– Давай без лукавства, – скрипнул зубами секретарь. – Тебе надо здесь командовать! Заслужил! И я добьюсь! А пока исполняй обязанности! – Он приподнялся, вскочил и Турин, секретарь крепко пожал ему руку. – Рассусоливать обо всём остальном не будем. У меня вот какая к тебе необычная просьба...

– Я бы сначала хотел?.. – заикнулся тот.

– Благодарности потом.

– Я о мальчишке...

– Что? О каком мальчишке?

– Отец пожелал уехать отсюда... События печальные, то, сё, – сочинял Турин на ходу.

– Пусть едет. Мы его не держим.

– Ясно, – двинулся к двери Турин.

– Ты присядь, присядь. У меня ведь к тебе дело необычное. Я бы сказал, сверхсекретное. Чай будешь?

– Не откажусь.

И за чаем Странников подробно, в деталях рассказал Турину всю позорную историю с докладом.

– Мейнц с Распятовым доклад уже перелопатили. Теперь зазвучит как надо. Я его два раза тоже пробежал. На конференции услышишь, но гложет меня одна закавыка.

– Что такое, Василий Петрович?

– Подлецов не терплю при себе! – хлопнул по крышке стола секретарь. – Дурачка Таскаева кто-то здорово подставил, а с ним и меня замыслил свалить. Отыскать негодяя, как ни пытался, не смог. Я его изничтожу, суку! Но ГПУ привлекать не хочу, Трубкин начнёт копать, кишки все выест, а дело толком не решит. Не везёт мне на помощников, хоть расшибись!

– А Ковригина подключить?

– Не справится.

– Я ему в помощь Сунцова дам. Помните, я делал предложения вам насчёт него? Цепкий работник.

– Китаец!

– А что? Пусть он займётся аппаратной связью.

– Чем?

– У вас внутренняя связь с отделами существует?

– Трубкин всё обещал, да никак монтировать не начнёт. Весь в своих делах, да и не доверяю я ему.

– Вот и поручите Мейнцу. Прикрепите к нему Сунцова. Командующему орготделом как раз по теме.

– Но и твой китаец все разговоры будет прослушивать!

– Наш китаец, Василий Петрович, – осторожно поправил его Турин. – Всю информацию он будет докладывать лично вам.

– И тебе...

– Ну, без этого не обойтись, – не смутился Турин. – Врать не стану. Но со мной она и умрёт.

– Хорошо! – недолго думая, рубанул рукой воздух секретарь. – Нас с тобой за эти несколько дней повязало так, что сомневаться в тебе уже поздно. Но учти! Малейший прокол!.. Или до меня докатится какая информация!..

– Никаких проколов, товарищ ответственный секретарь губкома! – Турин вытянулся во весь рост и щёлкнул каблуками. – Ни одна шельма не подберётся, не то чтобы враг!

– Ладно, ладно. Может, выпьешь?

– Не откажусь.

Странников нажал невидимую кнопку под крышкой стола, и тут же влетела секретарша. Не говоря ни слова, он кивнул ей за спину на шкаф. Через минуту они потягивали коньяк, молчали, и каждый думал о своём.

– Слушай, Василий Евлампиевич, а может, я тебе старый доклад покажу? – прервал молчание секретарь.

Турин насторожился, отставил рюмку.

– Глянь на него профессиональным взглядом. Нюх-то у тебя есть. Может, ты без китайца сам вычислишь паршивого червяка? Оторвал бы я башку ему к чёртовой матери и точку на этом поставил.

Турин поднял брови.

– Не люблю я эти прослушки. – Странников поморщился.

– Давайте доклад, – согласился Турин.

– Наталья! – приказал Странников секретарше, когда та заглянула к ним. – Найди-ка тот доклад Таскаева. Он, наверное, у него и валяется где-нибудь. Неси его.

– И Таскаева пригласить?

– Зачем он нам. – Странников долил коньяк в опустевшие рюмки. – Лимончика ещё не найдётся?

– Минуточку, Василий Петрович, – исчезла секретарша за дверью.

– Обученный у вас контингент, – не удержался от комплимента Турин.

– Заведешь свой не хуже. Потерпи.

– Вашими бы устами...

Они чокнулись.

Но выпить не успели. Дверь распахнулась, и в кабинет влетел Таскаев, без очков, с безумными глазами:

– Василий Петрович! Доклад пропал!

– Как – пропал? – Странников схватил бедолагу за плечи и затряс так, что Турин забеспокоился за жизнь второго секретаря.

– Похитили, – пролепетал Таскаев.

Часть третья

Чёрный платок

I

Полпред частного сектора местных рыбопромышленников Лёвка Узилевский, возвратившись из поездки, привёз дурную весть: Попкова переводят на повышение, до Москвы дотянулся, проныра. Его место займёт Васька Дьяконов, другой кандидатуры на пост заведующего торговделом не обсуждалось.

– А значит?... – ловя каждое слово, разевали рты Заславские Хацкель и Николашка, Фраткин Самуил и Кантер Эмиль, Креснянский Евсей и прочие господа хорошие, помельче, рыбопромышленники, облепившие Лёвку тесной гурьбой и набившиеся по этому поводу в контору фирмы «Перворосрыба».

Лёвка сел, горькую гримасу состряпав:

– А значит, дураку понятно. Валька, и раньше заправлявший всем, превратит ручей текущих в его карманы податей в речку, а то и в ревущий поток. Открывай деловой человек мощну ширше, деньжата швырять придётся направо и налево. Дьяконов удержу и так не знал, а теперь совсем укорота не будет.

– Только братьев Солдатовых и признаёт! – не стерпев, выкрикнул кто-то.

– Пётр у них заправляет, – буркнул один.

– Пётр любит крупную игру, – тут же поддал огня в костёр перепалки другой. – На карту тыщи швыряет. Вот и выигрывает!

– Все эти тыщи в карманах Дьяконова да Авдеева оседают! – разгоралось пламя. – А те за это – льготы да услуги лучше обычных.

– И ты ставь! Чего не ставишь? Робеешь против них?

– А где взять?

– Если б гуртом, со всех собрать!

– Кто даст на всех? Ищи дураков! Каждый на себя одеяло тянет.

– Вот и не каркай!

Гвалт поднялся не на шутку. Не ассамблея деловых людей, не коалиция, а сходка горлопанов. Лёвка поморщился, в лице перекопился – всегда с этим народом так, поднял руку. Вроде стихло мал-мал, но грызлись в углах, зубы скалили неугомонные.

– Тише там! – прикрикнули на них.

Льва Наумовича Узилевского не то чтобы уважали безмерно, ценили за его способности вести диалоги с властями. Лёвкой кликали между собой, близок был, доступен для каждого и внимания на грубые фамильярности не обращал, к любому подход имел.

– В Саратове, откель я намеренно возвратился, встреча была доверительная, – зашептал Узилевский, – комиссия их заслушивала.

– Обоих к себе требовали? – переспрашивали те, что дальше.

– А как же? Обоих! Одного на повышение, другого вместо него, – возмущались те, что поближе, недогадливостью задних. – Тише вы!

– Попков уже в должности заместителя уполномоченного Наркомторга по нашему краю просил Валентина Сергеевича особенно не трогать братьев Солдатовых... – продолжал также доверительно Узилевский, – ну и ещё пару-тройку лиц.

– Кого это? Кого ещё? Почему? – закричали, запрыгали, возмущаясь, остальные. – Мало всё братьям! И так более остальных хапают! И поблажки им, и скидки, и условия особые! Что ж творится-то?

– Ребята они крупные! – объявил со значением Узилевский и оглядел всех, медленно и тяжело, так, что присели, смолкнув, наиболее горячие.

Тишина воцарилась, слышно, как муха билась в стекло. Рвалась дурная, не зная, что на дворе к ночи уже холод лютый заворачивает, день бы прожить не удалось, выпусти кто наружу. Но сердобольный нашёлся, прицелился, ловко прижал ногтем к стеклу. Щёлк! И снова тишина пуще прежней...

– С братьями Солдатовыми лучше не связываться да и обсуждать их – боком выйдет! Были недовольные когда-то, да сгинули без следа.

– Что же делать? – пискнул кто-то в углу за спинами.

– Жили до этого, – размышляли другие, – не сгинем и далее.

– А если письмецо заслат? – опять подал голос писклявый.

– Какое письмецо? – вытянув шею, попытался углядеть советчика Узилевский. – Кому? Куда?

– Известно. В органы. В ГПУ. В милицию-то, знамо дело, бесполезно.

– Сам писать будешь? – бросил наугад Узилевский, не обнаружив советчика.

– Найдутся. Накатают.

Кто-то нервно хихикнул, не выдержав, или просто поперхнулся. Смешок тут же и замер, не найдя поддержки.

– Писаку и упекут, дурило! – здраво рассудил кто-то. – И правильно сделают!

– Оно конечно, но что ж тогда? – не унимался писклявый.

– Да кто ты там?! – приподнялся Узилевский, ошалев от безуспешных попыток разглядеть дотошного.

– Да шут с ним, с дураком! – встал известный рыбодобытчик бородач Чубатов. – Надо попробовать к Мине Львовичу. А, Лев Наумович? Он прислушается, ежели вы собственной персоной да осторожненько. Без намёков, вот здесь прозвучавших. Ни за кого-то одного, а за общину нашу, за конвенцию! И по сути. Без этих грязных нелепостей!

– Да! – словно прорвалось, выдохнули и остальные многие. – За общество! Это добрые намерения, степенные подходы! И без намёков! Дрызги-то кому нужны!

– Мина Львович в этом деле не заступник, – отрезал Узилевский. – Он пробовал хлопотать за наши квоты. Увеличить просил. Одёрнули органы сверху.

– Это как же?

– А вот так! Частный капитал – не государственный. И я ходил к нему тогда... Теперь в эти дела влезать он не любитель.

– А Солдатова Петруху, помнится, принимал! – язвительно крикнул кто-то.

– Петруха без мыла куда хошь втиснется! – ответил тот же Чубатов, нахлобучивая шапку и подымаясь.

– Я не видел, – отшутился с кислой миной Узилевский, тоже давая понять, что разговор пора заканчивать.

– К Василию Петровичу надо бы вам попробовать, Лев Наумович, к Странникову, – осторожно посоветовал бородач Серёгин. – Не одному, конечно, с делегацией, людей подобрать солидных. Как говорится, с багажом этих самых...

– С каким ещё багажом?! – возмутился теперь уже Узилевский. – Назначение состоялось, Попков – в Саратове, Дьяконов Валентин – тут, все вопросы решены, а лясы точить по пустякам ответственный секретарь губкома со мной не станет. Ни делегация не выручит, ни багаж. Да и какой, к чертям, багаж?.. Погонит к тому же Дьяконову в торговый, к Аданову в налоговый или ещё хуже – к тому придурку Вассерштейну, век бы его не видать!

– Ты не горячись, Лев Наумович. – сказал Антон Нартов, тоже известный рыбодобытчик. – Ты к Василию Петровичу сразу не суйся, прежде к артисту ходы подбери, к Задову Григорию. Он мужик свойский. И вхож, говорят, в те кабинеты.

– Учить меня будут! – Лёвка обе руки запустил в длинные волосы на голове. – Задов, конечно, мужик умный и толковый. Не зря, что артист. Да только он ведь непростой, каким кажется. К нему подход надо найти.

– Да что ж мы, не понимаем? – переглянулись приятели. – Мы поможем, – оглядели они обступивших их рыбопромышленников и торговцев. – Как, господа хорошие, согласны?

– Отчего ж не помочь ради доброго дела? – затеребили бороды ближние, полезли за бумажниками да и дальние зачесали лохматые затылки. – Дело стоящее, своё.

И зал загудел одобрительно.

– Странникова нет в городе, – покачал головой Узилевский. – Видел я его в Саратове. Совещание у них большое. Не только организационные вопросы, всего наворочено. Опять же эти... дискуссии пошли. Вернётся неизвестно когда.

– А нам не на пожар...

– Подождём...

– Наше дело такое... Ты только уважь, Лев Наумович, постарайся...

– Свои полномочия знаю, – крикнул, подводя черту, Узилевский.

Поднялись расходиться, но Узилевский задержался, с портфельчиком своим завожился на столе, незаметно для остальных мигнул Нартову:

– Антон Семёныч, как поживаешь-то? Детки, жинка?

– Забот полон рот.

– Не видно тебя. Раньше забегал. Справляешься с заботами-то?

– А мы их, как тот сом, глотаем, не разжёвывая.

– Что это за жид у вас за спинами верещал? Я так и не разглядел. Из новых, что ли?

– Писака-то любопытный?

– Вот-вот.

– А с чего ты взял, Лев Наумович, что он из наших? За спинами там их!.. Понаехали с разных мест. Я тут встретил одного, разговорились, так он с Украины! А тот, что верещал, насчёт писанины, кажись, Штейнберг или Лихомер. Ты должен знать...

– Не помню что-то. Ты его укноти, Антон Семёнович, а то дойдёт до Васьки-божка, сам знаешь...

– К чему же до Василия Евлампиевича допускать, Лев Наумович? Разве мы не люди? Сами образумим дурачка.

– Ну и ладненько. Привет жинке. Стряпает она у тебя чудно!.. Сколько прошло с того раза, а помнится.

– Так забегай, Наумыч, всегда рады.

– Забегу, забегу. Как раз и... – не договорив, Лёвка загадочно подмигнул, – расскажешь про успехи. Своих-то обойди к тому времени. И этого... Лихомера не забудь.

II

Странников действительно уже не первую неделю пропадал в Саратове. На затянувшемся, как обычно, совещании их небольшую губернскую делегацию контролировал опытный в таких делах Мейнц, а ответственный секретарь, сразу по приезде оббежав начальство, где следовало отчитаться, доложил обстановку, кого надо проведать, порадовав сувенирами, и даже с трибуны умудрился изложить собственные взгляды и соображения в первые два дня, но на третий совершенно случайно встретил в гостинице молодую особу в шляпке под тёмной вуалью. Собственно, он застал её поздно вечером в своём номере поджидавшей, и уже после этого

в зале совещаний не появлялся, усердно отмечаемый верным Мейнцем и поднимавшим за него руку при голосовании.

Конечно, это была Павлина.

Приехала, с ее слов, дожидаться жениха, чтобы окончательно обговорить все свадебные вопросы, но тот из столицы не звонил и по неизвестным причинам задерживался в Москве. Квартирку из двух комнат она сняла сама в укромном домике большого сада. Старый особняк в то же время удобно располагался близ центра, за зимним театром, и в первый же вечер Странников и Павлина страстно отметили встречу.

Теперь свободное время Павлина проводила здесь, хозяйка квартиры бегала в магазины, на рынок и обеспечивала необходимым. Бывшая актриса, она скоро нашла общий язык со Странниковым и порой, злоупотребляя, засиживалась с ним и Павлиной до позднего часа. Она хорошо пела, пыталась удивить их танцами, декламировала стихи из тех, уже ушедших времён Серебряного века. Но это когда перебирала винца. Странникову нравилось её аристократическое обхождение, выворачивали душу забытые романсы. Подыгрывая себе на стареньком, выдавшем виды рояле, Аграфена Валериановна, вполне сохранившись, притягивала его, когда хриловатым, но ещё обаятельным голосом запевала к месту и в настроение:

– Никогда не прощайся со мной.
Уходя, поцелуй меня взглядом.
И тогда ты останешься рядом,
Ощущаемый мною одной.
Будет миг – упадёт небосвод,
Опрокинется чаша Вселенной,
И планета всегда неизменный
Остановит свой медленный ход.
Мы с тобой побываем тогда
Совершенно в другом измеренье.
И откроется высшее зрение,
Замерцает на небе звезда¹⁷.

Он, перехватив лишку, не в силах сдерживаться, судорожно метался по залу, аплодируя, восклицая; пушистый жирный кот, обычно засыпавший под пение хозяйки, испуганно удирал на кухню, обиженно мяуча, а он в каком-то трансе становился на колени перед актрисой и, беря её руки в свои, допытывался:

– Как мило! Только женщина так может расшевелить душу! Она сильно любила! Ну смилуйтесь, скажите – да?

– Ах, мой дружок, – кокетничала актриса и, забавляясь, мучила его. – Сколько лет! Сколько золотых лет пролетело! Разве может запомнить всё легкомысленная женская память?..

И Павлине нравились её пения. Поначалу. Она даже пыталась нерешительно танцевать, порхая по залу под их голоса, когда они увлекались над роялем. Но странное дело, с некоторых пор её хватало ненадолго, она незаметно перекочёвывала в кресло, подливая себе в рюмочку, прикладывалась к сигарете и тихо дремала, попивая, а порой даже засыпала, покачивая головой в такт музыке.

Так было и в тот раз. Они вместе отужинали, Аграфена Валериановна присела к роялю. Это был его любимый романс. Со временем он заучил слова наизусть и иногда осмеливался подпевать актрисе. В этот вечер он снова увлёкся. Музыка очаровывала его, слова пронизывали душу, и он забылся, опустился на колени и взял руки актрисы в свои.

¹⁷ И. Левитан. «Никогда не прощайся со мной».

Голос певицы, хрипловатый и сладостный, лился на него словно с небес, лишая разума, осторожности и подчиняя чувствам, которых он давно не испытывал:

– Прикоснись ко мне губами,
Только глаз не открывай.
Бог сегодня будет с нами
И тропу укажет в рай.
Небеса откроют двери
В неопознанную даль.
Ветерок, расправив веер,
Синевы качнёт вуаль.
Выйдут ангелы навстречу
Нас крылами одарить
Для того, чтоб стало легче
Возноситься и парить¹⁸.

Опустив руки с клавиш, актриса склонила голову к нему на плечо, заглянула в лицо зелёными завлекающими очами и загадочно улыбнулась. Теряя себя, он ответил на улыбку, но всё же нашёл силы оглянуться на Павлину. Та уже дремала в кресле и даже посапывала во сне, откинув назад голову. Тонкие чувственные пальцы актрисы коснулись пуговиц на груди его рубашки, и, поднявшись, она увлекла его за собой из залы на кухню, продолжая ослеплять обольстительной улыбкой. Не чувствуя ничего, кроме страстного желания, потеряв контроль, он двигался за ней, словно сомнамбула. Как пахли её душистые волосы! Как влекло каждое движение тела! Их губы слились уже на пороге, а поцелуй затянулся так, что заломило зубы. Но вдруг он почувствовал, как она обмякла и стала выскальзывать из его рук. Он напрягал последние силы, но не смог удержать тяжёлое её тело. Она некрасиво распласталась прямо у его ног, широко раскинув руки и ноги, слабо стонала. В горячке он рванулся к ней, подсовывая руку под голову, с испугом заглядывая в лицо. Глаза её были закрыты, но стиснутые губы ослабли, рот приоткрылся, и она тяжело задышала. Странников с трудом выдохнул сам, соображая, что же случилось, однако долго ломать голову ему не пришлось – дама откровенно захрапела!..

Не было сомнений – перед ним лежала опьяневшая до беспамятства женщина! Вот влип! Как ненавидел эту женщину он теперь! С брезгливостью оглядел разметавшееся перед ним только что прекрасное тело от расстёгнутого на груди платья до обнажённых бёдер. Бывшая актриса пренебрегала нижним бельём, и вся её истерзанная безжалостным временем нижняя часть тела теперь претила, а не влекла.

– Поистине прав был мудрец, – прошептал Странников, – что наступает миг, когда вспоминаешь о Боге.

– Быстро же надоело тебе молодое. – Павлина, ядовито усмехаясь, стояла в дверях с сигаретой в руке. – На бабу потянуло?

– Уйди! – почти простонал он, одёрнул платье на актрисе и попытался подняться, но не успел. Отбросив сигарету, Павлина впиалась ему в губы, и поцелуй этот отдавал укусом змеи.

Он вырвался.

– Неужели я хуже? – простонала девица, ударившись о косяк двери, но удержалась на ногах.

– Прости, – опомнился он. – У нас ничего не было. Ей стало дурно, она упала, я попробовал помочь.

– И поволок её на кухню?

¹⁸ И. Левитан. «Поцелуй».

– Ну не в спальню же на постель... – пробормотал он, чуя идиотство всей этой ситуации, возмущаясь и собой, и заснувшей женщиной, и всем на свете. Кстати, он заметил, что оправдывается, чего никогда себе не позволял. И перед кем? Перед этой фурией, забывшей о женихе, бросившей всё, приехавшей сюда, чтобы вцепиться в него снова, как в тот раз! И врущей ему сейчас про высокие чувства!.. Все её признания казались теперь ему неестественными, пронизанными враньём! И, конечно, она всё это подстроила сама! Прикинувшись уснувшей, она тайно следила за ним, ждала момента!.. И актрису она подговорила. Вероятно, они знают друг друга давно. Павлина родом из Саратова, бредила с детства театром, значит, не могла не знать Аграфену, удивительно быстро она нашла эту тайную квартирку! Не с одним, наверное, встречалась здесь! Небось и дуралея Глазкина здесь оплела. То-то прокурор не спешит возвращаться! Ждёт, когда она его вызовет звонком, сообщит, что идиот секретарь втюрился в неё, полностью в её власти и они могут делать с ним всё, что задумали!.. А задумали они, конечно, немало, и он уже начал выполнять их планы: отговорил губернского прокурора Арла возбуждать уголовное дело против взяточника-жениха, в Москву звонил, знакомых напряг, чтобы мер не принимали... Теперь Глазкин там гуляет на радостях и заявится сюда, как только плутовка сластолюбивая даст знать... Ах, юная интриганка! Да она просто настоящая куртизанка! Как искусно сплетена паутина, в которую он влип!..

Странников буравил её злыми глазами, изуверские мысли мщения будоражили его расходившуюся фантазию. Но он сдерживался. В таких ситуациях, когда противник – женщина, лучше помолчать, разгадать её коварные замыслы полностью. Можно даже прикинуться виноватым, испуганным, недогадливым.

– Котик. – Павлина внезапно преобразилась и даже смиростивилась прильнуть к нему, обвила шею руками. – Всё выглядело так нелепо, согласись. Что я могла разобрать, внезапно проснувшись?.. Пойми и ты женщину, безумную от чувств.

Он нехотя ответил на поцелуй – решил играть до конца.

– Вот и забудем это недоразумение. – Она изобразила улыбку. – И я понимаю тебя, даже если ты и немножко слукавил, – пальчиками она игриво пощекотала его щёку. – Аграфена Валериановна – чудная женщина. Она ещё способна очаровывать. И я не скрываю, тоже попала под её влияние.

Недоумение охватило его – не понять женщин! Только что гром и молнии, минуты не прошло – она стелется лисой.

– Возраст, конечно, – поправилась она, – но что возраст? Любви все возрасты покорны! Вон, Гёте!..

– Его предметом была девчонка, ты перепутала, милочка.

– Ну не сердись, котик. Я же сумела очаровать тебя. Ну, поцелуй меня.

Остывая от собственных подозрений, гнева и злобы, забывая их и зажигаясь от ласк и обволакивающего тепла её тела, он крепче обнял её – чертовка была обворожительна и путала все его дикие фантазии. Срывая друг с друга одежды, сплетаясь, как две змеи, достигли спальни и упали в постель, забыв обо всём. Ночь они впервые провели в квартире Аграфены. Уже под утро сквозь сон чуткий слух Павлины уловил посторонний шум у входных дверей, почти неслышные шаги, нерешительно приблизившиеся к некрепко запахнутой двери. Чуть скрипнула половица, и ей в унисон слабо подпели старые петли приоткрываемой двери в заветный альков.

«Вот ненасытная ведьма! – лениво, не подымая век, подумала Павлина. – Не удалось ей вчера полакомиться, так утром заглянула облизнуться...»

С порога долго кто-то любовался их голыми телами, бесстыдно раскинувшимися на кровати. «Любуйся, любуйся! Что тебе больше остаётся? – не открывая глаз, Павлина, изогнувшись, прильнула к Странникову и томно закинула ногу на его бедро, прикрывая срам. – На это тебе глазеть ни к чему».

Для натуральности чувств она замурлыкала, как довольная кошка. Подействовало моментально: шаги удалились.

Когда, наконец, они проснулись и поднялись, в квартире не было никого. Актриса пропала на весь день, видимо, переживала случившееся. Отклонялся и Странников, сославшись на совещание.

III

Однако, однако, однако...

Однако, даже наслаждаясь ворованными чувствами, любовники всегда беспечны. За это и расплачиваются.

Вот и в тот раз, прежде чем до изнеможения предаваться всю ночь страстным наслаждениям, Павлине надо было бы подумать о мерах предосторожности!.. Почувяв шум у входных дверей комнаты, не поленилась бы подняться!.. Или, по крайней мере, открыла бы глаза!..

Тогда бы она узрела с ужасом, что, неизвестно каким образом проникнув в квартиру, у порога застыл мужчина. Лицо его скрывали шляпа и полумрак. Заскрежетав зубами от гнева и ревности, незнакомец готов был броситься к любовникам, беспечным в сморившем их сне, но остановился. Что-то сдерживало его, хотя заметно было – весь он дрожал. Немая сцена длилась несколько минут, пока бесстыжее голое тело женщины не шевельнулось. Незнакомец отпрянул. Но тревога оказалась напрасной: любовники спали крепким сном. Подождав несколько секунд, убедившись в их ровном дыхании, он сделал осторожный шаг, другой, третий назад, развернулся и принялся обследовать квартиру, начав с гостиной. Не зажигая света и пользуясь лишь рассветным полумраком, незнакомец задержался у стола с остывшими яствами и питьём, высмотрел бутылку, сделал из неё несколько глотков и сунул в карман. На кухне он несколько минут вслушивался в тихое похрапывание раскинувшейся на полу бывшей актрисы. Ждал ли он её пробуждения или обдумывал план дальнейших своих действий, трудно было догадаться, так как, заметно успокоившись, он вёл себя крайне осторожно, и лицо его сохраняло теперь непроницаемое выражение. Наконец, приняв решение, он вытащил платок, развернул на ладони и, поднеся ко рту спящей, потряс её за плечо. Неописуемый ужас полыхнул в глазах актрисы, когда она очнулась и разразилась бы диким криком, если бы он мгновенно не закрыл ей рот платком.

– Не пугайтесь! – предупредил он её гадливым шёпотом. – Я вас не трону, если будете молчать! Молчать сейчас и после! Понятно?

Она тарасила от ужаса глаза, попыталась вскрикнуть, но он втокнул ей платок в рот ещё глубже, и жертва стала задыхаться.

– Подохнешь, подлая сводница! – сдавил он ей горло.

Актриса захрипела и смолкла. Он ослабил руку, похлопал по щекам и тут же угрожающе занёс кулак над её головой:

– Молчать, если дорога жизнь!

Актриса замерла.

– Вы меня знаете, Аграфена Валериановна, я своим словом дорожу, – продолжил он спокойнее.

Молчание было ему ответом.

– Не бойтесь. Ни Павлину, ни её дружка я не тронул и пальцем. Бог им судья. Сейчас я уйду, но возьму с вас клятву.

Актриса испуганно заморгала в ответ, соглашаясь на все условия.

– Вы умная женщина, я в этом не сомневаюсь, – изобразил он мрачную улыбку. – Я потребую от вас самую малость. После моего ухода вы сразу покинете этот дом. Ясно?

Актриса кивнула, видно было, что она пришла в себя и уже здраво оценивала обстановку.

– Не вздумайте со мной играть в игры или не выполнить того, что я прикажу, – отчеканил он жёстко. – Вы знаете, кто я такой и каковы мои возможности. От меня не скроетесь нигде!

Женщина жалостливо простонала.

– А требования мои ничтожны, – сменив тон, продолжал он. – Вы никогда не видели меня здесь. Об остальном, в том числе и любовных связях ваших квартирантов, можете говорить что вздумается, даже правду, но!.. Но только тем, кто уполномочен будет вас спрашивать об этом! Ясно? И не вздумайте трепать лишнего!

Он снова взмахнул рукой, и она в страхе зажмурилась.

– Отсутствовать вы должны столько, сколько я потребую. Когда необходимость сия отпадёт, – злодейская улыбка исказила его бледное лицо, – я сам дам вам знать. У вас есть подруга. Я знаю. У неё и укройте. Придумайте причину и не высовывайте носа, если хотите жить.

Актриса закрыла глаза в молчаливом согласии, а когда открыла их, никого поблизости не было. Только платок, который он впопыхах забыл, сжимала она в своей руке. Платок был чёрным, храня резкий неприятный запах пота.

IV

За что в губрозыске Абрама Зельмановича Шика между собой прозвали не Бертильоном в честь знаменитого основателя уголовной антропологии, а именно уменьшительно-ласкательно Бертильончиком, теперь уже мало кто помнил. Пошло это якобы от Деда – Легкодинова Ивана Ивановича, больше других посвящённого в историю такой заковыристой науки, как криминалистика, и лучше остальных знавшего Абрама Шика по совместной службе ещё при проклятом царизме. Он его и за собой поманил в народную милицию, когда пришла пора выбирать, жить или погибать от голода. Так, во всяком случае, накоротке, между суматошными сборами объяснил любопытствующим Ковригину и Сунцову начальник губрозыска Турин. Философствовать да разглагольствовать особо времени у него не было, вечером уходил поезд, Турин отбывал в Саратов, срочно вызванный туда по непредвиденным обстоятельствам секретарем губкома.

Укладывая в портфель самое необходимое, Турин добавил, что, несмотря на преклонный возраст, в профессиональных качествах Шика он не сомневается, иначе не рекомендовал бы им взять его в помощники для более быстрого и успешного выполнения задания по обезвреживанию замаскировавшегося в губкоме врага, едва не подведшего под монастырь самого товарища Странникова.

Сообразительный Ковригин тут же подбросил идейку, что прозвища типа Бертильончик – Лимончик и так далее имеют известные корни – воровские, и подмигнул Сунцову, мол, Шик в молодые годы физическую убогость, прогрессирующую с годами, компенсировал недюжинным умом и промышлял в интеллектуальных сферах – занимался фальшивомонетничеством, подделкой документов и другими финансовыми аферами, даже скупал краденое. Такие люди на вес золота, даже медвежатники¹⁹ или отпетые мокрушники²⁰, никого не признававшие выше себя, пестовали их и оберегали, потому как распорядиться награбленным собственным серого вещества не доставало. Но Турин его одёрнул, присел перекурить, как ни торопился, и незаметно для себя разоткровенничался.

По его словам, если Абраму Зельмановичу Шик и пришлось нарушить закон, то случилось это один раз за всю его долгую криминальную практику. Было это уже в то время, когда сам Турин, будучи в чине младшего агента губрозыска, без устали, впрочем, и без особого успеха гонялся за отпетым бандитом и убийцей Зубом. Гонялся за этим головорезом, конечно,

¹⁹ Медвежатники (*уголов. жаргон*) – взломщики банковских сейфов.

²⁰ Мокрушники (*уголов. жаргон*) – убийцы.

не один он, весь губрозыск стоял на ушах, но примечали бандита именно на его участке, где, обнаглев, тот и последнее злодейство совершил, вырезав семью богатого нэпмана и обчистив его квартиру. Турин спать перестал, напал было на след негодяя, но взять живым не удалось. Ворвавшимся ночью в квартиру, где залёг Зуб, достался лишь его труп с обезображенным до неузнаваемости лицом. По фигуре, наколкам и одежде его опознали поделщики и сожигательница, но смущала Турина странная заковыка: до костей почти срезана была кожа на пальцах обеих рук убитого, да и кто его отправил на тот свет, установить не удалось. Гуляла версия, будто свои это сделали, дескать, за дела бесовские да сволочной характер.

Начальство успокоилось, и злодейства прекратились, а Турина знобило – не верилось ему в простой конец отпетого мерзавца. Не мог попасться на удочку своих Зуб, да и у тех смелости бы не хватило его кончить; убить, может, и убил бы кто, но чтобы уродовать?! Дружков у Зуба – куча, взялись бы мстить, полилась бы ручьём кровь воровская... А здесь тишь да гладь.

Вот и выручил тогда Абрам Шик Турина. Нашёл он ему патологоанатома, давнего своего товарища, уговорил, давно не практиковавшего, сделать эксгумацию трупа и попытаться идентифицировать личность убитого по отпечаткам пальцев. В картотеке розыска их имелось предостаточно. Требовалось отыскать пригодный для этого кусочек кожи на пальцах покойника, хотя тело и было уже предано земле. Начальство ни в какую! Турин дошёл до самого Хумарьянца, но тот его выгнал из кабинета. Вот и нарушили тогда они закон. Но не зря! Откопали ночью труп, а медик сотворил чудо: не Зуб оказался в гробу, а его верный поделщик, его и изуродовал до неузнаваемости главарь.

Так Абрам Шик спас репутацию Турина, иначе подметать бы ему улицы ещё с той поры.

А сам Зуб скоро попался из-за дурости. Устроил гулянку – воскрешение отмечал. За столом среди пьянствующей публики, выставив пушку²¹, заставил его Турин тянуть лапы в гору, но не дался бандит живьём, вышиб оконную раму, выбросился со второго этажа и, угодив на булыжники головой, разбился.

– Досталось вам? – спросил Ковригин.

– Больше сам мучился, что живым не удалось взять, – буркнул Турин. – Однако засиделись мы с воспоминаниями. Абрам Зельманович вас в губкоме дожидается. Он уже оборудовал там местечко. Мейнца сейчас нет. Обратитесь к Распятову, чтоб найти старика.

Шика искать не пришлось, тот, полусогнувшись, маячил у чёрного входа в губком и покурил папиросу, с удовольствием пуская колечки дыма.

– Чем же он так умаялся, что нас встречать вылез? – усмехнулся Ковригин.

– Боится, чтоб не потерялись, – в розыске Сунцов стал разговорчивей.

Ещё издали Шик замахал рукой.

– Чудаковатый старикан, – покачал головой Ковригин. – Ему лет сто? Чего его держат?

– Технарь он. Не понял?

– Что ж молодого не найти?

Сунцов пожал плечами:

– Молодой сакуре, чтобы зацвести, знаешь, сколько расти надо?

Уважительно поклонившись и пожав руки, Шик всё же спросил:

– От Василия Евлампиевича?

– А вы ещё кого-то дожидаетесь? – хмыкнул Ковригин.

– Пожалуйте за мной, господа хорошие, – развернулся старикан и, шаркая подошвами несуразно великоватых туфель, увлёк их в подвал, мимоходом заметив Ковригину: – Царской болезнью страдаю, молодой человек. Подагра, слышали? При Николашке прицепилась зараза, пальцы ног в шишках и торчат во все стороны. Мучаюсь всю жизнь.

²¹ Пушка (уголов. жаргон) – револьвер.

Ковригин только крякнул и больше живую реликвию царского сыска старался не только не разглядывать, а опасался на него дышать. Вёл их агент в кочегарку, занимавшую почти весь подвал губкома. Согнувшись, юркнул в маленькую дверцу и поманил к себе:

– Прошу в аппаратную.

– Ничего не пойму! – на ухо Сунцову шептал Ковригин, которому пришлось туго в узком проходе. – Какую сверхсекретную аппаратуру можно разместить в этой мышиной норе?

Втроём разместиться здесь было трудно, но Шик присел на табуретку, а им кивнул в угол, где оказалась удобная ниша, на полу которой виднелись остатки собачьей шкуры. Все стены и потолок обвивали чёрные провода, словно ядовитые змеи, к которым нельзя было прикасаться, о чём тут же остерёг хозяин, бодро объявив:

– Принимайте рабочее место, молодцы.

– И что же нам делать?

– А ничего. Главное – не заснуть, поэтому дежурить будете по очереди.

– Здесь и спать?! – дёрнулся от возмущения Ковригин, но тут же присел, так как голова его упёрлась в сплетение проводов на потолке. – Задохнёшься же?

– А я палочку вот приспособил. – Шик приоткрыл ею и тут же захлопнул форточку напротив себя. – Не пользуюсь. От двух лёгких одно осталось, берегу. А вам рекомендую, так как выходить отсюда без особой надобности нежелательно.

– Ну, попали! – горько охнул Ковригин. – Мне камера с Шушарой теперь раем кажется.

– Всё внимание на эту панель. – Шик ткнул перед собой пальцем, засветилась маленькая лампочка. – Товарищ Распятков? – спросил Шик и прильнул к панели.

– Кто это? Распятков у аппарата! – послышался из неизвестности далёкий голос.

– Это губрозыск, здравствуйте. – Шик улыбнулся неизвестно чему. – Извиняюсь, проверка.

– Вы бы лучше доклад искали, чем проверять, – раздражённо ответил голос и смолк.

– Этим и занимаемся, – согласился с ним Шик и повернулся. – Важного человека разрешено беспокоить только в исключительных случаях. – Ясно?

– А что делать-то? – не терпелось Ковригину.

– А ничего, – довольный собой, Шик чуть не подпрыгнул на табуретке. – Распятков, наверное, и нужный человек в губкоме, но он болтун. Вот, убедитесь сами, господа хорошие. – И сунул китайцу наушники.

– Он ругает нас! – вслушиваясь в разговор, поддакнул Сунцов. – Выставляет ослами какой-то дамочке.

– Секретарше, – махнул рукой Шик, – дам высокого ранга этот чиновник опасается. А эту, Сонечку, иногда щиплет за бока, но не более.

– И это всё, что удалось вам выяснить здесь за неделю? Хороши темпы! – Ковригин сплюнул с досады.

– Аппаратура пущена недавно, – обиделся старичок, поджав губы. – Заметьте, аналогов нет. К тому же здесь всё-таки губком! Всё остальное время ушло на монтаж, наладку...

– Извините...

– Я вас понимаю, – с грустной улыбкой продолжал Шик, – молодость всегда торопится, это естественно. Я сам когда-то...

Но досказать ему не дал Сунцов.

– Глядите! – сунулся он к панели, где заметался огонёк сигнала.

– Слушайте! – нажал кнопку Шик. – На вас же аппарат!

– Она разговаривает с женщиной, – прошептал Сунцов. – Называет её Стефанией.

– Это новая работница, – кивнул Шик. – На днях принята. Венокурова-младшая. И пользуется ужасной популярностью у всех.

Он повернулся к Ковригину, считая его за старшего, и доверительно пожаловался:

– Ей звонят мужчины со стороны. А ведь ещё товарищ Мейнц уверял меня, что в губкоме запрещены разговоры на посторонние темы.

– Бабы! – коротко рассудил Ковригин.

– Э, нет, – погрозил пальчиком Шик. – Я слушал те беседы, они наводят на странные мысли.

– Турина нашего обсуждают, – продолжая слушать, вытаращил глаза на Ковригина Сунцов. – Сонечка сообщила этой Стефании, что Василий Евлампиевич выезжает в Саратов!

– Да, да, Сонечка тоже хорошая болтушка, – закивал головой Шик. – Турин звонил товарищу Распятову, уведомил его о вызове в Саратов. Сказал, что пробудет там несколько дней. За себя оставляет Камытина.

– Чёрт возьми! – выругался Ковригин. – Это же тряпочный телефон! Секретную информацию обсуждают какие-то дамочки!

– Вот! А я что вам говорил! – тут же поддакнул Шик. – Это наводит на странные мысли.

– Подозрительные, я бы сказал! – рявкнул Ковригин.

– Тише, – оборвал их Сунцов. – Эта Стефания звонит теперь какой-то Катерине.

– Это её сестра, – подсказал Шик, – они часто перезваниваются. Катерина Венокурова – председатель женсовета.

– Шишка! – буркнул насмешливо Ковригин. – Но телефон установили не для этого.

– Она передала номер вагона, – прошептал Сунцов и, ставив наушники с головы, вытер вспотевший лоб.

– Чего? Какой ещё номер? – насторожился Ковригин. – Ты толком можешь объяснить?

– Что вам неясно, молодой человек? – вмешался Шик. – Выпытав у беспечной секретарши, эта подлая женщина всё сообщила сестре.

– Каким вагоном Турин едет в Саратов?! – вскричал Ковригин.

– Ну конечно.

– И зачем это ей?

– Не иначе кто-то поедет следить за Туриным, – устал объяснять Шик, прикрыв глаза.

– Но зачем? Скажите мне, зачем, раз уж вы всё знаете наперёд!

– Я знаю одно: вам следует поспешить на вокзал, – совсем тихо сказал старичок. – Но упаси вас Бог предпринимать какие-то экстренные меры. Вы просто выясните, кто из знакомых сядет в один поезд с Василием Евлампиевичем... А после дадите ему знать.

– Венокурова?.. – рванувшись к дверям, обернулся Ковригин.

Но Шик только пожал плечами.

V

На перроне в Саратове Турина встретил сам Странников. Был он бледен, сильно взволнован и, увлекая начальника губрозыска к поджидавшему автомобилю, на ходу бросил:

– В гостиницу, где остановилась наша делегация, не поедem. Я тебя в ресторанчик здесь один... скромненький. Не возражаешь?

И предложил устроиться на заднем сиденье.

– Что произошло? – спросил Турин.

– Потом! Всё потом! – Ответственный секретарь многозначительно кивнул на шофёра и схватился за голову.

Они домчались до места почти молча. Скорее из вежливости Странников лишь поинтересовался:

– Как сами доехали?

– Нормально. – Турин не сводил с него встревоженных глаз. – Заметили, как мелькнула на вокзале Венокурова Екатерина?..

– Екатерина?! – вскинулся Странников и до боли вцепился в руку Турина.
– Она, – осторожно попытался высвободиться тот. – Но в вагонах я её не видел.
– Это сука ещё та! – сжал губы секретарь. – И вас обвела вокруг пальца! Спряталась где-нибудь. Сюда она прикатила неслучайно. Вот что я скажу.

Турин смолчал, но реакция Странникова его поразила.

– Вы её плохо знаете, – он прикрыл рукой рот, – непременно отправилась напрямик в нашу гостиницу. Разнюхивать. Эта ведьма чует запах крови!

– Что вы говорите, Василий Петрович?! – Турин старался сохранять спокойствие. – Что же всё-таки случилось?

– Убийство! – прижавшись к нему, зашептал на ухо Странников. – Или самоубийство! Впрочем, в этом, конечно, разберутся. Это не самое главное. Давайте помолчим, мне плохо.

– Может, остановимся? – рванулся к шофёру Турин.

– Что вы! Ни в коем случае! – оборвал его секретарь, а обернувшемуся шофёру махнул: – Гони, гони!

– Но кого? – не унимался Турин.

– Павлину мою удавили, – прошептал Странников, закрыл глаза и в изнеможении отвалился на спинку сиденья.

Больше он не проронил ни слова, как ни пытался его разговорить начальник губрозыска.

Ресторан оказался на отшибе. Старое двухэтажное здание, обшарпанные стены навевали брезгливость, но Турин решил, что сейчас им лучшего и не надо.

– Водки! – только вошли, приказал подскочившему официанту Странников. – И уголок потише. А ты отпусти водителя, – кивнул он Турину. – У приятеля машину попрошу. Доберёмся потом сами.

– Есть отдельный номерок, – ставя графин на стол, поклонился официант.

– Веди!

Турин шагал, замыкая процессию и приглядываясь к посетителям. Публики было мало, и ей было явно не до них.

Номер, под стать заведению, поражал дряхлостью и запущенностью, но диван и два кресла оказались вполне качественными и даже чистыми, соринки официант лихо смахнул, разлил из графинчика водку по рюмкам и удалился. Турин задержался у двери, прислушался к его затихающим шагам, прижал её плотней.

– Ты ничего такого не думай, – жадно выпил водки секретарь. – Я к убийству непричастен.

– А почему вы решили, что убийство? Сами вроде только что обмолвились о другом.

– Никто ничего не знает! – Странников потянулся опять к водке.

– Тем более...

– На допрос вызывают. Вот и трясёт всего. Ждал твоего приезда как Бога! Не приучен, – он осклабился, – показания давать. А теперь вот придётся...

Он опрокинул очередную рюмку, упал в кресло и закрыл глаза.

– Успокойтесь, Василий Петрович, – выбирал место, куда бы примоститься, Турин. – Я прибыл, и вам нечего бояться.

– Давай помянем её! – вскочив, словно в лихорадке, тот схватил рюмку, она дрожала в его руке. – Павлинка больше нет!.. Кому понадобилась её жизнь?

Он опрокинул в себя водку, словно воду, не закусил, наполнил и выпил ещё, вливал в рот, торопясь утолить сжигавшую его жажду.

Турин наконец спохватился, удержал его руку.

– Достаточно. Вы спьянитесь.

– С утра крошки не проглотил, – повалился тот снова в кресло, закрывая глаза. – А следовательно, наверное, думает, что это я её удавил... Он думает, что я и есть убийца, Василий Евлампиевич! Вот в чём дело...

– Почему вы так считаете?

– Почему?... Потому что я был с ней! Потому что видел её живой последним...

– Кто-нибудь может подтвердить?

Странников молчал, безумно вращая глазами.

– Вас видели вместе накануне?

– Не знаю! – вскочил на ноги секретарь и заметался по тесной комнате, натываясь на углы мебели. – Видели? А как же! Конечно, видели! Я же не человек-невидимка! Ну что усталились на меня? Я с ней спал! Жил здесь как с женой! В каком-то доме... Она сняла квартиру. Там и умерла моя Павлинка...

– Это ещё не доказательство, – дождавшись конца истерики, начал Турин как можно спокойнее, одновременно подыскивая место, чтобы всё-таки сесть; свою рюмку он так и поставил на стол.

А когда наконец устроился, поднял глаза на секретаря, замер: Странников плакал, не скрывая слёз.

VI

Ситуация грозила стать неуправляемой, Турин растерялся, чтобы только не молчать, спросил:

– Куда вас вызывают?

– Что? – Странников словно очнулся, полез за платком, пристыженный минутной слабостью, начал рыться в карманах в поисках папирос.

– Когда вам надо быть в прокуратуре и у кого?

– В прокуратуре? – Странников устался на начальника губрозыска, словно тот произнёс нечто ужасное. – С чего вы взяли?

– Покажите мне повестку о вызове.

– Никакой повестки! Что вы говорите?

Турин откинулся на спинку кресла в замешательстве. Ответ секретаря поразил его до такой степени, что он потерял над собой контроль, а это редко случалось.

– Мейнц мне позвонил. – Странников закурил и тяжело закашлялся, словно больной. Иногда сквозь этот тяжкий неестественный нервный кашель ему удавалось всё же выдавливать отдельные фразы. – Он в курсе... куда... зачем... к кому...

Турин постарался взять себя в руки. Он поднялся, заказал горячего чая, холодных закусок и, пододвинув кресло поближе к Странникову, как можно доверительнее произнёс:

– Дорогой Василий Петрович, чтобы вам помочь, надеюсь, я за этим сюда и вызван, мне необходимо знать все подробности случившегося. С Мейнцем я побеседую сам. Думаю, мы найдём общий язык. От вас мне хотелось бы услышать правду... насколько вы мне её доверите.

Принесли чай. Не сговариваясь, они оба потянулись за стаканами.

– Мне нет нужды врать, – схватив стакан, скривившись от горячего и отодвинув его от себя, Странников полез за новой папироской, закурил, подняв глаза на Турина, долго и тяжело изучал его лицо. – Что ж врать? Когда над пропастью оказался.

– Ну, ну, Василий Петрович, – ободрил его Турин, – мне кажется, не всё так страшно.

– Не страшно?... Ну слушайте. Только не перебивайте, иначе я собою и потеряю желание... – он горько хмыкнул, – исповедоваться сыщику.

Турин pokrивился, лицо его налилось краской, но он не шелохнулся, только пальцы рук крепче вцепились в подлокотники кресла.

– Эту женщину принёс сюда сам дьявол, – хмуро начал секретарь. – После того раза, вы помните глупую затею Задова с бенефисом в театре, мы почти не виделись. Но первая близость, её тело запалили меня. И всё же, словно чувствуя, что к хорошему это не приведёт, что они затевают какую-то коварную и дерзкую игру вместе с женихом, я игнорировал её предложение о новой встрече. Подвернулось совещание в Саратове, на которое мне можно было бы и не ехать, но я умчался, лишь бы её близость и доступность не соблазнили меня на опрометчивый шаг. И что же? Через день или два по приезде я наткнулся на неё в нашей гостинице. Благо, что нас не заметили вместе, Мейнц словно привязанный ходил за мной по пятам, но и он прозевал. Эта сука, вы её видели, Венокурова, примчалась сюда, словно по его зову! Они затеяли на меня облаву! Вам не кажется?

– Не отвлекайтесь, Василий Петрович, всё это потом, всё потом...

– Я плюнул на совещание, перекинул дела на Мейнца, соврал ему, что встретил старую знакомую, развлекусь несколько дней...

– А?... – открыл было рот Турин.

– Он сам забавляется здесь по вечерам не хуже меня. С кем-то из нашей делегации. Я застал их однажды в номере... – Он помолчал. – Доверить дела на него у меня были все основания. Я же в этом Саратове провёл почти всю свою жизнь, дорогой Василий Евлампиевич!.. Сколько всего здесь было!.. – Странников постепенно преобразился, рассказывая, при последних словах откинулся на спинку кресла и даже улыбнулся мечтательно, вспоминая.

– И я действительно перебрался к давней знакомой Тамаре, – подмигнул он Турину. – Она одинока, сохранила свежесть. Должен же я был где-то нормально питаться, отдыхать! А Тамара такая милая женщина, и совсем не забыла меня.

Он глянул на графинчик с водкой, но Турин непроизвольно поморщился, и секретарь вернулся к своему рассказу:

– Когда в квартире Павлины мы расставались утром, она предупредила, что о следующей встрече даст знать сама.

– Почему?

– Якобы мог приехать жених. – Странников криво усмехнулся. – Вы знаете, этот прокуроршка укатил в столицу и пропал. Потом вроде позвонил, что собирается скоро быть.

– И приехал?

– Нет. Впрочем, теперь я не знаю. – Странников снова закурил. – Я не ходил на совещания. Тамара умеет создавать рай, и я проводил время у неё, дожидаясь вестей от Павлины.

– Каким образом?

– Я дал ей телефон Тамары.

– Дали ей телефон Тамары?

– Но вместо неё затрезвонил Мейнц. Он и сообщил о смерти.

– Мне нужны подробности, Василий Петрович. Что он вам рассказал?

– Как – что? Я же вам говорил?

– Подробности... Вспомните ваш разговор с Мейнцем.

– Ему позвонили из местных органов как к руководителю нашей делегации. Деликатно поинтересовались, не заболел ли кто?... Все ли женщины посещают совещание?

– Что?

– Вот-вот. Мейнц тоже поначалу поразился. Тогда и спросили, не пропала ли женщина из делегации?

– Так, так...

– Ну а когда назвали фамилию Павлины, Мейнц, естественно... Ему предложили при-слать людей на опознание трупа, но болван затрезвонил мне. Кого слать?... Самому? Я поручил Мейнцу ехать лично и держать язык за зубами.

– Значит, вы не были на месте происшествия?

– Что вы! Конечно, нет. Я был разбит диким сообщением. Её нашли повешенной в пустой квартире, где мы обычно встречались.

– Вы ранее сказали «повешенной»?

– Господи, не придирайтесь к словам! Я ничего не знаю! Но с чего бы ей убивать себя? Мы мило расстались. Она вся была в предчувствии новых встреч, так нежна...

– Кстати, почему она оказалась в квартире одна? Хозяйка проживала отдельно?

– Она обычно покидала нас утром, а к вечеру возвращалась. И в тот раз, когда мы проснулись, её уже не было.

– Так что же объясняет она?

– Ну откуда мне это знать, милейший Василий Евлампиевич! – возмутился Странников. – Ваш допрос становится прямо-таки пристрастным! Уж не подозреваете ли и вы меня?

– Извините.

– Ничего, ничего. Это я погорячился. А ведь знаете, Мейнц мне недавно звонил и сообщил, что Аграфена Валериановна тоже пропала.

– Хозяйка?

– Ну да. Бывшая актриса, хозяйка квартиры. Её никак не найдут.

– Какие у неё были взаимоотношения с покойной?

– Замечательные! – выпалил, не задумываясь, Странников. – Это такая женщина! – произнеся это, он вдруг переменялся в лице.

– Что-то вас смутило? Кого-нибудь подозреваете?

– Не знаю. Имеет ли сие отношение к случившемуся?..

– Имеет! Сейчас малейшая деталь, ничтожная на первый взгляд нелепость имеют значение.

– Накануне той последней ночи, – начал Странников с отчаянной решимостью, – у нас с Аграфеной имел место казус. Пользуясь моим опьянением, она сманила меня на кухню, ну и мы... Нет, нет! Не подумайте что худого! Она так замечательно пела романс про поцелуй, что мне захотелось её расцеловать. Влетела Павлина и закатила сцену ревности, хотя, клянусь вам, Василий Евлампиевич, ничего такого не было.

– Выходит, у хозяйки были основания, – задумчиво констатировал Турин, – после этого она пропала из дома. Кто же обнаружил труп?

– Соседка Аграфены. Случайно зашла проведать актрису и наткнулась на труп Павлины. – Странников поник и съёжился. – Но Аграфена Валериановна на такое не способна... Убить! Нет! Не могу в это поверить!

– А не было ли у Павлины других знакомых в Саратове? – допытывался Турин. – К кому она приехала?

– К родителям Глазкина, жениха своего, так во всяком случае она мне объяснила. И потом, Василий Евлампиевич, подумайте, дорогой, неужели умная дама откроет свои тайны?

– Но она не жила у его родителей?

– Нет, конечно. Она навещала их, интересовалась Павлом.

– Вы уверены?

– Вы самому себе-то когда-нибудь верите, Василий Евлампиевич? – горько хмыкнул Странников.

– А Глазкин, значит, так и не приехал... Странно всё это.

– Мейнц информировал меня, что руководство следственных органов дало телеграмму в Москву о его вызове.

– Так, так... И родителям сообщили?

– Надеюсь. У вас кончились вопросы? Я устал.

– Пока всё, – в задумчивости произнёс Турин, – но есть пожелание, Василий Петрович.

– Какое?

– Как я понял, вами следственные органы совершенно не интересовались?

– Нет, но...

– И о ваших связях с покойной здесь никому не известно?

– Актриса... хозяйка знает, но ей не известны ни фамилия, ни моя должность... – Странников с надеждой ловил каждое слово начальника губрозыска, казалось, теперь он понимал, куда тот клонит.

– Я посоветовал бы вам, Василий Петрович, при такой ситуации срочно выехать в Астрахань. Если можно, сегодня же. Показания с вас я снял. Этого достаточно.

– Вечером будет поезд, – вскочил тот с кресла. – Я обязательно уеду. Эта обстановка меня убивает. Если бы не Тамара, не знаю, обошёлся бы я без доктора.

– Вот и прекрасненько. Все криминальные тонкости, если не возражаете, я возьму на себя. В местном розыске у меня есть знакомые ребятки, а старый друг лучше новых двух.

– Вот за это спасибо, Василий Евлампиевич, я на вас так надеюсь! – пожал руку Турину Странников. – С нетерпением буду ждать вестей.

– Служу трудовому народу! – без улыбки ответил тот.

– Придумать что-нибудь для Мейнца? – заглянул ему в глаза секретарь. – Болезнь жены, срочный вызов или?..

– Ничего не надо, – успокоил его Турин. – Я сам всё ему объясню. А вечером встретимся на перроне. Пусть только вас никто не провожает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.